

Воронежский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания и стилистики

Профессору З.Д.Поповой
в честь ее 70-летия

ЯЗЫК И НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

Научное издание
Вып.2

Воронеж
1999

Межвузовский научный сборник “Язык и национальное сознание” - второй из серии публикаций кафедры общего языкознания и стилистики по данной тематике (первый вышел в 1998 г. и был посвящен 25-летию кафедры общего языкознания и стилистики и проблемной группы кафедры). Настоящий сборник отражает очередной этап исследования кафедрой темы ***“Структурно-семантическое описание русского языка как средства общения”***.

Сборник отражает материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию главы теоретико-лингвистической школы кафедры заслуженного деятеля науки РФ, профессора, доктора филологических наук З.Д.Поповой.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов.

Редакционная коллегия: А.Г.Лапотько, З.Д.Попова, И.А.Стернин

Научный редактор - И.А.Стернин

От редколлегии

Данный межвузовский сборник продолжает серию изданий кафедры общего языкознания и стилистики по проблеме, разрабатываемой теоретико-лингвистической школой заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора З.Д.Поповой - "Структурно-семантическое описание русского языка как средства общения". Всего кафедрой под руководством З.Д.Поповой по данной проблеме выпущены следующие научные сборники и коллективные монографии:

1. Сопоставительно-семантические исследования русского языка. Воронеж, 1979.
2. Сопоставительно -семантические исследования русского языка. Воронеж, 1980.
3. Семантические категории сопоставительного изучения русского языка. Воронеж, 1981 .
4. Аспекты лексического значения. Воронеж,1982.
5. Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. Воронеж, 1983.
6. Семантические процессы в системе языка. Воронеж, 1984.
7. Семантическая специфика национальных языковых систем. Воронеж, 1985.
8. Контрастивные исследования русского и немецкого языков. Воронеж, 1986.
9. Семантическая общность национальных языковых систем. Воронеж, 1986.
10. Семантика слова и синтаксической конструкции. Воронеж, 1987.
11. Полевые структуры в системе языка. Воронеж, 1989.
12. Актуальные проблемы включенного обучения: организация, научно-методические основы. Воронеж, 1989.
13. Проблемы функционирования и преподавания русского языка как иностранного. Воронеж, 1990.
14. Aktuelle Probleme der Beschreibung einer Sprache als Fremdsprache. Halle, 1991.
15. Структурно-семантические исследования русского языка. Воронеж, 1994.

16. Контрастивное описание русского и немецкого языков. Воронеж, 1994.

17. Очерки по русско-немецкой контрастивной лингвистике. Воронеж, 1995.

18. Kontrastive Beschreibung der Russischen und Deutschen Sprache. Halle, 1996.

19. Контрастивные исследования лексики и фразеологии русского языка. Воронеж, 1996.

20. Язык и национальное сознание. Воронеж, 1998.

Предлагаемый вниманию читателей сборник является двадцать первым в этой серии и отражает этап исследования, связанный с проблемами отражения в языке национальной концептосферы народов.

Данный выпуск посвящен 70-летию профессора З.Д.Поповой и включает материалы выступлений и докладов, предложенных к региональной научно-теоретической конференции “Язык и национальное сознание”, посвященной юбилею ученого.

**Основные этапы научной деятельности
доктора филологических наук, профессора,
заслуженного деятеля науки РФ
Зинаиды Даниловны Поповой**

9 августа 1929 г. - родилась в г. Воронеже.

1946 г. - окончание средней школы в г. Брянске с золотой медалью, поступление на филологическое отделение историко-филологического факультета Воронежского университета

1951 г. - окончание с отличием филологического факультета ВГУ, поступление в аспирантуру при кафедре русского языка

1954 - защита кандидатской диссертации на тему «Виды синтаксических связей в Азовской записной книге 1698-1699 гг.» (научный руководитель проф. В.И.Собинникова), работа преподавателем на кафедре русского языка ВГУ.

1957-1960 гг. - преподаватель, доцент кафедры русского языка Курского педагогического института. Присвоение звания доцента (1957).

1960 г. - доцент кафедры русского-славянского и общего языкознания Воронежского ГУ.

1970 г. - защита докторской диссертации на тему «Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке 17- го века» (научный консультант проф.Н.Ю.Шведова)

1972 - присвоение звания профессора

1973 - возглавила вновь созданную кафедру общего языкознания и стилистики

1995 -наст. вр. --профессор кафедры общего языкознания и стилистики

Научные интересы: исторический синтаксис русского языка, синтаксис современного русского языка, русская и общая фразеология и лексикология, теоретические проблемы общего языкознания, моделирование системы языка, контрастивное изучение русского языка, когнитивная лингвистика.

Общее количество опубликованных работ - 263, из них 9 монографий, 20 учебно-методическое издание (учебные пособия, брошюры).

Наиболее известными в среде специалистов работами З.Д.Поповой являются «Очерки по общей и русской фразеологии» (в трех книгах), совм. с М.М.Копыленко / 1972-89/, «Очерки по синтаксису южновеликорусской письменности»/, совм. с С.И.Котковым / М., 1986/, «Общее языкознание» (Воронеж, 1987), «Морфологическая парадигматика русского языка» (Воронеж, 1991), совм. с Волохиной Г.А, «Лексическая система языка» (Воронеж, 1984), совм. с И.А.Стерниным, брошюра «Модели системы системы языка в современной лингвистике» (Воронеж, 1996).

Проблемной группой кафедры под руководством З.Д.Поповой выпущено 20 межвузовских научных сборников и коллективных монографий. В рамках научной школы, возглавляемой З.Д.Поповой, защищено на конец июня 1999 г. 105 диссертаций, включая 8 докторских.

Количество подготовленных З.Д.Поповой кандидатов наук - 55, пять ее бывших аспирантов стали докторами наук.

Награды и поощрения: медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина» (1970), медаль «Ветеран труда» (1984), медаль «За трудовую доблесть» (1986), почетная грамота Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР (1987), почетная грамота Министерства общего и профессионального образования РФ (1998).

Звание «заслуженный деятель науки РФ» (1991).

Публикации о З.Д.Поповой

1. Библиографический указатель по русскому и общему языкознанию. Профессор Зинаида Даниловна Попова. Самарканд, 1986. 125 с.
2. “Многих лет творческой работы Вам!” // “Молодой коммунар”, 28 сентября 1989 г.
3. Душа, распахнутая навстречу людям // “Воронежский университет”, 29 сентября 1989 г.
4. Зинаида Даниловна Попова. “Филологические науки”, 1990, № 2, с.125-127.
5. Наша Зинаида Даниловна // Университетская площадь. Очерки. Воспоминания. Воронеж, 1998, с. 135-140.

И.А.Стернин

В.И.Милехина

Сопоставительная русско-немецкая лексикология и фразеология в трудах научной школы профессора З.Д.Поповой

В рамках сопоставительного метода на материале немецкого и русского языков под руководством профессора З.Д.Поповой было написано и защищено 14 кандидатских диссертаций, посвященных исследованию различных сторон системной организации языка (список защищенных диссертаций см. в сборнике “Язык и национальное сознание”, Воронеж, 1998, с. 13-19).

В диссертационной работе *Белкиной З.В.* поставлена задача выполнить исчерпывающий анализ глагольной лексики “давать” в сопоставлении с немецким глаголом “geben” и французским “donner” во всех их употреблениях - прямых, переносных, фразеологических и грамматических. Методом межязыкового сопоставления были выделены ЛСГ глаголов во всех трех языках. В зависимости от сочетаний с конкретными или абстрактными существительными семемы могут иметь денотативные или коннотативные значения. Анализ сочетаемо-

сти лексем позволил получить картину семантического содержания лексем и иерархического соотношения ее семем. Характерно, что коннотативные семемы в разных языках базируются на лексемах, не эквивалентных друг к другу в Д1.

Как известно, семантическая общность проявляется и в области моделирования фразеологических единиц. Исследование на материале парных сочетаний с сочинительной связью типа “огонь - пламя”, “Feuer u. Flamme” выполнено *Милехиной В.И.* Среди семантических типов в обоих языках выделено 4 вида сочетаний: тавтологические сочетания (“крепко-накрепко”, “nach u. nach” - постепенно); синонимические (“ни складу ни ладу”, “Ruhm u. Ehre” - честь и слава); антонимические (“groß u. klein” - от мала до велика) и репрезентативные парные сочетания (“ни два ни полтора”, “mit Rat u. Tat” - словом и делом). Специфика русских и немецких сочетаний проявилась в области их стилистического функционального распределения, а также в различном лексическом наполнении одних и тех же семантических моделей. Автором применялась методика семемного анализа и формализованного описания сочетаний с использованием терминов математической логики.

Изучением словообразовательных семантических моделей занималась *Шубина А.В.* Ею анализировались отглагольные существительные на материале газетных текстов. При этом выяснилось, что сочетания с отглагольными существительными могут быть представлены типами Д1Д1 (“die Einschätzung der Lage” - оценка положения), Д2Д2 (“die Umstellung der Wirtschaft” - перевод экономики), К1Д1 (“die Durchbrechung des Gesetzes” - нарушение закона). В работе анализируются процессы развития вторичного денотативного значения - Д2 и мотивированного значения - К1. Исследования Шубиной А.В. позволили выявить своеобразие отглагольных существительных, сложность иерархии их значений и разнообразные ограничения сочетаемости с другими лексемами.

Первым опытом специального исследования многокомпонентных глагольных сочетаний является работа *Ковыршиной Е.О.* В результате анализа МКГФС автором представлена синтаксическая типология данных ФС, определены лексико-семантические группы глаголов, выяснены семемные модели МКГФС. В немецком языке было выявлено 8 структурно-синтаксических схем, в русском - 7. В основном они аналогичны в обоих языках. Наиболее разнообразными в обо-

их языках оказались ФС, состоящие из глагола и зависимых от него распространителей - существительных, местоимений или наречий. Семемный анализ показал, что большая часть исследуемого материала имеет модель K1K1K1. Ср.: “j-m ein Schloß vor dem Mund hängen” - затыкать рот кому-л., букв.: кому-л. повесить замок на рот. Изучение данных ФС на материале двух языков позволило выявить существование определенных вариантов структуры и семантики многокомпонентных ФС.

Трухина С.А. изучала фразеологизмы, образованные по структурной схеме - предлог + существительное. Напр., в русском языке - “в сердцах”, “на огонек”, “до гроба”, в немецком - “auf die Minute” - минута в минуту, “auf einem Brett” - все разом, сполна. Подобные выражения принято называть одновершинными. Автор причисляет эти фразеологизмы к лексико-грамматическим. Механизм образования фразеологического значения во многом сходен в обоих языках. Первоначальное пространственное значение предлогов и вещественные значения существительных одинаково отходят от своих денотативных значений и приобретают всевозможные коннотативные оттенки значений. Более тесная связь с денотативным значением прослеживается в ЛГФ с предлогами непространственной системы, напр., “mit Herz” - с сердцем, “mit Gewalt” - с силой.

Исследования *Дудченко В.В.* посвящены изучению семантической структуры конкретных существительных, имеющих производно-номинативное значение. В работе анализируются два типа номинативных лексических значений - лексемы с семемами Д1 и Д2 (“der Fuß” - нога и “der Fuß des Berges” - подножие горы). Общность дифференциальных признаков в обеих лексемах дает основание для сравнения, связи двух понятий и позволяет осуществить перенос наименования. Разработанная автором методика формализованного описания семемного состава лексемы позволила наглядно проследить пути и основания переноса наименования в каждом языке, что внесло свой вклад в развитие теории номинации.

В диссертации *Ковалевой Л.В.* изучались ФЕ, в состав которых входят названия предметов обихода, с целью выяснения их стилистической принадлежности. Фразеологизмы, рассматриваемые в работе, хорошо сохраняют мотивированность своих компонентов, что позволило проследить развитие переноса значений. Автор приходит к выводу, что фразеологизмы с лексемой, обозначающей предметы обихода, в

основном относятся к разговорному стилю. Ср.: “Unter den Pantoffeln sein” - быть под башмаком.

Сопоставительному изучению глагольно-именных сочетаний в текстах научного стиля в немецком и русском языках посвящена работа *Просветовой Л.П.* Глагольно-именные ФС типа “zum Ziel kommen” - приходиться к цели, “Ursache haben” - иметь причину - наиболее часто встречаются в официально-деловом и научном стилях. Глагол, являясь семантическим центром предложения, обладает широким спектром потенциальных сочетаемостных возможностей, и именно в сочетаемости глагола можно обнаружить яркие национальные особенности языка. Семантическими центрами в некоторых устойчивых ФС, в которых глаголы имеют широкую семантику, могут быть и субстантивные лексемы, обозначающие конструкты (“Vorzug haben” - иметь преимущество). Национальное своеобразие в исследуемых ФС может проявляться в разном лексическом составе ФЕ двух языков, в частоте их употребления и в сочетаемости лексем. Напр., “Einblick bekommen” - букв.: получить взгляд, т.е. ознакомиться с чем-л.

Диссертация *Рудник Э.Я.* посвящена исследованию средств предметной модальности, выраженной русскими модальными глаголами и предикативами (надо, нужно, должно, нельзя и пр.) в сопоставлении с немецкими модальными глаголами. В работе представлено описание объема семантики исследуемых лексем, установлены межязыковые эквиваленты, а также выявлены дифференцирующие эквиваленты лексем в языке перевода по отдельным значениям.

Исследование Э.Я.Рудник показало, что имена предметной модальности в немецком и русском языках образуют принципиально разные по устройству микрополя, соотносимые в целом по выражаемым значениям, но почти не эквивалентные с точки зрения отдельных лексем. Микрополе модальности, исследуемое Рудник Э.Я., подтверждает системное устройство языка, поскольку модальные глаголы наравне с другими языковыми средствами могут быть именами отношений.

Топорова В.М. в работе “Диалектика абстрактного и конкретного в лексической семантике (на материале русских и немецких существительных, включающих сему “форма”)” изучает лексику геометрической номинации, а также названия предметов правильной и неправильной формы, формы с усложненной конфигурацией. В ближайшей периферии поля, примыкающей к ядру, можно выделить названия

предметов правильной геометрической формы (сфера, кольцо, клин и др.) и неправильной - названия предметов с усложненной геометрической формой (тарелка, блюдце и др.). Выделены макроуровень (названия эталонов геометрической формы) и микроуровень (названия отдельных, в том числе ассоциативных, характеристик формы). Автором рассматриваются блоки лексем, связанные с понятиями форм линии, клина, круга, серпа, рога и др. Автор приходит к выводу, что геометрические свойства задают основные тенденции семантического развития лексем изучаемой группы. Группы лексики с геометрической номинацией пронизывают всю полевою структуру данного семантического класса и охватывают все сферы человеческого бытия. Здесь отчетливо прослеживается системное устройство языка.

Фомина З.Е. рассматривает категориальные и семантические типы эмоционально-оценочной лексики в лексической системе немецкого и русского языков. Наличие или отсутствие эмоционально-оценочного компонента в семемах определяется путем образования оппозиций между семемой Д1 и семемами Д2, К1, К2. Напр., “утка” - водоплавающая птица (Д1) и газетная “утка” - ложный сенсационный слух (К2). Автором было выявлено несколько типов оппозиций. Наиболее распространенными оказались оппозиции Д1 - К1: “vergiften” - отравить ядом (Д1) и К1 - сделать что-л. невыносимым. В работе дано контрастное описание категориальных и семантических типов лексики с точки зрения типов семем, в частотном соотношении в текстах стилистической принадлежности и сделаны практические выводы для преподавания языков.

Панкина М.Ф. изучает семантические механизмы сочетаемости лексем на материале глаголов самостоятельного перемещения в русском и немецком языках. У всех глаголов данной группы выделяется общий компонент значения - “перемещение в пространстве”. Выявлены конкретизирующие значения движения, напр., “самостоятельность перемещения”, “среда перемещения”, “средство” и “температура перемещения”. Совокупность семем, выражаемых лексемой глагола, отражена с помощью специальных таблиц сочетаемости глагольных лексем с другими лексемами. Учет синтагматических связей позволил выявить различия в организации структуры ЛСГ глаголов самостоятельного перемещения в обоих языках. Так, русский глагол “идти” во многих случаях соответствует не глаголу “gehen”, а глаголу “laufen” - бежать, напр., “der Film, die Arbeit, die Straße laufen”. Выявлены и другие особенности

употребления глаголов перемещения в немецком и русском языках. Подобный метод исследования может применяться и для других семантических групп лексики.

Необходимо отметить, что кроме исследований лексического и фразеологического корпуса немецкого и русского языков учеными воронежской теоретико-лингвистической школы З.Д.Поповой разрабатываются и другие аспекты и уровни языка: ср. диссертационные работы *Корневой Е.В.* “Возвратность как семантическая категория (на материале русского и немецкого языков)”, *Мазарской С.Е.* “Опыт грамматической категории стиля (на материале русских и немецких химических текстов)”, *Федорова В.А.* “Семантические типы неопределенного лица и способы их выражения в простом предложении (на материале русского, немецкого, английского, польского и французского языков)”, *Колосовой Т.А. и Чаленко Е.С.* “Русские и немецкие предложения асимметричной структуры” и др.

Г.А.Волохина

Вопросы русской грамматики в трудах научной школы З.Д.Поповой

Заметное место в сфере научных интересов профессора З.Д.Поповой занимают вопросы русской грамматики.

Глубина мысли, оригинальность в решении вопросов представлены в монографическом исследовании “Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения” (1993), а также в ряде примыкающих к нему статей и учебных пособий.

В поле зрения ученого находятся спорные вопросы синтаксиса сложного предложения. В частности, обсуждаются дискуссионные проблемы изъяснительных, определительных и повествовательно - распространительных предложений. Взгляд на исследуемые конструкции с позиции семантического синтаксиса позволил более четко интерпретировать данные типы предложений.

Блок работ З.Д.Поповой посвящен спорным вопросам орфографии и пунктуации. Помимо опоры на формальные критерии, З.Д.Попова предлагает применять содержательный, семантический анализ конструкций, что позволяет более четко разграничивать случаи слитного и раздельного написания, постановки или отсутствия запятой,

а также такие явления, которые допускают двоякое толкование, которые целесообразно не учитывать как ошибки.

В ряде работ получили освещение спорные вопросы грамматической стилистики в аспекте теории вариантности и нормы. В работах З.Д. Поповой признается правомерность сосуществования целого ряда вариантов нормы, допустимых в литературном языке. Эти идеи воплощены в справочном пособии "Морфологическая парадигматика русского языка", выдержавшем два издания (1983, 1991).

Большое внимание З.Д.Попова уделяет созданию учебных пособий. Интерес ко всему новому, освоение новых идей и подходов реализуются и в учебной практике. З.Д.Поповой, в частности, была творчески применена только что появившаяся в свое время методика программированного обучения и на ее базе был создан ряд учебных пособий.

Последние годы внимание ученого привлечено к проблемам синтаксической семантики простого предложения. На основе идей современной когнитивной лингвистики З.Д.Попова выдвинула понятие *синтаксический концепт*, что нашло свое отражение в новой монографии.

Труды профессора З.Д.Поповой, самобытного и глубокого исследователя, бережно и с любовью относящегося к родному слову, открывают новые подходы в изучении грамматики русского языка.

Концептосфера народа и ее репрезентация в языке

З.Д. Попова

Когнитивные пропозиции и семантика языка

Семантика языка образуется совокупностью значений языковых знаков. Ее границы очерчиваются количеством знаков и связанных с ним общеизвестных семем. Но в мыслях говорящих имеются и такие

смыслы (когнитивные пропозиции), которые не имеют языкового выражения (“невыразимое”, “несказанное”). Стремясь найти для таких смыслов языковой знак, говорящие (особенно писатели, поэты, переводчики) испытывают “муки слова”. Признание реальности пропозитивных смыслов в советской лингвистике считалось идеализмом и осуждалось. В наши дни о пропозитивных смыслах говорят все чаще (А.В. Бондарко, И.С. Торопцев, Е.С. Кубрякова, И.Н. Горелов, И.А. Стернин и др.).

Признание реальности пропозитивных смыслов позволяет объяснить многие процессы, протекающие в семантике языка. Психолингвисты установили, что всякое высказывание начинается с проявления речевой интенции, то есть потребности передать когнитивную пропозицию. Пропозиция диктует подбор позиционной схемы высказывания, для заполнения позиций которой затем подбираются словесные знаки. Если для каждой позиции в лексиконе говорящего есть нужный знак, затруднений с построением высказывания не возникает. Если подходящего знака нет, говорящий его ищет, чаще всего используя имеющиеся в языке лексемы. В этом случае семантика той или иной лексемы “подстраивается” в речи под нужный пропозитивный смысл.

Особенно наглядно представлен этот процесс в текстах художественной литературы, где можно найти примеры резкого расхождения общеязыковой семантики знака и индивидуально-авторского пропозитивного смысла, вложенного в этот знак. Ср.: Звездная ночь проходила над Землей (Паустовский). В общем языке *ночь* – часть суток, в приведенном примере *ночь* – ночное небо над вращающейся Землей.

Постоянное присутствие в мыслях человека когнитивных пропозитивных смыслов – условие постоянного развития и обогащения семантики языка.

А.П.Бабушкин

Картина мира и концептосфера языка

В последние годы в связи со становлением и активным развитием когнитивной науки проблема языковой картины мира, разработка которой была инициирована представителями неогумбольдтианских течений в ФРГ, а также Э. Сепиром и Б.Л. Уорфом в США, получила новый ракурс рассмотрения. Лингвистов стала интересовать не столько та идея, что логический строй мышления определяется языком и что характер познания действительности зависит от языка, на котором

мыслит познающий субъект, сколько мысль о важности языка для процессов познания, возможности использования его как источника сведений об окружающем мире.

Под языковой картиной мира имеется в виду сокровищница всех знаний, понятий и форм мышления, убеждений и оценок (Кубрякова, с.8). (В скобках особо отметим употребление категорий “понятия” и “формы мышления” в определении данного феномена).

Кроме языковой картины мира, существует терминологическая “россыпь” других “картин”: чувственно-пространственная картина мира, духовно-культурная, метафизическая. Говорят также о физической, философской картинах мира. Например, физическая картина мира – это представление о мире и его процессах, выработанное физикой на основе эмпирического исследования и теоретической интерпретации (Филос.энцикл., с.201, 479). Указанный набор “картин мира” включает в себя разнокачественные формации. Например, физическая – потеряв в ходе своей эволюции характер непосредственной наглядности – описывается сегодня посредством сложнейших математических уравнений, и, в этом смысле, она не является собственно “картиной”.

Тем не менее, сомнительно то, что “картина мира” представляет собой родовое понятие, под рубрикой которого группируются его видовые ветвления. Скорее, упомянутые нами разновидности “картин” – это разные участки одной глобальной и многоаспектной сущности – совокупности исторически обусловленных воззрений на мир и само видение этого мира, как научное, так и “наивное”.

Следовательно, говоря о языковой картине мира, мы имеем в виду один (правда, весьма существенный) фрагмент универсального “картирования” действительности человеческим сознанием.

По языковой картине мира – системе, открытой для лингвистического анализа, можно судить и ментальном пространстве языка, скрытым от непосредственного наблюдения – его концептосфере.

Приоритет введения термина “концептосфера” в научный оборот принадлежит академику Д.С. Лихачеву. Концептосфера представляется им в виде особого поля, “ауры” языка. Понятие концептосферы увязывается с познавательным потенциалом, запасом знаний и навыков, культурным опытом как отдельной личности, так и народа в целом (с. с.5-6).

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы рассмотреть

структуру концептосферы в ее преломлении в языковой картине мира, показав тем самым национально-культурную специфику последней.

Прежде всего, необходимо разграничить два понятия: процесс и содержание мышления. Процессы мышления носят общечеловеческий характер и протекают по единым законам работы мозга. Процессы и формы мышления одинаковы у всех людей, на каком бы языке они ни говорили, подобно тому, как одинаковы происходящие в их организмах физиологические процессы.

Содержание мышления носит отнюдь не универсальный, а сугубо национальный характер. В нем находят свое отражение психический склад и духовный облик народа, особенности его бытования, культуры, особые подходы к решению жизненных проблем (Попова, с. с.58).

Развивая идею академика Д.С. Лихачева, представим концептосферу языка в виде совокупности концептов разных типов: мыслительных картинок, схем, фреймов и сценариев (см. Бабушкин, 1996).

Концепты – мыслительные картинки представляют когнитивные структуры, репрезентирующие внешние характеристики предметов окружающей действительности – их цветовую палитру, конкретную конфигурацию, другие внешние признаки (“ромашка” – травянистое растение с одинокими белыми перистыми цветами на конце ветвистого стебля, желтым цветоложем конической формы, с характерным запахом); под рубрику концепта-схемы подводятся пространственно-графические (объемные и контурные) параметры реалий в отвлечении от их видовых характеристик (“дерево” – многолетнее растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону); концепт-фрейм – это ментальная “голография”, ситуативно-объемное представление фрагмента действительности (“город” – крупный населенный пункт, административный, торговый, промышленный и культурный центр); концепт-сценарий репрезентирует поэтапную динамику действий, закрепленных в коллективной памяти носителей языка (“драка” – ссора, сопровождаемая взаимными побоями).

Концепты рассматриваются нами как результаты мыслительных процессов, которые носят всеобщий характер и не зависят от языка их вербализации. Перечисленные элементы иерархической системы концептов являются когнитивными классификаторами, с помощью которых (всякий раз по-своему) “членится” мир.

Если типы концептов – принадлежность мыслительных процес-

сов, универсальных для всего человечества, то собственно картина мира соотносится с содержанием концептов, которое разнится от языка к языку.

Именно в содержании концептов (отражаемых в “зеркале” языка) фиксируются несходства в культурном опыте тех или иных народов. Значит, о национальных картинах мира можно говорить только на уровне содержательной стороны концептосферы языка, а не на уровне ее формальной (по типам концептов) организации.

В заключение, хочется подчеркнуть, что многообразие когнитивных классификаторов зависит от уклада жизни людей, их практических потребностей. Если у первобытных племен имеются десятки обозначений различных видов флоры и фауны, значит, в данном сегменте коллективного сознания аборигенов “задействовано” больше классификаторов, чем в соответствующей сфере в мозгу европейца. В этом случае, в семантике языка говорящих по-русски или английски будут выявляться лакуны, свидетельствующие о своеобразии и неповторимости “чужой” для них картины мира.

Кубрякова Е.С. Языковое сознание и картина мира // Филология и культура: Матер. межд. конф. – Тамбов, 1999. – С. 13-16.

Краткая философская энциклопедия. – М.: “Прогресс”- “энциклопедия”, 1994. – 575 с.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. АН. Сер. лит-ры и языка. 1993. № 1. Т.52. – С. 3-9.

Попова З.Д. Общее языкознание. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 212 с.

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. – 104 с.

Н. Ф. Алефиренко

Значение в парадигме языкового сознания

Эволюция семантической теории, от зарождения до ее современного состояния, убеждает нас в том, что природа и сущность языкового значения могут быть раскрыты только путем осмысления механизма взаимодействия трех главных составляющих речемыслительного космоса, которыми выступают познаваемая *действительность*, *мозг*

человека, обладающий способностью познавать, и *язык* (в его триединстве «система языка — речь — речевая деятельность»). В процессе познания окружающего мира сознанием выделяется предмет. В языке этот предмет получает знаковую репрезентацию, в мозге человека он отражается в виде двух взаимосвязанных образов — мыслительного и языкового. Поиск сущности языкового значения предполагает определение тех речемыслительных координат, которые определяют семантическое пространство языка. Такие координаты должны, на наш взгляд, представлять собой величины, соотносимые с тремя составляющими речемыслительного космоса: а) *референт* как поименованный предмет действительности; б) *отражение, мышление, сознание, познание* — категории, связанные с деятельностью мозга человека, и в) *единицы языка и речи* как знаковые средства формирования и выражения мысли.

Выделенные категории позволяют в концентрированном виде определить основные моменты отражательного процесса, разные этапы и грани формирования мыслительного содержания, а также его языковой материализации. Такого понимания придерживается большинство отечественных семасиологов¹. Однако нередко соответствующие термины употребляют скорее «ритуально», чем осознанно. Их научная ценность, несомненно, возрастет, если данные категории будут «работать» в системе, т. е. будут структурированы по отношению друг к другу в соответствии со своим лингвоносеологическим содержанием.

В нашем представлении выделенное категориальное поле состоит из трех крупных блоков: а) блок познаваемых и обозначаемых объектов действительности; б) блок субъекта отражения; в) блок средств отражения и средств знаковой материализации продуктов отражения. В соответствии с этим выстраивается следующая последовательность речемыслительных категорий: 1) познаваемые *объекты* действительности; 2) отдельные предметы знакообозначения — *референты*; 3) классы однородных предметов знакообозначения — *денотаты*; 4) *мышление* — процесс взаимодействия познающего субъекта с познаваемым объектом, средством осуществления которого служит мозг — отражающая высокоорганизованная материальная система, а его результатом является отражение действительности в форме ощущений, восприятий, представлений, понятий, суждений и т. п.; 5) *сознание* — высшая, понятийная форма отражения человеком действительности и его отношения к этой действительности. Структурными компонентами

сознания являются когнитивные (понятия) и некогнитивные элементы (чувства, эмоции, воля и др.); б) *познание* — процесс отражения и воспроизведения в мышлении действительности, в результате которого происходит накопление знания. Знание, как показывает анализ данных определений, выступает общим элементом в содержании последних трех категорий: *знание* — совокупность результатов отражения и как таковое является содержанием и способом существования сознания; *мышление* — способ получения знания; а *сознание* (со-знание) — это соотнесение знаний с действительностью, одного знания с другим. Знание как способ существования сознания закрепляется в языке, точнее, фиксируется и хранится при помощи языковых знаков в виде *языкового знания*. Следовательно, если когнитивное знание является содержанием и способом существования сознания вообще, то языковое знание является содержанием и способом существования *языкового сознания*². Когнитивное и языковое знание о референте различаются формами существования и проявления. Когнитивное знание проявляется или в физической форме (в виде действия в соответствии с природными свойствами референта), или в форме психической деятельности, оперируя представлениями и образами. Специфической формой выражения языкового знания является *языковое значение*³.

Таким образом, следует различать две взаимосвязанные ментальные сферы: а) когнитивную ментальность, т. е. наглядно-образное отражение мира по схеме: предметно-образное *мышление* (способ отражения, способ познания) — когнитивное *сознание* (продукт отражения и хранения социально-исторического опыта) — когнитивное *знание* (содержание и способ существования когнитивного сознания) — предметное *значение* (форма существования представлений и образов); б) языковую ментальность⁴, т. е. языковое представление действительности в преломлении соответствующих языковых категорий по схеме: языковое/речевое *мышление* (лингвосомиотический способ познания) — языковое *сознание* (закрепленный за языковыми формами и категориями способ вторичного отражения социально-исторического опыта) — языковое *знание* (содержание и способ существования языкового сознания) — языковое *значение* (форма выражения языкового знания).

Каждая из двух ментальных сфер характеризуется специфическими нейродинамическими механизмами, во взаимодействии которых

и порождается языковое значение. По данным психолингвистики, оно представляет собой результат качественно иного осмысления исходного (наглядно-опытного) отражения поименованного предмета, дополняет, обобщает его, вводит, по словам А. Н. Леонтьева, в новые связи и отношения. В этом смысле язык подчинен мышлению, о чем писал Э. Сепир: «...язык по своей сути есть функция до-рассудочная. Он смиренно следует за мышлением, структура и формы которого скрыты... язык не есть ярлык, заключительно налагаемый на уже готовую мысль»⁵. Причем подчинение языка мышлению носит эвристический, «творческий» характер. «Огромный выигрыш человека, обладающего развитым языком, — отмечает А. Р. Лурия, — заключается в том, что мир удваивается. С помощью языка, который обозначает предметы, он может иметь дело с предметами, которые непосредственно не воспринимаются и которые не входят в состав его собственного опыта. Человек имеет двойной мир, в который входит и мир непосредственно отражаемых предметов, и мир образов, объектов, отношений и качеств, которые обозначаются словами. Таким образом, слово — это особая форма отражения действительности. Человек может произвольно называть эти образы независимо от их реального наличия... может произвольно управлять этим вторым миром»⁶. Все это оказывается возможным благодаря особым свойствам языкового значения: не будучи отражением в гносеологическом смысле, в слове как «особой форме отражения» происходит *кодирование* и *категоризация* когнитивного знания в знаковой (символической) форме⁷, которые одновременно обогащают его совокупным социальным опытом, упорядочивают и организуют в тех или иных языковых формах. Ср.: *дурилаг*, *решето*, *сито*, *шумовка* — «дырявые предметы кухонного назначения» и *жаровня*, *вертел*, *сковородка* — «кухонные предметы, в которых жарят»⁷. В ходе подобной категоризации языковое сознание осуществляет сложную аналитическую и синтетическую работу. Расчлняя при помощи языка предметно-опытные знания на элементы и устанавливая между ними определенные связи и отношения (сходства, тождества, различия, принадлежности), мы тем самым обогащаем исходные когнитивные знания знаниями языковыми (лексико-семантическими, грамматическими и лингвопрагматическими), формой выражения которых являются языковые значения.

Именуя познаваемые предметы, языковые знаки, с одной сторо-

ны, вбирают и фиксируют в своих значениях обобщенный опыт когнитивного освоения действительности, а с другой — подвергают его «давлению системы» языка, вводя соответствующие знаки в уже сложившиеся языковые отношения — *эпидигматические*, или деривационно-смысловые (Д. Н. Шмелёв), *семантические* (полисемичные, антонимичные, синонимичные, гипонимические и др. парадигматические связи в семантическом поле), *синтагматические* (сочетаемостные) и *стилистические*.

Следовательно, языковые значения по своему содержанию неотожждествимы с мыслительными категориями: они «не являются непосредственными образами действительности», поскольку последние «многokrратно опосредованы и специфически преломлены в знаковой системе»⁸. В этой связи целесообразно вспомнить ставшие крылатыми изречения создателей речемыслительной парадигмы в отечественной науке о значении слова: «Слово есть не столько выражение, сколько средство создания мысли» (Потебня А. А., 1990, с. 29—30)⁹; «Мысль не выражается, но совершается в слове» (Выготский Л. С., 1956, с. 330)¹⁰. Эти положения легли в основу современного психолингвистического понимания языка как функциональной динамической системы¹¹ в отличие от тех концепций, где о языке говорят как о статической системе, как о «складе знаковых отпечатков» (Э. П. Шубин, А. Е. Карлинский и др.).

Динамический подход к языку¹², подготовленный философской и лингвистической мыслью последних двух столетий, обладает, на наш взгляд, тем диагностическим и объяснительным потенциалом, который позволяет адекватно осмыслить природу и сущность языкового значения как структуру представления знаний, полученных в результате речемыслительной деятельности. Приблизиться к истине можно, разумеется, разными способами (ономасиологическим, семасиологическим, психолингвистическим и т. п.). Однако для критического освещения дискуссионных проблем языковой семантики есть смысл избрать традиционный путь, пытаюсь, по возможности и необходимости, наполнить соотношение известных категорий новым содержанием. Это соотношение языкового значения с соответствующими типами когнитивного и языкового знания — понятием, функцией, значимостью и

употреблением одного знания с другим. Рассматриваемые категории — мыслительные и, как любые идеальные явления, нуждаются в материальных средствах своего выражения. Таковыми служат различного рода знаковые образования. Наиболее совершенными и универсальными из них являются языковые знаки.

Стало традиционным утверждение о том, что язык и мышление едины. Даже появление замечательной книги Б. А. Серебренникова «Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление» (М., 1988), в которой достаточно убедительно, с опорой на новейшие достижения психолингвистики и нейропсихологии показана относительная самостоятельность этих двух взаимодействующих феноменов, не смогло разрушить методологические основы традиционного подхода к пониманию природы языкового значения. Так, Г. В. Колшанский, например, продолжает настаивать, что «активный процесс отражения действительности в сознании человека сопровождается *одновременно* активным процессом речепорождения» (выделено нами. — *Н. А.*), что признание опережающего характера мышления (П. К. Анохин, Д. Н. Узнадзе) «не разрушает единство языка и мышления»¹³. Столь откровенное концептуальное противостояние полюсных направлений в современной психосемантике порождает, разумеется, весьма неоднозначное понимание природы языкового значения: от отождествления мыслительных и языковых категорий — до их автономности (хотя и относительной), способной формировать соответственно когнитивную и языковую картину мира¹⁴. Полагаем, что многие противоречия можно было бы устранить путем четкого разграничения параметров соотношения логической и языковой семантики. В настоящее время многие «разночтения» возникают в результате неразличения их (а) генетического и (б) функционального соотношения. В первом случае речь идет о роли языка в формировании и выражении мыслительных категорий, а во втором — о роли языка и речи в функционировании уже сформировавшихся мыслительных категорий. Не менее важным фактором непротиворечивого понимания проблемы соотношения категорий логической и языковой семантики является последовательное различение философского и лингвистического содержания понятия «язык»: с одной стороны, это универсальное понятие — система знаковых средств чувственно-предметного характера, кодирующих информацию о действительности, а с другой — естественный (человеческий) язык. Поня-

тие «универсальный язык» включает в себя различные внутренние и внешние коды, соответственно (а) мозговые нейродинамические системы, получившие разные именованья: «языки мозга» (К. Прибрам, И. Ф. Вардуль), «универсальный предметный код» (Н. И. Жинкин, И. Н. Горелов), «язык пространственно-временных гештальтов» (Л. М. Веккер), «язык чувственного познания» (С. М. Шалютин), и (б) протоязыки (термин Е. И. Исениной) — кинезнаки, мимезнаки, вокознаки, физиознаки¹⁵. Следовательно, это не язык в обычном понимании. Нередко в работах по психосемантике термин «язык» употребляют расширительно, обозначая им любую знаковую систему, любой способ передачи информации и закрепления мысли. В таком случае следует согласиться, что мыслительные и языковые категории действительно представляют собой диалектическое единство и в генетическом, и в функциональном плане. Сложнее согласиться с таким утверждением, если этим термином называть естественный (человеческий) язык. Все сомнения, вызываемые подобными размышлениями, устраняет С. М. Шалютин: «Мысль всегда имеет «знаковое», речевое бытие, но это бытие не обязательно является словесным»¹⁶. Данное положение находит обоснование в учении о первой и второй сигнальных системах, в соответствии с которым допонятийные формы мышления предполагают наличие несловесных знаковых средств, физиологической основой которых служит первая сигнальная система. И наоборот, понятийное мышление осуществляется при помощи системы языковых знаков; их физиологической базой является вторая сигнальная система¹⁷. Следовательно, сущность языкового значения следует искать в своеобразии знаковой фиксации высших (понятийных) форм отражения действительности. При этом следует помнить, что понимание языкового значения будет неполным, если вне поля зрения семасиологии окажется связь языка с процессами ощущения, восприятия и представления. Чувственно-наглядное (т. е. допонятийное) отражение является основой формирования эмотивного значения слов и фразеологизмов или его составляющей — эмотивной коннотации, сопровождающей логико-предметный компонент значения¹⁸.

Итак, раскрыть природу и сущность языкового значения — значит объяснить взаимосвязь трех основных «участников» его формирования: объекта обозначения, его отражения в сознании человека в форме понятия или представления и знака. Их триединство — основа

построения любой модели языкового значения.

1. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Лексическая система языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984.

2. Ср.: *Жоль К. К.* Язык как практическое сознание: Философский анализ. Киев: Вища шк., 1990. С. 47.

3. Ср.: *Мигирин В. Н.* Гносеологические проблемы знаковой теории языка, фонологии и грамматики. Кишинев: Штиинца, 1978. С. 27.

4. См.: *Почепцов О. Г.* Языковая ментальность: способ представления мира // *Вопр. языкознания.* 1990. № 6. С. 110.

5. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 36.

6. *Лурия А. Р.* Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 37.

7. Ср.: Семантика и категоризация / Фрумкина Р. М. и др. М.: Наука, 1991. С. 45, 89—90.

8. *Котелова Н. З.* Семантика языка и внеязыковые знания (в аспекте обратных связей) // Теоретические проблемы семантики и ее отражения в одноязычных словарях. Кишинев: Штиинца, 1982. С. 23.

9. *Потебня А. А.* Мысль и язык // Потебня А. А. Теоретическая поэтика. М.: Высш. шк., 1990. С. 29—30.

10. *Выготский Л. С.* Мышление и речь // Избранные психологические исследования. М., 1956. С. 330.

11. См.: *Залевская А. А.* Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. С. 50.

12. *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое лит. обозрение, 1996. С. 39.

13. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. С. 10—11.

14. См.: Теория познания: В 4 т. / Под ред. В. А. Лекторского, Т. И. Ойзермана. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 294.

15. См.: *Исенина Е. И.* Психолингвистические закономерности онтогенеза (дословный период). Иваново, 1983. С. 70.

16. *Шалютин С. М.* Искусственный интеллект. М., 1985. С. 42.

17. См.: Ушакова Т. Н. Функциональные структуры второй сиг-

нальной системы. М., 1979; Шингаров Г. Х. Условный рефлекс и проблема знака и значения. М.: Наука, 1978.

18. См.: *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987.

О.О.Борискина

Криптоклассы как средство языковой категоризации мира

Предлагаемый подход к исследованию языковых категорий основан на различении явных (имеющих формальные показатели - морфологические или синтаксические экспоненты - в речи) и скрытых категорий (cryptotype) [Whorf 1956]. Нр. учение Н.А.Евдокимовича о скрытой грамматике как области взаимодействия между лексикой и грамматикой, теорию криптокласса А.А.Кретова, наработки по исследованию неявных грамматических признаков на материале русского языка А. Д. Шмелева, когнитивные поиски организации смыслов (концептов) в языковом сознании, идеи семантизации грамматики Р.Лангакера, Дж.Лакоффа, А.Вежбицкой).

Представляется, что скрытые категории или криптоклассы в языке отображают соответствующие концептуальные образования, в силу чего понятие криптокласса дает возможность изменить стратегию описания классов лексических и грамматических значений. Определение значимости и сочетательной ценности (потенциала) языковых единиц вовлекает в круг описания субстанцию содержания (классы языковых значений) и узуализированные ассоциации между значением и смыслами, материализованные в слове. Мы также полагаем, что криптоклассы являются результатом языковой категоризации, т.е. структурами представления в языке наивной модели мира. Следовательно, их изучение способствует реконструкции национальных языковых картин мира.

Предпринятое нами сравнение русского и английского языков (на основе сравнения их криптоклассных систем) демонстрирует некоторые возможности практического применения теории криптокласса. В качестве объекта исследования были выбраны имена первоэлементов мироздания (стихий воды, воздуха, огня и земли). Выбор обусловлен максимальной степенью значимости концептов первоэлементов в формировании языкового знания и шире - культурного опыта всего чело-

вечества. Исследование проведено на материале художественных произведений русских, британских и американских писателей XIX-XX вв.. Исследуются показатели скрытой активности языковых категорий, набор выделенных в анализируемых языках криптоклассов, членство в них имен стихий, мера универсального и национального в языковой категоризации стихий.

Л.И.Зубкова

Концепты «Бог» и «царь» в религиозном сознании русских

Для всестороннего исследования концепта «Бог» представляется существенным рассмотрение нормативно-оценочного отношения русского человека к понятиям «Бог» и «царь», зафиксированного в пословицах и поговорках. Объектом внимания в докладе стали лишь те пословицы и поговорки, в которых используются лексемы «Бог» и «царь», «Бог» и «государь».

Известно, что христианское мировоззрение основывается на противопоставлении тела и духа, земного и небесного. Такое противопоставление закрепились в пословицах: *Душой божьей, телом государевы; Божье богу, а царево царю.*

Проведенный анализ позволил выделить имплицативные семантические признаки, организованные в следующие лексико-семантические группы: 1) всесильность и всемогущество Бога и царя (*Все во власти божьей и государевой; Никто против Бога да против царя; Никто, как Бог и государь; Один Бог, один государь; Бог знает да царь; Ведает Бог да государь* и др.), 2) Бог и царь владеют многим (*У Бога да у царя всего много; Все божье, да государево*), 3) Бог как отец родной, т.е. любит народ (*Бог - батенька, государь - дядька*), 4) царь - посланник Бога на земле (*Царь от Бога пристав; Божье стало государевым; Коли царь Бога знает, Бог и царя и народ знает; Что Бог, то Бог, а свята и воля царская* и др.), 5) царь подвластен Богу и ответствен перед ним (*Сердце царево в руке божьей; Одному Богу царь ответ держит; Царский гнев и милость в руке божьей; За царское согрешение Бог всю землю казнит, за удобность милует* и др.), 6) Бог и царь выполняют функцию судьбы (*Кто Богу не грешен,*

царю не виноват; Суди меня Бог да государь!; На сильного Бог да государь; Сильная рука Богу судить и др.).

Наблюдаются небольшие отличия в функциях Бога и царя: 1) власть небесная закреплена за Богом, а земная за царем (*Бог на небе, царь на земле; Без Бога свет не стоит, без царя земля не вертится; За Богом молитва, за царем служба, не пропадает и др.*), 2) Бог прощает, а царь награждает (*Бог помилует, так и царь пожалует; Виноватого Бог простит, а правого царь пожалует; Милует Бог, а жалует царь; Богат Бог милостию, а государь жалостию; Кого милует Бог, того жалует царь; Бог милостив, а царь жалостлив и др.*), 3) относительная самостоятельность царя на земле при противопоставлении силе божьей (*Правда божья, а суд царев; Правда божья, а воля царская; Воля божья, а суд царев и др.*).

Отмечается и ироническое отношение к Богу и царю (*До царя далеко, до Бога высоко*).

Таким образом, фактический материал подтверждает, что православие на Руси воспитывало почитание Бога, терпение и покорное отношение народа к царю и к царской власти.

Ю.Т.Листрова-Правда

Концепты “мать” и “отец” в русских пословицах и поговорках

В русских пословицах, собранных В.И.Далем, концепты “мать” и “отец” - это прежде всего женщина и мужчина по отношению к своим детям, которых они “родили, вскормили и добру научили”, а те, в свою очередь, должны почитать отца и мать (Кто родителей почитает, тот вовеки не погибает) и не оставлять их в старости (Не оставляй отца и матери на старости, и Бог тебя не оставит).

В то же время концепты “мать” и “отец” имеют каждый и свой набор дефиниционных признаков, которые в пословицах выявляются путем сопоставления главным образом терминов родства. Мать в пословицах любит детей самой сильной, ни с чем не сравнимой любовью (Материнское сердце в детках, а детское в камне), и дети тянутся к ней за лаской, поддержкой как к самому родному человеку (Птица радуется весне, а младенец матери. Жена для совета, теща для привета, а нет родней родной матери), мать незаменима (Отцов много, а мать одна), материнские наставления надолго запоминаются (Что мать в голову

вобьет, того отец не выбьет).

Отец в пословицах – глава семьи, главный работник, добытчик, опора жене, детям, особенно сыну (Держись, как за отца родного. Отцам копить, а деткам сорить. Хорошо тебе, матушка, за батюшкой жить, пожила бы за чужим мужиком), он готовит себе в доме смену (У кого девка хороша? – У матушки. – У кого сын умен? – У батьки).

Концепты “мать” и “отец” входят, по-видимому, в концептосферу всех языков мира, где у данных концептов могут совпадать / не совпадать дефиниционные, энциклопедические и имплицативные признаки. Но даже при совпадении части признаков (и значений пословиц, в которых эти признаки выявляются), предметно-образная сфера в пословицах, как правило, не совпадает (в чем можно убедиться, например, при сопоставлении концептов “мать” и “отец” в пословицах и поговорках русского народа и народов Северной Индии), и это придает концептам национально-культурное своеобразие (ср., например, русск. Матка по дочери плачет, а дочка по доске скачет – сев.-инд. Мать о дочери печется, а дочь печется о здоровом дылде; русск. Без отца – полсироты, а без матери полная сирота – сев.-инд. Мать хороша (даже если она просто) мелет зерно (на ручной мельнице), отец никудышный (даже если он командует семью тысячами (войска); русск. Яблоко от яблони недалеко падает – сев.-инд. Какова нить, таков клубок, какова мать, такова дочь).

Однако одни и те же концепты в разных языках могут обладать и взаимоисключающими признаками (не только энциклопедическими и импликационными, но и дефиниционными), что придает концептам национально-культурное своеобразие. Так, среди пословиц Северной Индии нет пословиц, в которых бы выражалось требование (христианская заповедь) не оставлять отца-матери в старости, за что Бог наградит детей долголетием. В то же время среди русских пословиц нет, естественно, пословиц, связанных с основным сыновним долгом индуиста – кремацией покойного родителя на берегу Ганга (Ср. сев.-инд. Общей матери (т.е. матери нескольких сыновей) не видать успокоенья).

Национально-культурное своеобразие концептам “мать” и “отец” придает и метафорическое их использование (Ср. русск. Достаток – мать, убожество – мачеха. Государь – батька, земля – матка. Мы у матушки России дети, она наша матка – ее и сосем. Москва – всем городам мать. Родная сторона – мать, чужая – мачеха. Гречневая каша

– матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной. Матушка- рожь кормит всех дураков сплошь, а пшеничка – по выбору. – Сев.-инд. Лень – мать бедности. Мать богатства и ракушку до блеска начищает. Ночь – утроба материнская).

А.В.Субботина

Английские и русские нравственные концепты в афоризмах и пословицах

Известно, что язык отражает как материальные (география, климат, быт), так и духовные (мораль, систему ценностей, менталитет, национальный характер) стороны мира его носителей (Апресян, Арпутонова, Вежбицкая)].

Постулируя различия (или сходства) в способах концептуализации действительности (видения мира), мы допускаем, что данные различия (или сходства) находят воплощение в языке, особенно в тех его единицах, которые способны аккумулировать экстралингвистическую информацию. Афоризмы и пословицы как устойчивые единицы языка обладают данным свойством.

Материалом для данного исследования послужили английские (британо-английские) и русские афоризмы и пословицы. Предмет исследования - английские и русские концепты, которые лежат в их основе.

Особый интерес для семантического анализа представляют этические, бытийные, социальные, культурные концепты (“милосердие”, “любовь”, “дружба” и т.п.).

А. Вежбицкая отмечает, что концепт “душа” – одно из трех универсальных понятий русской культуры (наряду с понятиями “судьба” и “тоска”), поэтому оно в наибольшей степени выражает особенности русского национального характера .

В толковом словаре В. Даля значение слова “душа” раскрывается следующим образом: 1) “бессмертное духовное существо, одаренное разумом”; 2) “жизненное существо человека, воображаемое отдельно от тела”; 3) “душевные и духовные качества человека”; 4) “бесплотное тело духа”. При рассмотрении афоризмов и пословиц, содержащих понятие “душа”, замечаем, что в них главным образом актуализируется значение “душевные и духовные качества человека”: “Чрезмерная гордость – вывеска ничтожной души” (Тургенев); “Сердце - вешун, а

душа - мера” (русская пословица).

О значимости данного концепта для русской культуры свидетельствует наличие в афоризмах слов с корнем дух(ш)-: “духовный”, “душевный”, “малодушие”, “равнодушие”. В сборнике В. Даля “Пословицы русского народа” пословицы о душе помещаются в разделе “Человек”, причем слово “душа” в ряде пословиц и употребляется в значении “человек”: “Права душа не берет барыша”. В пословицах так же, как и в афоризмах, подчеркивается важность этого понятия: “Душа всего дороже”, “Душа - заветное дело”.

Одним из ключевых концептов русской культуры является “*нравственность*”. По данным лексикографических источников, “нравственный” означает: 1) “добронравный (имеет добрый нрав)”; 2) “добродетельный (совершает добрые дела)”; 3) “благонравный”; 4) “согласный с совестью”; 4) “правдивый”; 5) “с достоинством человека”; 6) “чистый сердцем”. Анализ афоризмов (английских и русских пословиц, содержащих понятие “нравственность”, не выделено) позволил выявить дополнительные оттенки значения понятия “нравственность”: 7) “совпадающий с чувством красоты и идеалом, в котором она воплощена”; 8) “совпадающий с разумным”; 9) “жертвующий своей личностью в пользу коллектива”.

Рус. “нравственность” соответствует англ. “morality”: 1) “the idea that some forms of behaviour are right, proper and acceptable and that other forms of behaviour are bad or wrong, either in your own opinion or in the opinion of society”; 2) “the quality or state of being right, proper, or acceptable, or knowing of what is right, proper or acceptable in a particular situation”.

В английской и русской культурах “мораль” часто понимается как система неких правил, определяющих обязанности человека по отношению к другим людям. Для русского человека данную систему правил задает общество, на мнение которого ему, по-видимому, и следует ориентироваться, поскольку “Человек не для себя родился” (русская пословица).

Понятие “*совесть*” в русских афоризмах часто соотносится с понятиями “ум” и “память”: “Надо воспитывать в людях совесть и ясность в уме” (Чехов); “Совесть вернее памяти” (Лермонтов). В русских пословицах противопоставляются “добрая совесть” и “злая совесть”: “Добрая совесть - глаз божий”, “Злая совесть стоит палача”; понятия “совесть” и “страх” неразрывны: “Есть совесть, есть и стыд, а

стыда нет, и совести нет”.

Анализ словарных дефиниций показывает, что рус. “совесть” и англ. “conscience” имеют сходные, но не одинаковые значения. “Conscience” обозначает нечто среднее между совестью и сознательностью, данное понятие определяется как “part of one’s mind”. Рус. “совесть” – некий “нравственный стимул”, который поддерживает и активно защищает человека от дурных влияний: “со-весть” (“вести”).

Наличие у человека совести, по мнению русских афористов, важнее наличия у него ума: “Без совести и при большом уме не проживешь” (Горький). Английские афористы полагают, что только умный, точнее – разумный человек добивается успеха в жизни: “One man that has a mind and knows about it can always beat ten men who haven’t and don’t” (Shaw).

В русском сознании понятия “нравственность” и “совесть” тесно взаимосвязаны с понятием “*правда*”: “Степень правдивости человека есть указатель степени его нравственного совершенства” (Л. Толстой); “Правда – это значит победа совести в человеке” (Пришвин). Иногда правда представляется абсолютной добродетелью: “Даже в пустяках надо быть правдивым !” (Горький); “Лучше умереть, чем неправду терпеть” (пословица).

В русских афоризмах подчеркивается, что правдивым быть нелегко, поскольку правда может ранить человека: “Нежной правды нет” (Горький), и тем не менее утверждается: “Правда выше жалости” (Горький). Английские афористы не столь категоричны: “All great truth began as blasphemies”(Shaw); в их афоризмах даются следующие характеристики понятия “*truth*”: 1) “hath(has) a quiet breath”(Shakespeare); 2) “is always strange”(Byron); 3) “comes only by practice”(Pope). В английских афоризмах отсутствуют элементы высокопарности, они часто ироничны и построены на игре слов: “Truth is the object of philosophy, but not always of philosophers”(Collins).

Английские и русские пословицы на тему “Правда - ложь” носят бытовой и часто образный характер: “Truth will out”, “Правда, что шило в мешке - не утаишь”. Русские пословицы при этом выражают довольно пессимистичный взгляд на мир: “Правда не на миру стоит, а по миру ходит”, т.е. не начальствует (пояснение В. Даля).

Результаты анализа английских афоризмов показывают, что одним из ключевых концептов у англичан является понятие “wisdom”, о чем свидетельствует наличие английских афоризмов и пословиц, со-

державших слова “wisdom”, “wise”, “wisely”: “It is easy to be wise after the event” (английская поговорка). Семантический анализ английских афоризмов и поговорок позволил выделить следующие значения, заключенные в понятии “wisdom”: 1) “the quality of being wise”; 2) “showing/having good sense”; 3) “cleverness”(“craftiness”); 4) “the ability to understand what happens and decide on the right action”; 5) “intelligence”.

Понятия “wisdom” и “morality” оказываются взаимосвязанными в британской культуре. Необходимость придерживаться определенных норм поведения аргументируется с рациональной точки зрения: “It’s wiser being good than bad...”(Browning). Для авторов английских афоризмов то, что “разумно, мудро”, то всегда “хорошо”: “What is done wisely is done well”(Shelly).

В русских поговорках утверждается: “Живи с разумом, так и лекарок не надо”, “Доброта без разума пуста”, однако “Всякая мудрость от бога”. Для русских афористов ум – это, прежде всего “духовное оружие человека”, а мудрость начинается с “уважения к истине”.

Дальнейшее изучение семантики афоризмов и поговорок будет способствовать воссозданию “картины мира”, содержащейся в коллективном сознании носителей языка. Проведенный анализ может послужить базой для комплексного исследования в сфере национальной концептологии.

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания// В.Я.,1995. - N 1.

Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой “картины мира”)//В.Я.,1987. - N 3

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.,1996.

А.В.Тришина

Национальная специфика репрезентации концепта “быт” в русском языке

Слово “быт” в русском языке по своему происхождению является общеславянским. Оно образовано посредством суффикса -ть от глагола быти и первоначально означало “имущество”. В современном значении употребляется с XIX века.

При анализе лексического значения слова “быт” мы сталкиваемся с тем, что толковые словари не дают исчерпывающего определения данного понятия, определения имеют или слишком общий характер, или являются размытыми. Наиболее общим является понимание лексем “быт” как общего уклада жизни, повседневной жизни. Расширяют это определение энциклопедические данные, по которым быт - это уклад повседневной жизни, внепроизводственная сфера, включающая как удовлетворение материальных потребностей людей (в пище, одежде, жилище, поддержании здоровья), так и освоение духовных благ, культуры, общение, отдых, развлечения.

Синонимами слова “быт” являются слова “бытность”, “бытьё”, “бытование”. С понятием “бытие” лексема “быт” составляет антонимическую пару. При сравнении лексем “быт” в русском языке и одноименной лексемы в других языках было выявлено, что данная лексическая единица является безэквивалентной для английского, немецкого, французского языков, то есть понятие, выраженное в языке словом “быт” - чисто русское, характерное для русской концептосферы. В упомянутых языках этот концепт представлен лакунами.

Слово “быт” в русском языке приобретает ярко выраженную национальную специфику. Это связано прежде всего с коннотацией лексемы “быт”. В словарном значении слова “быт” отсутствует какая-либо эмоционально-стилистическая характеристика слова. Это проявляется в словосочетаниях типа *современный быт, городской быт, домашний быт, здоровый быт, бытовые услуги, служба быта, изучать быт, улучшать быт, интересоваться бытом кого-либо* и т. д. Однако, проведенный эксперимент показал, что в языковом сознании русского человека слово “быт” имеет слабо выраженный, но устойчивый негативный оттенок, чего нет в сходных словах других языков.

Это связано прежде всего с различиями в подходе к проблеме быта, повседневной жизни людей разных стран. В западных странах большое внимание уделяется улучшению жизненных условий людей, повышению комфорта бытовых условий . В нашей стране долгое время было иначе. Сфера бытовых услуг в России развита слабо, быт сопряжен с определенными трудностями , все бытовые условия строго регламентируются и контролируются. Поэтому быт прежде всего ассоциативно связан с чем-то непреодолимым, неприятным, с образами стирки, уборки, кухни, плиты. Негативное отношение к быту появляется в таких словах и словосочетаниях, как *быт заел, бытовое явле-*

ние, обыватель, обывательщина, обыденщина, бытовуха. Таким образом, концепт *быт* в русском сознании становится оценочным.

Концепт “быт” занимает особое место в концептосфере русского человека. Он характеризуется тесной связью с национальной культурой, национальным характером и поведением народа, его менталитетом. Поэтому представляет интерес выявление всего объема концепта “быт”, его структуры, вербальных способов его репрезентации.

И.А.Соболева

Когнитивно-языковая характеристика лексемы “крыша” в современном газетном дискурсе

До недавнего времени существительное “крыша” по данным толковых словарей имело одно значение: “Верхняя часть строения, его покрытие, служащее для защиты от атмосферных явлений” (СРЯ 1980-1984). Иногда словари фиксировали наличие переносного значения “дом, жилище, приют” (СРЯ 1980-1984) и выделяли некоторые другие значения: 1. “То же, что крышка” (СРЛЯ 1950-1965) с пометой устаревшее; 2. специальное: “Покрышка, покрытие, верхняя часть чего-нибудь” (ТСРЯ 1947-1949).

“Словарные материалы-81” зафиксировали новое для литературного языка значение, активно функционирующее в настоящее время: “Официальное занятие агента, маскирующее его разведывательную деятельность (в разг., проф. речи, перен.)” (СМ-81, 1986).

За пределами литературного языка семантическая структура слова “крыша” является более сложной. Так, в тюремно-лагерном жаргоне отмечено пять значений этой лексемы:

1. Связи во властных и правоохранительных органах.
2. Покровительство.
3. Место жительства.
4. Зонт.
5. Шляпа. (СМА 1994).

Активно функционирует слово „крыша" в различных молодежных жаргонах и сленге. Так, “Словарь русского сленга” фиксирует три значения:

1. Сознание.
2. Дом, квартира, где можно укрыться от постронних.

3. Защита от чего-нибудь, в том числе от рэкета (СРС 1997).

Наконец, „Толковый словарь русского языка конца XX века“ дает следующее толкование: Крыша, ж. Перен. Разг.

1. Прикрытие; то, что охраняет, защищает от опасности.
2. О голове, головном мозге, умственных способностях (ТСРЯ-XX 1998).

Исходя из наших наблюдений над современным дискурсом, считаем, что все названные выше словари, исчерпывая в основном лексический объем слова “крыша” в современном языке, не содержат информации об экспрессивно-оценочных свойствах лексемы, не уточняют прагматических характеристик этого слова.

Рассмотрим примеры включения лексемы “крыша” в современный газетный дискурс: 1. Если вы хотите узнать о семейных секретах губернатора, или кто у Промстройбанка “крыша”, вам вряд ли помогут (АиФ, 1996, № 41); 2. Существование, кроме бандитской, еще и милицмейской крыши давно не секрет. И теперь у меня есть веские основания думать, что руоповцы были крышей у чеченской группировки (КП, 18.10.97); 3. Однажды я ехал в такси и попал под трейлер, который буквально снес крышу нашей машины и основательно потрепал мою крышу (АиФ, 1998, № 8); 4. Прежде чем лезть в игорный бизнес, нужно найти серьезную крышу (ЧЖ, 1998, № 3); 5. Крыша для слуг народа (заглавие, Огонек, 1999, № 2).

Для каждого из приведенных выше примеров характерно переносное употребление слова “крыша”. Эти же примеры показывают, что для современного дискурса наиболее типично использование лексемы “крыша” не в номинативной функции, а в экспрессивно-оценочной. Рассмотрим фразеологические образования с ядерным компонентом “крыша”.

1. Крыша поехала - один из наиболее активных фразеологизмов настоящего времени, актуализирующий жаргонное значение “голова, мозги, ум, сознание” (СМА 1994). Значение самого устойчивого оборота еще не установилось окончательно, но его уже зафиксировали многие словари жаргонной речи (СМА 1994; СРС 1997, ТСРЯ-XX 1997). Популярность данного фразеологизма подтверждают множественные примеры его реализации в современном газетном, дискурсе.

2. крыша течет - “не все дома”, с вариантом “течь в крыше” (в словарях не зафиксировано).

Он-то вместе с авторами фильма и манипулирует бредовыми

идеями своих товарищей по несчастью, отчего у него самого постепенно начинает течь крыша. Еще бы. От такого лечения у кого хочешь потечет. (Огонек, 1998, № 3).

3. поставить крышу кому-то - привести кого-либо в нормальное состояние (в словарях не зафиксировано).

Прости, я был груб, но это лишь потому, что ты свела меня с ума. Помоги поставить мне крышу на место. И все. Я раскаиваюсь очень (АиФ, 1999, № 16).

4. Крышу оторвало (сорвало) - усиленный вариант выражения „крыша поехала“ (в словарях не зафиксировано).

Продолжение рассказа о нашей подруге Дженис ищи дальше в журнале. Эффектную концовку гарантируем: Крышу сорвет! (Я молодой, 1998, № 10).

5. Выше крыши - классно, чудесно, прекрасно, замечательно (в словарях не зафиксировано).

Один крупный бизнесмен говорил так: “Обеспечить жену во время семейной жизни я смогу выше крыши, но при разводе отдавать ей половину не собираюсь” (Огонек, 1999, № 1).

Как видим, базовая метафора, лежащая в основе лексемы “крыша”, продолжает разрабатываться и углубляться в составе различных фразеологических сочетаний.

Принятые сокращения :

СМ-81 - Новое в русской лексике. Словарные материалы - 81/ Под ред. Н.З.Котеловой. М.-1986.

СМА - В.С.Елистратов. Словарь московского арго. М., 1994.

СРС - И.Юганов, Ф.Юганова. Словарь русского сленга. М., 1997.

СРЯ - Словарь русского языка: В 4-х т., 2-е изд. / Под ред.

А.П.Евгеньевой. М.-1981 -1984.

СРЛЯ - Словарь русского языка. В 17 т. М., 1950-1965.

ТСРЯ - Толковый словарь русского языка. / Под ред. Д.Н.Ушакова. М.-1947-1949.

ТСРЯ XX - Толковый словарь русского языка конца XX века / Под ред. Г.Н.Скляревской. Санкт-Петербург-1998.

И.А.Стернин

Концепт “белая ворона” в русской концептосфере

Значение фразеосочетания *белая ворона* определяется в новейшем толковом словаре русского языка следующим образом: “о человеке, резко выделяющемся среди других, непохожем на окружающих” (Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С.А.Кузнецова. С-Пб., 1998), точно также определяется данное значение в Словаре русского языка под ред. А.П. Евгеньевой (т.1, М, 1981 г.). Практически такое же определение находим во Фразеологическом словаре русского языка под ред А.И.Молоткова (М., 1967): “ “Человек, резко выделяющийся чем-либо среди окружающих его людей, отличающийся чем-либо, не похожий на них”. Значение данного фразеосочетания следует считать в русском языке устоявшимся и достаточно четко очерченным, оно относится к разряду употребительных и общеизвестных . Концепт, репрезентируемый в языке данным фразеосочетанием, весьма важен для русского сознания, являясь существенным звеном русского мировосприятия. Структуру этого концепта по данным , полученным в результате анализа употреблений фразеосочетания *белая ворона* в речи, можно представить следующим образом.

Первый уровень: непосредственный образ птицы.

Пример : белые вороны в природе большая редкость (неоцен.)

Второй уровень: контрастирующий с окружением по объективным, внешним, чувственно-воспринимаемым признакам.

Примеры : она в этом платье будет как белая ворона, он со своими раскосыми глазами среди них как белая ворона, с такой прической ты будешь как белая ворона (неод.)

Третий уровень: отличающийся от других социальными, профессиональными признаками, объективно инородный в данном сообществе .

Пример: -Вы тоже колхозница? -спросил Сергей. -Нет, что вы?! -Лена удивленно подняла брови. -Я здесь гость, по несчастью... Оттого мать и называет меня “белой вороной” (Фразеологический словарь ..., с.79) (слабо неод.)

Четвертый уровень: отличающийся неумением приспособиться к окружающим людям, неумением вести себя как все.

Примеры: если будешь себя так вести, тебя будут считать белой вороной; он в любой компании - белая ворона; Он решил остаться в “Вилла-Родэ” до утра и, чтобы как-нибудь скоротать время и не чувствовать себя белой вороной, перестал отказываться от шампанского (Фразеологический словарь..., с.79). (неод.)

Пятый уровень: идущий вразрез с мнением, поведением большинства, резко отличающийся своим мнением, ценностями, принципами от окружающих.

Примеры: он всегда был белой вороной в коллективе, он всегда оказывается белой вороной со своими принципами (сочувств.).

Все пять уровней репрезентируются в языке фразеосочетанием *белая ворона*, лексем для номинации отдельных уровней концепта или их сочетаний в русском языке нет. Стандартное, общеязыковое значение фразеосочетания в зависимости от контекста будет передавать те или иные компоненты концепта, обогащаясь за их счет.

Обращает на себя внимание, что все случаи переносного употребления фразеосочетания *белая ворона* оказываются неодобрительно-оценочными (кроме тех, которые представляют пятый уровень концепта, где, однако, выражено сочувственное эмоциональное отношение). Это свидетельствует, что на всех уровнях концепта в сознании народа присутствует разная степени неодобрительное или сочувственное отношение к объекту отражения - человеку, непохожему на окружение, что является следствием общего настроенного отношения русского менталитета к выделяющимся людям -они рассматриваются как “бросающие вызов другим” и, возможно, самому принципу соборности - базисной категории менталитета народа.

Косвенным подтверждением предлагаемой интерпретации данного концепта является явная положительная оценка и эмоциональное “приятие” национальным менталитетом таких человеческих качеств, которые означают смирение, отсутствие стремления выделиться - тише воды, ниже травы, мухи не обидит, воды не замутит и др., а также многочисленные русские поговорки, проповедующие смирение и осуждающие “выделение” : Смиренье - богу угожденье. Не ищи мудрости, ищи кротости! Тише едешь - дальше будешь. Смиранных господь духом спасает. Журавлина походка не нашей стати. Лучше низом, нежели горою. Не смотри высоко: глаза запорошишь. Не подымай носу (не закидывай головы): спотыкнешься и мн. др. (В.И.Даль. Пословицы русского народа.С.-Пб, 1996, т.3, с.107-113).

Рефлексивные функции русских ментальных предикатов

Задача нашего исследования - определить круг и функции тех речевых средств, с помощью которых осуществляется рефлексивное отношение субъекта высказывания к сообщаемой или анализируемой им информации. В первую очередь эти функции выполняют ментальные предикаты¹. Их ряд в русском языке весьма представлен лексемами *считать*, *знать*, *полагать*, *думать*, *допускать*, *предполагать*, *осознавать*, *подозревать*, *чувствовать*, *представлять* и др.

Когнитивный анализ данной проблемы предполагает выделение особой семантической модели “Рефлексия субъекта высказывания”.

При анализе семантических признаков ментальных глаголов в качестве семантического ориентира можно выбрать глагол *знать* в высказываниях Я знаю, что Р.

Глагол *знать* имеет значение *располагать каким-либо сведениями, быть осведомленным относительно чего-либо, обладать знаниями*, то есть несет инвариантное значение “иметь информацию”.
Ср.:

Вначале я еще сомневался, но теперь знаю, что произошло.
Заметь, я не говорю думаю, я говорю знаю! (А.Агеев)

Глагол *знать* может появляться в речи в том случае, если:

1/ говорящему необходимо явно “обнаружить” свою осведомленность,
ср.:

-Я живу в центре города.

-Я знаю, где ты живешь,

2/ определенные сведения избыточны:

- Знаешь, князю приготовили на его шестидесятилетие юбилейный торт из марципана.

- Знаю.

- Я тебе уже об этом рассказывал?

- Много раз (А.Агеев),

3/ собеседник сомневается в уровне владения информацией и говорящему следует разубедить его:

- Я знаю стихотворение (если кто-то думает, что я не знаю стихотворения, то он ошибается).

Вместе с тем, дать исчерпывающую характеристику семантическим функциям высказывания “Я знаю” - задача практически неразрешимая. По поводу глагола *знать* велась дискуссия еще в лингвистической философии: ее представителей особенно интересовал переход от интенциональных состояний к лингвистическим актам. Например, Дж.Остин³ предлагает различать две основные модели употребления выражения “Я знаю”: в первой речь идет об отношении субъекта высказывания к внешним обстоятельствам (Я знаю, что это дерево - дуб), вторая связана с характеристиками психических состояний других людей (Я знаю, что этот человек сердится). Большинство проблем связано с интерпретацией второй модели, так как подобные высказывания внутренне противоречивы: как можно утверждать, что некто знает о чужих чувствах и переживаниях, если он не может проникнуть в душу к другому человеку. По мнению Дж.Остина, правомочность выражения “Я знаю” во второй модели может оправдываться нашей способностью или идентифицировать себя с другим человеком, или делать выводы о том, что он чувствует, анализируя внешние симптомы проявления этих чувств.

Современные представители лингвистической философии сумели выделить 12 различных ситуаций, в которых может применяться формула “Я знаю”. Но, по мнению Н. Малкольма, именно первая модель (Я знаю, что это дерево - дуб) является непродуктивной, так как нет смысла употреблять глагол *знать* по отношению к фактам, которые и так всем очевидны. В этом случае данная конструкция избыточна. Логика подобных рассуждений может показаться убедительной, но следует считаться и с точкой зрения Дж.Мура, который полагал, что человек способен непосредственно сознавать свое состояние - чувства, настроения и его знания являются особым ментальным состоянием, которое может стать объектом самоанализа и самоотношения.

Остальные ментальные предикаты анализируются проще, так как в них вполне очевидно выражена позиция субъекта по отношению к тому, что утверждается или отрицается.

Так, в высказывании Я *считаю*, что Р в значительной степени выражен аксиологический аспект, то есть субъект высказывания апел-

лирует прежде всего к системе своих ценностей. У субъекта есть некоторое представление об истинных характеристиках объекта информации. В то же время ценностная аргументация делает неизбежным акцентирование личной интенции. Глагол считать может быть охарактеризован как предикат со значением *аксиологической квалификации*.

В семантике предиката *полагать* (близкого к *считать*) предполагается некоторое допущение существования другой точки зрения у субъекта, к тому же более выражен рефлексивный момент.

Предикат *думать* подчеркивает, что субъект находится в процессе поиска, это в большей степени аналитическая характеристика собственного отношения к информации: субъект ищет аргументы для обоснования своего высказывания. При этом личностная интенция сохраняется. Предикат *думать* можно охарактеризовать как предикат, сигнализирующий *аналитическую информацию*.

В семантике предикатов *признавать* и *допускать* есть указание на то, что субъект ранее имел иное отношение к информации, и это отношение под влиянием определенных обстоятельств изменилось. Ср.: Я признаю, что он прав. Я допускаю, что он прав.

Предикат *сомневаться* указывает на отрицательное отношение субъекта к предмету речи. На наш взгляд, это выражение наиболее оппозиционного положения субъекта, при котором значение высказывания Я сомневаюсь, что Р., в целом утвердительное, приближается к отрицательному значению. Ср.: Я сомневаюсь, что он прав. - Он неправ.

Предикат *предполагать* сигнализирует значение допущения, догадки как результата предварительных размышлений: Я предполагаю, что он прав.

Глагол *подозревать*, близкий по значению к глаголу *предполагать*, указывает, что предположение, догадка субъекта является нежелательной, а информацию не хотят обнаружить явно: Я подозреваю, что ты от меня многое жскрываешь.

Особым вариантом формулы “Я знаю” следует считать высказывания типа: Я *ощущаю*, что Р, Я *чувствую*, что Р, Я *представляю*, что Р. Их особенностью является ссылка на информацию, исходящую непосредственно от органов чувств субъекта высказывания. Дифференциация этих высказываний должна осуществляться по степени чувственной обусловленности их содержания. Исходный вариант этого типа суждений -утверждение “Я ощущаю”, так как оно основан на

физиологически обусловленных данных собственных органов чувств субъекта. Ср.: Я ощущаю, что мне больно. Следует отметить, что глагол *ощущать*, являющийся инвариантным для *вижу, слышу, обоняю, мне жарко, больно* и т.д., малоупотребителен в русском языке. Напротив, высказывание *Я чувствую* широко распространено. Его главное отличие состоит в том, что он отражает большую субъективную осознанность собственных переживаний. Таким образом, Я ощущаю - это рефлексия по отношению к своим собственным физиологическим процессам, Я чувствую - это рефлексия по отношению к своим собственным психическим состояниям и образам.

Конструкция Я представляю содержит указание на активное творческое начало, так как речь идет об образах, создаваемых субъектом, причем субъект воспринимает эти образы как созданные именно им, ср.: Я представляю, что с нами будет.

Ментальные предикаты связаны с такими категориями высказывания как авторизация, достоверность, категоричность. Как известно, предлагаемая информация должна быть квалифицирована с авторских позиций.

Авторизация предполагает оценку источника излагаемой информации. Автор обязан сообщить, своя это информация или чужая, каков способ ее получения. Авторизационная характеристика содержания обязательна, но наличие ее показателей не обязательно. По мнению Т.В.Шмелевой, глаголы типа *считать* являются специальными средствами авторизации. С одной стороны, они указывают на субъективность информации, с другой, по мнению Дж.О.Урмсона⁵, на склонность субъекта к определенному поведению.

Уверенность, категоричность выражаются в том случае, если ситуация проблематична: спор, дискуссия и под⁶. Уверенность и категоричность субъекта высказывания в той информации, которой он располагает, передается глаголами *знать, считать*. Все остальные предикаты передают мнение некатегорическое.

В целом, выбор говорящим ментальных предикатов свидетельствует о том, что содержание высказывания подвергается сомнению или вызывает несогласие. Присутствие данных глаголов в высказываниях снижает степень достоверности содержания передаваемой информации.

1. Вежбицкая А. Из книги “Семантические примитивы”. Введение // Семиотика. М., 1983. С.225-253.
2. Малкольм Н. Мур и Витгенштейн о значении выражения “Я знаю” //Философия, логика, язык. М., 1987. С.24-263
3. Остин Дж. Чужое сознание //Философия, логика, язык. М., 1987. С.48-95.
4. Степанов Ю.С. В мире семиотики // Семиотика. М., 1983. С.34-35
5. Урмсон Дж.О. Парентетические глаголы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С.196-216.
6. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Красноярск, 1988.

И.Л.Манаенкова

“Наивные номинации” и современная концептосфера народа

Человек называет реалии объективно существующего мира, используя те языковые средства, которые находятся у него “под рукой”. Наличие ресурсов, необходимых для целей номинации, связано с уровнем развития общественного сознания, обусловленного историческими, духовными, политическими и другими особенностями общества, а также его научно-техническим и социальным прогрессом в определенную эпоху.

Рассмотрим пример из воспоминаний И.Л. Толстого о своем великом отце: “Слово “барин” понемногу уходит в область истории. Его заменило слово “интеллигент”, но во времена молодости моего отца и даже моей юности это слово выражало вполне определенное понятие и имело хорошее значение”.

Пример показывает, что концепт “интеллигент” уже сформировался в сознании носителей языка, но до некоторого времени он обозначался словом, план содержания которого включает потенциальные семы “образованность”, “воспитанность”, “утонченность манер”, “благородство”. Все они, а также некоторые другие вошли в содержание концепта “интеллигент”, когда он занял соответствующее место в концептосфере русского языка.

Когда А.Е. Герцен говорит, что Павел Пестель “был социалистом прежде, чем появился социализм”, встает вопрос, каким словом

можно было назвать человека революционных убеждений в первую четверть 19 века в России Александра I? Какое слово подошло бы для этой цели: “либерал”, “фармазон”, “карбонарий”?

Рассматривая эти “первичные” номинации через призму современного видения действительности, нельзя назвать их продуктами “наивной картины мира” той эпохи. Ментальная сфера языка не может быть “наивной”, и подобным признаком можно наделять ее фрагменты только с современных позиций.

В.М. Топорова

Символика спирали в семантическом пространстве языка

Символика спирали во многом основана на переосмыслении пространственных характеристик этой фигуры.

Наблюдения над характером актуализации образа спирали в семантических процессах позволяет сделать следующие выводы.

При актуализации статичного образа спирали у лексемы “спираль” возникают семемы Д2 /конкр./ “предмет, имеющий форму спирали” /часто при обозначении проволоки, пружинки такой формы/: Спираль накаливания. Электронагревательная спираль. При актуализации динамического образа возникает семема Д2 /конкр. постабстр./ “траектория движения тела”: Знакомо ли вам это чувство: когда на аэро мчишься ввысь по синей спирали, окно открыто, в лицо свистит вихрь... /Замятин. Мы/.

В образе спирали получила наглядное метафорическое воплощение идея развития /прорыв из круга/ при актуализации признака “возврат в исходную точку на ином /более высоком/ уровне, без замыкания круга”, в то время как “замыкание круга” означает остановку в развитии: Спираль роста цен. Историческая спираль развития идей. (Здесь реализуется семема К I).

Интересны окказиональные авторские ассоциации, проявляющиеся в художественном тексте. Так, например, в стихотворении И. Бродского “Речь о пролитом молоке” актуализируется как признак спирали функция соединения, объединения:

Душу затянут большой вуалью.

Объединят нас сплошной спиралью...

В художественном тексте может актуализироваться “манипу-

ляционный” образ спирали /свернутая спираль, раскрученная спираль, даже замкнутая спираль/. Спираль – это символ развития, становления; свернутая спираль – это образное воплощение потенции развития, становления: Так, говорится – поставить точку. В человеческой судьбе точка – это свернутая спираль, это – праатом, из которого вырастет новая Вселенная /Д. Гранин. Зубр/.

Спираль может быть раскручена, как пружина в граммофоне. Раскрученная спираль – это “прямая”, путь, устремленный в пространство:

Но чем ближе к звезде, тем все меньше перил;
у квартир –
вид неправильных туч, зараженных квадратностью,
тюлем,
и версте, чью спираль граммофон до конца раскрутил,
лучше броситься под ноги взапуски замерзшим
стульям.

/Бродский. Bagatelle/

Так же, как раскрученная спираль переходит в “прямую”, так и “замыкание” спирали образует “круг”, символизируя остановку в движении, т.е. прекращение поступательного движения, развития:

Историческая спираль развития идей, о которых сейчас идет речь, на новом качественном уровне временно замкнулась в работе /точнее, в учебнике/ “Курс физической географии”... /Забелин. Путешествие в глубь науки/.

Образ винтового движения составляет основу метафорического употребления ряда лексем, актуализирующих этот образ. Так, в выражении “самолет вошел в штопор” реализуется семема “фигура высшего пилотажа – падение по винтовой линии”. Пространственные параметры винтового движения актуализируют в исходном значении глаголы “сверлить”, “винтить”, “взвинтить” и т.п. Глагол “сверлить”, актуализирующий образ вращательного движения с перемещением по “прямой”, употребляется в метафорическом значении при описании пристального “сверлящего” взгляда:

Впереди был S – мрачно, молча, быстро высверливая глазами колодцы во мне, в моем кресле, во вздрагивающих у меня под рукой листьях /Замятин. Мы/.

Аналогично используется и лексема “буравчик” /буравчики

глаз, буравить глазами/: И сверкнули глаза – два острых буравчика, быстро вращаясь, ввинчивались все глубже, и вот сейчас довинтятся до самого дна... Буравчики достали во мне до дна, потом, быстро вращаясь, взвинтились обратно в глаза... Я за секунду провинчен серыми, холодными буравчиками глаз... /Замятин. Мы/.

Глагол “взвинтить” актуализирует образ винтового движения с перемещением вверх при реализации семемы “возбудить, напрячь в сильной степени: “взвинтить нервы” – говорится о высокой степени нервного напряжения /возбуждения/; “взвинтить цены” - означает “повысить”. Таким образом, при актуализации образа винтового движения могут актуализироваться параметры “движение вниз” и “движение вверх” /с переходом на новый уровень/.

В особую группу лексем, актуализирующих образ винтового движения, можно выделить словообразующее гнездо глагола “вить”: виться, завивать/ся/, навить/ся/, ввить, виток, завиток, витой, развить/ся/, развитие.

Глагол “вить” в исходном значении – “изготавливать, скручивая, сплетая или плетя” – во фразеологическом употреблении связан с характеристикой области отношений между людьми и используется в выражении “вить веревки из кого-н.”, реализующем семему “распоряжаться кем-н. по своему усмотрению”. Глагол “виться” /в исходном значении – “расти завитками” /о плуще, кудрях/ означает в производном значении “кружиться, крутиться, изгибаться”:

В метафорическом употреблении глагол “виться” используется при описании явлений психологической реальности:

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивый. /Пушкин. Приметы/

Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений.
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным веком,
И вьется, и пылает гений. /Пушкин. Княгине З.А.Волконской.
“Среди рассеянной Москвы...”/

Различают два омонимичных глагола “развить”, выражающих

“непространственный” и “пространственный” смысл. При этом значение лексемы “развитие” возводят к первому глаголу. Вместе с тем достаточно явно просматривается связь понятия “развитие” и с семантикой второго глагола “разделить, распрямить часть чего-н. свитого, свившегося”. Соответственно, “развиться” означает “стать прямым”. В семантике данных лексем актуализируется образ “распрямления” свитого как спиралеобразного движения. Этот образ может быть соотнесен с процессом выведения чего-л. из зачаточного /свернутого/ состояния, раскрытия потенций развития чего-н.: так раскрывается бутон цветка.

Образ винтового движения актуализируется в семантике лексем “клубок”, “моток”, “свиток”. Клубок и моток актуализирует два образа – шарообразного тела и динамический образ наматываемого, сматываемого и разматываемого клубка, раскатывающегося мотка:

И по комнате, точно шаман, кружа,
я наматываю, как клубок,
на себя пустоту ее, чтоб душа
знала что-то, что знает Бог. /Бродский. “Как давно я топчу,
видно по каблуку...”).

Образ сматывающегося и разматывающегося клубка возникает при описании мыслительного процесса

Как ни хаотичен был вихрь мыслей, роившихся в его голове в течение этих долгих часов, их, собственно, было два круга, два неотвязных клубка, которые то сматывались, то разматывались /Б. Пастернак. Доктор Живаго/:

В концептуализированном представлении данные образы воплощают развертывание и сворачивание линии в пространстве посредством спирального движения. А если такое “свернутое” состояние ассоциировать с “точкой”, то мы получим модель пространственного развертывания точки в линию и свертывания линии в точку.

“Свиток” актуализирует образ пространственного развертывания линии в плоскость. В контексте развертывания психологической реальности этот образ возникает у Пушкина /Воспоминание/:

Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток.

Кругообразное вращение с перемещением ввысь воплощает образ “вихря” / “порывистое круговое движение ветра” – в Д1/. Лексема “вихрь” употребляется также в переносном значении для обозна-

чения стремительного развития событий или смена следующих друг за другом событий, а также для обозначения активной деятельности:

Так, вихорь дел забыв для муз и неги праздной,
В тени порфирных бань и мраморных палат
Вельможи римские встречали свой закат /Пушкин.

К вельможе/

Вихревое движение ассоциируется с процессом мышления:

Обрывки мыслей неслись вихрем и крутились колесом, почти стуча, как испорченная машина. /Пастернак. Доктор Живаго/.

Вихревое движение воды, воздуха именуется лексемой “завихрение”, которая также используется для обозначения странности, путаницы в мыслях, в рассуждениях /завихрение мозгов, шутл. разг./

Образ вихревого движения ассоциирован с эмоциональной накаленностью восприятия мира. Не случайно в творческом почерке Марины Цветаевой важное место занимает образ вихря. В стихотворении “Поэт” встречается образ “гривастой кривой”, воплощающий конфигурации и вихря, и пены морской, и волны, символизируя путь поэта, подобный пути кометы – непредсказуемый, взрывчатый и вихревой.

Таким образом, модель винтового движения в сознании человека обладает большой ассоциативной базой и предметно-образной представленностью.

Г.Ю Хатунцева

“Смерть” в русском и англо-американском языковом сознании

“Существует совершенно бесспорное, имеющее глубочайшие исторические корни различие в основной структуре всего духовного восприятия жизни и отношения к ней между русским и западным человеком”, писал Л.С.Франк. “В каждом языке вычитываются национально-специфические черты, в коих легко узнаваем национальный характер” пишет А.Вежбицкая (Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997, с. 21). Аналогичной точки зрения придерживается Г.Гачев (Гачев Г. Национальные образы мира. Космо – психо – логос. М.: Мысль, 1992).

Фундаментом для здания языка является национальное сознание. Язык суть явление “надстроечное”, национальное же сознание – явление “базисное”, следовательно, от национального языка можно

проложить мостик к национальному сознанию и, изучив первый, исследовать и второе. Таким образом, изучение национального языка может стать ключом к постижению национального сознания.

По Хайдеггеру, язык есть Дом Бытия. Решающей точкой существования в нем, точкой, где человек впервые становится человеком и узнает свое чудовищное одиночество во Вселенной, где берет свое начало высшее мышление, является точка, где обнаруживается мировой страх как чисто *человеческий страх перед смертью*. Вот тогда-то язык, будучи Домом Бытия, в зависимости от того, какое национальное сознание он выражает, либо распахивает окна и двери дома навстречу этому феномену (рус. “Беда (смерть) пришла – отворяй ворота”), либо запирает их на засов, замирая от экзистенциального ужаса перед *ni-hilum*.

Англо-американское языковое сознание защищает свое Бытие мощным поясом табу и эвфемизмов. Так, знаменитый исследователь истории американской цивилизации М.Лернер отмечает, что “американцы избегают задумываться о смерти, даже не пытаются хотя бы примириться с ней: они считают предмет слишком неприятным и отталкивают его от себя, окружая туманом эвфемизмов и всевозможных табу – языковых и поведенческих”.

Вот несколько примеров, взятых из художественной литературы, наглядно иллюстрирующих желание не упоминать слова “death”, “to die”.

My dear Rhilip,

I regret to inform you that *your dear Aunt departed this life* early this morning. (S.Maughan. *Of Human Bondage*, ch.51);

Perhaps it occurred to her... that Lady Montodore’s beam would likely fade the sight of Poly in Lady Patricia’s room, unchanged in almost every respect, in the very bed where *Lady Patricia had breathed her last*. (N.Mitford. *Love in a Cold Climate*, pt.II, ch.8);

Don’t you find it very lonely in that house my dear, now *that your poor Aunt is no more?* (D.L.Sayers. *Unnatural Death*, pt.I, ch.V);

“Malaga” – “A beautiful city. After my marriage I went there with *my wife, who now, alas, has gone to God.*” (A.Cronin. *Crusader’s Tomb*, pt.III, ch.VI).

Сравните это с почти фаталистическим принятием смерти русскими, превращающими ее в факт жизни. Для русских жизнь – это жизнь со смертью. Для американцев жизнь – это жизнь без смерти. Но

разве можно жить со смертью? Что это за жизнь? Вот здесь-то и кроется главное отличие в восприятии смерти русским и англо-американским сознанием. Все дело в том, что русское сознание не отстраняется от смерти, не отодвигает ее в будущее, а примиряется с ней, и более того, живет с нею. Русский человек не хочет умирать всецело, он ищет абсолютного бессмертия, жизни вечной и поэтому приближает смерть к себе, вступая с ней в прямой диалог. В православии – неотъемлемой части русской национальной культуры – нет понятия “смерть”, а есть понятие “успенье”.

Английский язык спешит защитить, успокоить своего носителя, используя все свои экспрессивные средства: эвфемизмы, слэнг, иронию, с помощью которых говорящий совершает фактически некий вербальный аутотренинг, дабы не обременять себя страхом и отчаянием.

В этом отношении показателен следующий отрывок из современного романа:

“You see I must finish by the time I am twenty-eight. Thirty at the outside”.

“And after that?”

“I’ll rest”, said Tabermacher gently. He was about to add ironically, “I’ll take a long, long rest”, when he stopped himself.

At the moment he was oppressed simultaneously by the deep pity for Eric. The pity transient – Eric, like most Americans, would react too sentimentally to any mention of one’s inevitable death. (M. Wilson. *Live with Lightning*, Bîik I, ch. VIII).

Иначе обстоит дело в русском языке, где смерть часто называют не иначе как “смертушка”. По мнению А. Вежбицкой, суффиксу – *ушка* в русском языке отведена роль сочетаться (в фольклорном стиле) со словами, обозначающими абстрактные понятия, например, горе – горюшко, воля – волюшка, дума – думушка, смерть – смертушка (смерть – неизбежна, и поэтому ее надо принимать с любовью). Все они имеют ясное экзистенциальное содержание и связаны с традиционно русским отношением к жизни. Народная философия в этом случае такова, что в жизни надо относиться ко всему, даже к смерти, по-доброму, принимая ее. Исследователями русского фольклора было обнаружено несколько колыбельных песен с пожеланием смерти, которые мать (преимущественно крестьянка) или даже няня богатого дитяти пели, склонившись над младенцем:

Баю бай, баю бай,
 Поскорее помирай.
 Баю бай, баю бай,
 Вот отправишься ты в рай.

Ср . также такие русские поговорки как Жизнь – сказка, смерть – развязка, На миру и смерть красна.

В целом англоязычные народы прагматичны, утилитарны, рациональны, энергичны, деятельны, посюсторонни. Кажется, что им вполне хватает того наружного, внешнего мира, в котором они живут, и никакого другого – горнего, запредельного, “царствия божьего”, они не взыскуют. Для русских более характерна пассивная жизненная позиция, фатализм (в отличие от англо-американского волонтаризма), леность, созерцательность, мечтательность. В этом отношении русские более близки к восточным, особенно мусульманским, нациям, чем к западным и, вероятно, прав был Р.Киплинг, назвав русских “самым западным из восточных народов” – в отличие от российских интеллигентов, считавших русских “самым восточным” из народов западных.

Т.В.Ряполова

Символы миропонимания как отражение национального самосознания

Die Welt ist durch die Sieb des Wortes gesiebt
 (К.Кraus)
 Мир построен на силе чисел (Пифагор)

Известно, что во фразеологии отражается национальное самосознание лингвокультурной общности, что позволяет через анализ фразеологии выявить некоторые черты национального сознания.

Культурная значимость фразеологизма повышается в тех случаях, когда в его структуре присутствует “символьная составляющая” (термин Д.О. Добровольского). Речь идет о ФЕ, включающих символ *число* (лексическим представителем которого в поверхностной структуре фразеологизма является имя числа или цифра). Символ имеет более высокий семиотический статус по сравнению с образом. Это отчасти связано с тем, что символ чаще интерпретируется в терминах культуры.

В качестве примера культурно значимого символического - “чис-

лового” - противопоставления в языке можно привести идиомы русского и немецкого языков с символической составляющей “семь” и сопоставимые с ними по значению английские (и частично - немецкие) ФЕ, в которых в аналогичной функции выступает понятие “девять”.

русс. - семи пядей во лбу, за семь верст киселя хлебать; семь верст до небес (и все лесом); семь потов сошло; семь пятниц на неделе; за спасибо семь лет работать; до седьмого пота;

нем. - а) in sieben Sprachen schweigen; eine boese Sieben; (mit j-m) um sieben Ecken verwandt sein; ein Buch mit sieben Siegeln; hinter den sieben Bergen; seine sieben Sachen;

б) wie die neunkoepfigen Raupen essen; die neunschwaenzige Katze; (der, die) Neunmalklugе;

англ. - to be in cloud nine; a stitch in time saves nine; to be dressed up to the nines; a nine day's wonder;

Символическое значение числа “семь” отражает, по-видимому, особую роль концепта “семь” в исламской религии. Менее однозначной интерпретации поддаются английские (и редко - немецкие) ФЕ с компонентом “9”. Роль концепта “девять” в европейской фразеологии объяснима значением этого понятия в древнегерманской культуре. “Девять” играет большую роль в германской мифологии, в правовой системе и т.д. Позднее во всех германских языках, кроме английского, число “9” в своих особых знаковых функциях было вытеснено числом “7”.

А.В.Медведева

«Собака» и «пес» в русской фразеологии (к вопросу о символическом значении слова)

Лексемы «собака» и «пес» используются в русском языке для обозначения домашнего животного семейства псовых. Мы прослеживаем развитие значения этих лексем в составе устойчивых сочетаний, пословиц и поговорок.

Основная денотативная семема Д1 лексемы «собака» представлена в выражениях типа: *дворовая собака, служебная собака, дикая собака динго* и др. Собака издавна выступала как верный друг и помощник человека в охране дома, охоте, что отразили следующие выражения: *Мужик да собака на дворе - баба да кошка в избе. Без собаки зайца не поймаеть. С собаками не сыщешь кого-нибудь.*

Интересно, что лексема «пес» в устойчивых сочетаниях в денотативном значении, видимо, не употребляется, а приобретает в них коннотативный смысл (семема K1, K2). В этом случае очевиден метафорический перенос качеств животного непосредственно на человека: *верный пес, сторожевой пес, ценной пес* (презр.) в значении чьего-нибудь верного прислужника, но также и надежного охранника и союзника: *При верном псе сторож спит.*

Очевидно, что широкая известность собаки, ее обитание в непосредственной близости от человеческого жилья, а также постоянное использование в хозяйственной деятельности давало людям неограниченную возможность в наблюдении за ее и повадками и привычками. В результате этого в языке сложились и оформились выражения, отражающие характерные особенности поведения животного. Путем метафорического переноса по сходству эти выражения стали употребляться по отношению к человеку, но уже в ином, непрямом смысле. Таким образом, ситуации наблюдения человека за собакой могут иметь статус одновременно D1D1 и K1K1, K2K2 в зависимости от употребления, а именно от того, кто подразумевается - само животное или человек.

Рассмотрим на конкретных примерах значения устойчивых сочетаний с интересующими нас лексемами.

Лексемы «собака», «пес» в ряде выражений отмечены в прямом номинативном значении - вечно голодное существо и, следовательно, крайне прожорливое: *Собака обжора, а кошка сластена. Собака крох подстольных, а кошка пролитого молока ждет.*

В переносном значении (по семеме K1) указанные слова обозначают того, кто постоянно хочет есть, ненасытен: *Сколько собаке не хватать, а сытой не бывать. Видит (слышит) собака молоко, да рыло коротко (да в кувшин глубоко). Брось псу кусок, так и не лает. Обрадовался, что собака блину.* Это значение, по всей видимости, спровоцировало происхождение выражение *собачья радость* (колбаса самого низкого качества или вареная требуха) как отражение мечты о сытном обеде, когда все равно, что, а лишь бы что-то съесть.

По жизненным наблюдениям людей собака - это пустобрех, много, громко и понапрасну лающая. Поскольку способность бессмысленно сотрясать воздух свойственна и человеку, выражения со словами «собака» и «пес» стали употребляться для характеристики людей (по семеме K1): *Собака лает, от собаки слышит. Собака лает, ветер носит. Нечего баять, что собаки лают. Собака лает, а бары едут.*

Вольно собаке (псу) и на владыку брехать. Не бойся собаки брехливой - бойся молчаливой. Когда он заговорит, то и собаке не даст слова сказать. Добрый пес на ветер не лает.

Традиционно в русской культуре собака была битой, что непосредственно зафиксировано в языке. Но выражения, отражающие эту особенность жизни животного, также могут быть применены (по семеме К1) по отношению к человеку - тому, которого все и всегда бьют: *Была бы собака, а камень найдется. Коли быть собаке битой, то найдется и палка. За собакой палка не пропадет (припомнит). Любить, как собака палку. Битому псу только плеть покажи. Собак гонять. На собаках шерсть бьет.* Интересно, что появилась даже своеобразная сентенция: *Не бей собаки, и она была человеком.*

Согласно практическим наблюдениям, собака может напасть, укусить и даже загрызть свою жертву. Очевидно, что выражения, характеризующие животное с подобной точки зрения, стали применимы и к людям, проявляющим внезапную агрессивность и жестокость, к тем, кто могут быть грубыми и злыми: *Молчан-собака исподтишка за икры хватает. Не дразни собаку, так и не укусит. На смелого собака лает, а трусливого рвет. На трусливого много собак. Свои собаки грызутся, чужая не приставай. Кто вперед суется, того собаки едят. Не муж бы был, не собакою бы и слыл. На кого люди, на того и собаки. Сердитая собака волку корысть.*

Рассмотрим семантические группы выражений с немотивированными коннотативными значениями. В них лексемы «собака» и «пес» далеки от своего прямого номинативного значения, и выражения в целом приобретают характер устойчивых фразеосочетаний.

По семеме К2 лексема «собака» в составе ФС обозначает знатка своего дела, мастера, доку в выражениях типа: *Собаку съест на чем-либо. Собаку съел, только хвостом подавился. Он на брань собака. Он у нас плясать собака. Хорошо поет, собака, заслушаешься.*

Выражение *вот где (в чем) собака зарыта* в значении истинной причины, сути дела, скорее всего, непосредственно связано со значением предыдущих высказываний, поскольку знаток, мастер непременно владеет каким-то секретом своего дела, знает его суть.

Интересна также немотивированная коннотация (семема К2) лексем «собака» и «пес» в устойчивых сочетаниях типа: *вешать собак на шею кому-нибудь* в значении наговора, клеветы на кого-либо; *пес (черт) меня возьми; ко всем чертям собачьим; собаке (псу) под хвост;*

пес (черт) его знает; на кой пес (черт); пес (черт) с ним для выражения возмущения, негодования, досады, недоумения или удивления. Лексема «пес» часто заменяет собой лексему «черт», создавая игру слов и фактически пересекаясь с ней по смыслу.

Понятно, что в выражениях такого рода лексемы «собака» и «пес» имеют очень слабую мотивированность основным денотативным значением. Отметим, однако, что лексема «пес» чаще употребляется для выражения пренебрежительного или ругательного смысла, являясь родовым понятием по отношению к собаке: *Черная собака, белая собака, а все один пес.*

Нами выделена следующая группа десемантизированных выражений местоименного типа:

1) в значении либо крайней степени наличия признака, либо полного его отсутствия: *как собака* (например: *Замерз, как собака* - то есть очень сильно, в высшей степени); *как (что) собак нерезаных* (то есть очень много); *нужен, как собаке пятая нога* (то есть нисколько, ничуть, совсем не нужен).

2) в значении любого, всякого, каждого или же, напротив, абсолютно никого - *каждая собака; ни одна собака*. Лексема «собака» утрачивает здесь собственное номинативное значение и заменяет собой лексему «человек».

Отдельно рассмотрим коннотативное значение (семема K1) лексем «собака» и «пес» - низменное существо, самая малость, низший по рангу (в имуществе, в коллективе): *Жил собакой, околел псом. У него в доме нечем собаки заманить. У нас такое ремесло, что к собакам занесло (кража). И в Иерусалиме собаки есть. Богат Тимошка, у него собака да кошка. В такую погоду добрый хозяин и собаки не выгонит за ворота. На чужбине и собака тоскует. И собака старое добро помнит. С собакой ляжешь, с блохами встанешь. С лихой собаки хоть шерсти клок. Живут, как собака с кошкой.*

Это значение не вытекает непосредственно из основного смысла интересующих нас слов, а приобретает ими только в определенном (устойчивом) контексте. Оно представляет собой не следствие естественного развития семантемы, а возникает, на наш взгляд, благодаря частотному употреблению лексем «собака» и «пес» в обиходных ситуациях разговорной речи. Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что оно родилось в определенной бытовой ситуации и, закрепившись в языке в устойчивых фразовых единствах, начало самостоятельное

функционирование. По всей видимости, именно это значение можно рассматривать как символическое.

Как видно из проанализированных примеров, лексемы «собака» и «пес» получили достаточно широкое распространение в русском языке.

Став уже реалией языка, номинации этого животного последовательно преобразовывали свое значение от денотативного к коннотативному. По всей видимости, в определенный момент времени коннотации с лексемами «собака» и «пес» в силу постоянного использования в речевых ситуациях, где употребление этих слов носило скорее нетрадиционный, нежели непосредственно прямой, словарный смысл, сами приобрели новое значение, постепенно оформившееся как символическое.

На наш взгляд, символическое значение рождается как традиционно коннотативное, складывающееся не из действительных признаков называемой реалии, а из суммы отношений к ней людей. Следовательно, символический смысл лексем «собака» и «пес» вытекает не из природы самого животного, а из места, которое оно занимает в обществе. Таким образом, под символическим значением слова мы понимаем особый тип коннотативного значения, в основе которого лежит ассоциативное соотнесение конкретного денотата с неким отвлеченным, абстрактным смыслом, причем связь эта мотивирована не естественным развитием семантемы, а нетрадиционным употреблением лексемы и внешними культурно-языковыми условиями.

З.Е. Фомина

Цветочная символика в немецком и русском языках

Материалом для данного исследования послужили ФЕ и паремии с лексическим компонентом "цветы", извлеченные из немецких и русских фразеологических и паремиологических словарей .

Национально-культурная специфика немецких "цветочных" лексем, которые могут использоваться в качестве составляющих немецких ФЕ и паремий, проявляется уже в том, что в их значении изначально имплицирован национально-обусловленный символический образ. Нами была обнаружена достаточно большая группа "цветочных" лексем, употребление которых для русского языка не

характерно. Ср.: *Storchnabel* (букв. клюв аиста) - *герань*; *Butterblume* (букв. масляный цветок) - одуванчик; *Maßliebchen* (букв. мерная любовь) - маргаритка; *Fetthenne* (букв. "жирная курица") - очиток и мн. др.

В русской фразеологии, и особенно фольклоре, наиболее приоритетными, в отличие от немецкого, являются следующие цветочные лексемы: *мак, роза, лютики, колокольчики*. Ср.: "*Красна девка в хоро- воде, что маков цвет в огороде. Красна как маков цвет*", "*цветёт как майская роза*" и др.

Национальная особенность русского народа проявляется в предпочтительном внимании к цветам, имеющим, главным образом, *красную*, насыщенную окраску, о чём весьма красноречиво свидетельствуют "золотые россыпи" русского фольклора: "*Алый цвет по лицу расстилается, белый пух по груди рассыпается*" (о внешности женщины: актуализируется признак "красивая", "здоровая"); "*Аленький цвет- ток бросается в глазок*" (актуализируется сема "красный" в значении "красивый") и др. Алый (красный) цвет закрепляется в русском сознании как некий эталон красоты, некий идеал, к которому следует стремиться. Ср.: "*Краше цвету алого, белее снегу белого*" (актуализируется признак "очень красивый").

Следует отметить в русском языке высокий удельный вес паремий, у которых базовые лексемы имеют *димиутивные суффиксы*. Например: "*Цветли цветики да поблекли; любил молодец красну деви- цу, да покинул*", "*Цветик - самоцветик*". Димиутивные суффиксы с ласкательным оттенком опосредованно указывают на когнитивно- психологические особенности русского национального сознания, про- являющиеся, в частности, в чувственно-эмоциональном восприятии реалий окружающего мира. Чувство как "пионер познания" (Гегель) в русском менталитете выходит на первый план, что является, несо- мненно, отражением психического склада народа, его представления о мире, отражением его этнокультурной специфики.

Национально-культурные расхождения немецких и русских фразеологизмов с лексическим компонентом "цветы" особенно чётко прослеживаются *в эмотивно-аксиологическом аспекте*. Например: нем. ФЕ "*Ein schönes Veilchen haben*" (букв. "иметь прелестную фиалку") переводится на русский язык как "получить синяк": в немецком сознании синяк как телесное повреждение ассоциируется с фиалкой, а соответствующий фразеологизм приобретает отрицательную оценку и

актуализирует признак "синий". В русской культуре подобные (негативные) ассоциации, связанные с образом фиалки, едва ли возможны, так как в сознании носителей русского языка концепт "фиалка" соотносится только с положительными эмоциями, с эстетически приятными впечатлениями. Ср. также: в немецком языке "*трёхцветная фиалка*" обозначается как *Stiefmütterchen* (мачеха), т.е. речь идёт об отрицательной коннотации, в русском языке - это "*анютины глазки*" (русская номинация включает ласкательный семантический компонент и ассоциируется с образом нежной девушки).

В известной степени парадоксальным представляется тот факт, что образы цветов в немецкой и русской фразеологии/паремиологии используются нередко для обозначения каких-либо *негативных реалий* объективного мира. В значении ФЕ и паремий с компонентом "цветы" актуализируются признаки, соотносящиеся, как правило, с различными *негативными* сторонами человеческого бытия, в частности, с негативными переживаниями, *состояниями* человека (ср.: *dastehen wie eine geknickte Lilie* - поникнуть: актуализируется признак "подавленность", "печаль"); какими-либо негативными *качествами* (*eine komische Tulpe* - странный человек), с эстетическим несоответствием чего-либо (*wie eine Orchidee im Küchengarten* - как орхидея на кухонном огороде, т.е. красиво, но не к месту) и др.

По нашим наблюдениям, немецкие и русские ФЕ с компонентом "цветы" образуют три типа соотношений: эквивалентные ФЕ (16%), относительно эквивалентные ФЕ (44%) и безэквивалентные ФЕ (40%).

1. Эквивалентные единицы

а) "*Jemandes Lebensweg war nicht mit Rosen bestreut*" - "чей-либо жизненный путь не был усеян розами". В эпоху Римской империи существовал такой обычай - бросать розы к ногам победителей. Для того, чтобы подчеркнуть, что кто-либо не был избалован судьбой, чей путь не был устлан розами, используется отрицание розы, служащей одновременно и отрицанием роскоши и славы.

б) "*keusch wie eine Lilie*" - чистая, целомудренная как лилия. Лилия, как известно, является символом невинности и чистоты. Такое толкование образу лилии дало христианство. В католической символике белая лилия, символизирующая своим белым цветом невинность и непорочность, символизировала Богородицу и как своеобразный атрибут использовалась в иконах и скульптурных произведениях, изобра-

жающих Деву Марию.

Символические образы, совпадающие в двух культурах, имеют общие этимологические источники - это, главным образом, Библия и античная культура.

2. Относительно эквивалентные единицы: символическое значение понятно для другого народа, но в одном из языков оно малоупотребительно.

a) *wie auf Rosen gebettet leben* - жить в роскоши, припеваючи (букв. "жить, как будто спать на розах"). В значении данной ФЕ признаки "высокий уровень жизни", "успех", "лёгкость" манифестируются через образ розы, в русском языке через наречную лексему "припеваючи". Ср. обратный вариант: *jemand war nicht auf Rosen gebettet* - кому-то жилось несладко (букв. "кто-то не спал на розах"). Негативная характеристика жизненного пути, трудности, неудачи эксплицируются в немецком языке через отсутствие образа розы, в русском - через наречие "несладко". Сопоставляемые немецкие и русские ФЕ эксплицируют тождественные признаки на уровне денотативных первых семем (Копыленко М.М., Попова З.Д., 1989), однако обнаруживают расхождения на уровне коннотативных первых семем, в частности, дифференцируются по этнокультурному признаку. Указанные ФЕ появились в эпоху заката Римской империи, когда роза стала символом роскоши и изнеженности. (Ср. латинские выражения с компонентом роза: *in rosa* /увенчанный розами/ (М. Tullius Cicero); *quum regnat rosa* / когда царят розы, т.е. во время пиров/ (М. Valerius Martialis); *vivere in aeterna rosa* или *in rosa jacere* /жить среди вечных наслаждений/ (М. Valerius Martialis); *sub rosa dicta tacenda* (сказанное под розой, т.е. в интимной попойке, не подлежит оглашению и др.) Ряд авторов того времени описывает обычай спать на постели, устланной лепестками роз: "*multa in rosa*" /на ложе из роз/ (Q. Horatius Flaccus). Этот обычай впоследствии лёг в основу переносного значения данных фразеологизмов. В Германии розы распространились достаточно быстро. В России же до конца 18-го века роз не было, так как из-за суровых климатических условий её долгое время не могли выращивать; кроме того, использование розы как сложившегося католического символа не допускалась русской православной церковью. Поэтому образ розы в русском языке используется не так часто, как в немецком.

b) "*wie eine Orchidee im Küchengarten*" - красиво, но не к месту (букв. "как орхидея на кухонном огороде"). Признак "неуместность

чего-либо" эксплицируется через образ орхидеи на "кухонном огороде", в русском - описательным способом. Орхидея, как известно, относится к дорогим, изысканным цветам. Её выращивают в Европе в специальных оранжереях. На огороде ей не только не место, но она там не смогла бы расти из-за отсутствия соответствующих условий. Для немцев орхидея представляет собой достаточно привычное явление, а у нас она стала широко известна лишь в последнее время. Поэтому данный образ практически не используется в русском языке.

Приведем пример с двумя ФЕ, которые соотносятся с одной и той же реалией, и, вместе с тем, квалифицируют её с помощью разных национально обусловленных образов: "*sie sieht aus wie eine Pfingstrose*" - "она как маков цвет" (букв. "она выглядит как пион в Троицу"). Признак "красивая внешность" манифестируется в немецкой ФЕ через образ *пиона*, в русской - через образ *мака*. В силу исторических причин пион получил в Германии и, соответственно, в языке, большее распространение. В русском же варианте используется более близкий русским образ мака.

3. Безэквивалентные немецкие единицы

а) "*breite Tulpe haben*" - иметь широкую ладонь (букв. "иметь широкий тюльпан"). Особенности строения человеческой руки выражаются в немецком языке через ассоциацию с тюльпаном. Данный образ не используется в русском языке.

в) "*blau sein wie ein Veilchen*" - "быть синим как фиалка". Образ фиалки в данной ФЕ служит для экспликации признака "сильная стадия опьянения" ("до посинения", "в стельку"). В русской культуре образ фиалки символизирует нежность и красоту и в значении опьянения никогда не употребляется.

Наличие относительно большого количества безэквивалентных фразеологизмов в немецком языке и соответствующих лакун в русском объясняется тем, что мир цветов ещё в эпоху средневековья в Германии был представлен богаче, чем в России (особенно в том, что касается цветов, использовавшихся в декоративных целях). Роза в Европе была известна ещё во времена Сократа. Многие виды цветов, например, роза, тюльпан, орхидея, пион и др. были завезены в Россию значительно позже, чем в Германию, поэтому их образы не нашли в русской фразеологии столь широкого распространения в сравнении с немецкой. Кроме того, в основе безэквивалентных ФЕ с компонентом "цветы" лежат немецкие сказки, поверья, приметы, особенности жизни

и быта древних германцев, т.е. сугубо немецкие реалии. Это и приводит к существенным концептуальным различиям.

Национально-культурные особенности ФЕ и паремий с цветочной символикой в немецком и русском языках наиболее рельефно проявляются на уровне экспликации эмоциональных и оценочных признаков, имеющих, как правило, разную референциальную соотнесенность, и нередко оказывающихся в семантическом пространстве указанных языков антиномиями.

Копыленко Н.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. - Воронеж: изд - во Воронежского ун-та, 1989.

М.В.Шаманова

Национальная специфика отражения концепта “Общение” в лексико-фразеологической системе русского языка

Национальная концептосфера любого народа имеет как универсальные, так и идеотэтнические черты. Существенной чертой русской концептосферы является важное место концепта “общение” в структуре национального сознания. Общеизвестна высокая психологическая значимость общения для русского человека, его традиционное внимание к общению - своему и чужому. Эти особенности русского сознания и психологии находят отражение в русском языке - в различных формах репрезентации концепта “общение” в лексико-фразеологической системе русского языка.

Лексико-семантическое поле, репрезентирующее концепт “общение” - одно из самых больших полей русского языка. Оно насчитывает 1828 лексем и 314 фразеологических единиц. Коммуникативную лексику составляют в основном языковые единицы таких частей речи как глагол и существительное, а также (в меньшей степени) прилагательное и наречие.

Рассматриваемое поле в русском языке хорошо структурировано. В нем четко выделяется ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия.

Ядро поля составляют лексемы с высокой частотностью, наиболее общие по значению, в прямом значении, стилистически

нейтральные, без эмоционально-экспрессивных и темпоральных ограничений и в минимальной степени зависящие от контекста: разговаривать, рассказывать/рассказать, приказать/приказывать, обещать, просить/попросить, молчать, звать, спрашивать/спросить, отвечать/ответить, отказаться, заявить, благодарить, требовать, вызвать, предлагать/предложить, требование, беседа, разговор, ответ. В ядре отчетливо выделяется центр: говорить/сказать, вопрос. Частотность лексем, входящих в центр ядра намного превышает частотность других единиц. Так, языковые единицы ядра имеют частотность от 100 до 553 употреблений на один миллион словоупотреблений, а языковые единицы центра ядра – от 900 до 2909 употреблений.

Основными признаками лексем, относящихся к ближней периферии, являются: меньшая по сравнению с ядром частотность, стилистическая нейтральность, отсутствие ограничений в употреблении, минимальная зависимость от контекста: сообщить/сообщать, шутить, жаловаться, объявлять, заговорить, согласиться, разрешить, доказать, признаться, повторять/повторить, сообщение, весть, просьба, критика, объяснение, предложение, фраза, заявление, признание, молча и др.

Дальняя периферия включает в себя языковые единицы с невысокой частотностью, как однозначные, так и многозначные. Среди многозначных слов встречаются такие, в которых коммуникативное значение не является основным: *объясняться* в значении “вести беседу, разговаривать”, *выступить* в значении “произнести речь, высказать свое мнение, высказаться (на собрании, перед публикой)” и т.д. В эту группу слов в отличие от предыдущих вошли преимущественно лексемы со стилистическими и эмоционально-экспрессивными ограничениями: трепаться, болтать и др.

Единицы крайней периферии характеризуются низкой частотностью. Большинство многозначных лексем входит в лексико-семантическое поле “Общение” не в основном значении: *отступиться* в значении “перестать общаться с кем-нибудь”, *переговорить* в значении “громко, много говоря, заставить замолчать других”. Большинство слов имеют яркие стилистические и эмоционально-экспрессивные семы. К крайней периферии относятся устаревшие слова, поскольку они малоупотребительны или же употребляются не в основном значении (лексема “врать” в значении “лгать, говорить неправду”, ограниченная употреблением в разговорной речи, относится к дальней периферии, а в значении “болтать, говорить вздор” является крайне мало-

употребительной и относится к крайней периферии). К данной группе слов относятся также лексемы, которые в основном значении входят в другую лексико-семантическую группировку, а “коммуникативное” значение является периферийным в их смысловой структуре: отлипнуть, отмахнуться, оттолкнуть, отцепиться, обрезать, лаять и др.

Анализ структуры лексико-семантического поля “Общение” выявил некоторые национально-специфические особенности анализируемой лексики.

В лексико-фразеологическом поле “общение” обнаруживаются тематические подгруппы, которые включают в себя только фразеологизмы, при этом отсутствуют самостоятельные лексемы для обозначения этих денотатов:

обращаться друг к другу на “вы”: быть на “вы”, переходить на “вы”, называть (обращаться) на “вы” (ср.: тыкать, тыканье);

обращаться к темам, которые задевают кого-либо: наступать на (любимую) мозоль;

испытывать желание говорить: проситься на язык, приходиться на язык;

рассуждать на излюбленную тему: садиться на своего (любимого) конька; оседлать своего (любимого) конька, усесться на любимого конька;

вступать в беседу в соответствии с желаниями, настроениями, взглядами кого-либо: попадать в тон, попадать в (самую) точку; попасть в струю.

Русское сознание предпочло номинировать данные признаки концепта “общение” образным, фразеологическим путем.

Основная часть лексических единиц, репрезентирующих концепт “общение” в русском языке, стилистически нейтральна (52%). При этом стилистически окрашенная лексика в большей степени представлена разговорными языковыми единицами (26%): перемолвиться, потолковать, толки, помалкивать, наболтать и др. Неожиданно большой пласт составляют просторечные слова: якшаться, судачить, изовратиться, ляпать, перекояться и др. (11%). Слова, относящиеся к книжному стилю, составляют всего 3%: коммуникация, празднословие, безмолвствовать и др. Таким образом, устная лексика (просторечная, разговорная, отчасти жаргонная) составляет около 45% единиц поля, что свидетельствует о ее высокой коммуникативной релевантности.

Характерной чертой исследуемого лексико-семантического поля в целом являются высокая многозначность единиц поля, что свидетельствует об активности коммуникативной лексики в процессах переносной номинации, а также неожиданно высокая доля *внутриполевой многозначности* - семантически производные значения преимущественно отражают компоненты концепта “общение”, и, таким образом, производные значения остаются в основном в рамках того же самого семантического поля.

Яркой чертой лексико-фразеологического поля “общение” в русском языке является общая высокая частотность единиц поля в речи. Лексика данного поля обладает высокой коммуникативной релевантностью - она занимает почти три процента от 1000 самых частотных слов русского языка (по данным Частотного словаря русского языка).

В русском языке отсутствуют номинации некоторых признаков концепта “общение” при лексической выраженности противоположных признаков, например: “говорить правду” (ср.: врать, лгать и т.д.); “человек, который говорит правду” (ср.: лгун, брехун, обманщик); “тактичное замечание” (ср.: одернуть, одергивание) и ряд др. Здесь проявляется концептуальная специфика русского сознания - видимо, данные признаки не относятся к числу выделенных сознанием как предмет обсуждения, коммуникации, об этом не говорят.

А.Б.Болхоева

Репрезентация концепта “гостеприимство” в русском и английском языках

Представление о гостеприимстве существует у носителей и русского, и английского языка, о чем свидетельствует наличие соответствующих лексем - “гостеприимство” ἡ δόφιητις и “hospitality” в английском языках. Но эквивалентны ли значения этих слов, одинаковые ли концепты они отражают?

Синонимический словарь английского языка дает следующий ряд синонимов: *Hospitality* – *welcome* (δᾶᾷόφίητέ ἰδέᾷ), *hospitableness* (гостеприимность), *kindness* (ᾷᾷᾷᾷᾷ), *geniality* (δᾶᾷόφᾷᾷ), *cordiality* (ᾷᾷᾷᾷᾷᾷᾷᾷ), *conviviality* (ᾷᾷᾷᾷᾷᾷᾷ), *sociability* (ᾷᾷᾷᾷᾷᾷᾷᾷᾷ), *warmth* (ὀᾷᾷᾷᾷ), *benevolence* (доброжелательность), *generosity* (ᾷᾷᾷᾷᾷᾷ), *liberality* (ὀᾷᾷᾷᾷᾷᾷ).

Нёййёйё-аёёёё пёйааду донпёйаё уёёёа ааао пёааорёёё дуа пёййёййа:
 Гостеприимство – радушие, гостеприимность, хлебосольство, радушный прием.

Таким образом, общим в представлении носителей английского и русского языков о гостеприимстве является, во-первых, положительная эмоциональная оценка понятия гостеприимства; во-вторых, щедрость и любезность по отношению к гостям.

Различным же является то, что, поскольку в английском синонимическом ряду большее количество синонимов, описывающих различные проявления гостеприимства, английское концепт *hospitality*, вероятно, сложнее и включает большее количество признаков, что и отразилось в языке. Обращает на себя внимание выделение признаков *общительность* и *терпимость*, а также *щедрость*, что характеризует те черты английского гостеприимства, которые русский концепт, видимо, предполагает само собой. Русский концепт *гостеприимство* предстает по данным синонимических словарей более абстрактным, в нем выделяется чисто русский признак *хлебосольство*.

Концепты отражают реальную практику приема гостей в России и Великобритании. Прием гостей в Великобритании (как, впрочем и вся жизнь) более церемониален и традиционен, подчинен установленным и регламентированным правилам. В России же англичане всегда отмечают стремление хозяев в первую очередь вкусно накормить гостей, а общение составляет фоновый уровень русского концепта, специально не выделяемый.

А.Д. Мальцев

Национальная специфика языковой реализации концепта “деньги” в русском и английском языках

Лексическое поле “деньги” в языке представляет собой участок лексико-фразеологической системы языка, репрезентирующий концепт “деньги”. Языковая репрезентация данного концепта тесно связана с национальной культурой, национальным характером и поведением народа, национальным менталитетом. В самом составе лексического поля в количестве и характере номинаций, в оценочности лексики, относящейся к денежной теме, в развитости синонимии и родовидовых отношений внутри отдельных семантических разрядов и во

многим другим проявляется опосредованное национальной культурой и менталитетом отношение народа к деньгам, способам их приобретения, сохранения и использования и др. Сопоставительные исследования в этой сфере дают исключительно интересный материал.

В английском языке лексическое поле “деньги” включает более 700 единиц шести частей речи - существительные, глаголы, прилагательные, причастия, числительные, наречия). Ядром поля является имя и глагол.

Поле “деньги” в английском языке подразделяется на 33 основные тематические группы. Наиболее многочисленными группами являются следующие: “Наименование лиц по их отношению к способу зарабатывания денег” (tradesman, money-changer, contractor, profiteer, cheat, shareholder, bribe-taker, pensioner и др., всего 68 единиц); “Наименование лиц по располагаемым ими денежным суммам” (poor, beggar, bankrupt, debtor, rich man, creditor, millionaire, moneyed и др., всего 60 единиц); “Наименование видов денежных доходов” (fee, income, to earn, wages, earnings, grant, reward, loan, subsidy, profit и др., всего 102 единицы); “Наименование способов использования денег” (to spend, to finance, to pay, to subsidize, to pay out, to grant, to settle accounts, to compensate и др., всего 206 единиц); “Наименование способов приобретения денег” (всего 190 единиц). Эта группа распадается на две подгруппы: “Наименование законных способов приобретения денег” (to earn, to work up, renting, to make, to gain, to borrow и др.) и “Наименование сомнительных в моральном отношении способов” (to steal, to grab, to scrounge, to profiteer, bribe-taking, to extort, to cheat и др.). При этом, как и в русском языке английские лексемы данной группы, обозначающие сомнительные или морально осуждаемые способы получения доходов, значительно превосходят по численности лексемы, обозначающие законные способы получения денежных средств.

Проведенный анализ показал, что наиболее близкими к ядру подгруппами являются следующие:

“Наименования лиц по их отношению к способу зарабатывания денег”. Всего в группе 30 единиц, 7 единиц входят в ядро поля: buyer-up (bɪˈɔːɪəˈtɜː);

contractor (подрядчик); seller (ˈɪdʒɪˈnɜː); tradesman (ˈɒdʒɪˈzɜː); pensioner (пенсионер); speculator (spɪˈkjʊləˈtɜː); trader (ˈɒdʒɪˈzɜː);

“Наименования лиц по навыкам обращения с деньгами”. Всего в группе 15 единиц, 5 единиц входят в ядро поля: practical (практический); oe economical (расчетливый); grasping (алчный); stingy (ñêóîññ); wasteful (расточительный);

“Наименование видов деятельности по определению цены”. Всего в группе 17 единиц, 7 из них входит в ядро поля: to estimate (îöáíèääòü); to estimation (îöáíkà); to raise (îñâññèòü); to bargain (òîðâîîääòüñŷ); bargaining (òîðâ); cheap (ääöââî).

В русском языке лексическое поле “деньги” включает более 500 единиц пяти частей речи. Ядром поля тоже является имя и глагол. В поле выделяется 33 основные тематические группы. Наиболее многочисленными группами являются следующие: “Наименования лиц по их отношению к способу зарабатывания денег” (торгаш, меняла, подрядчик, спекулянт, шулер, акционер, туеядец, взяточник, пенсионер и др., всего 31 единица); “Наименования видов денежных доходов” (гононар, заработок, зарплата, приданое, кормовые, пенсия, ссуда, командировочные и др., всего 47 единиц; “Наименование финансовых понятий” (учет, ставка, сумма, оборот, рассрочка, номинал, баланс и др., всего 37 единиц); “Наименование способов использования денег” (израсходовать, потратить, оплачивать, инвестировать и др., всего более 100 единиц); “Наименование способов приобретения денег” (заработать, наторговать, занимать, одалживать, финансироваться, наварить, урвать, насшибать, вымогать, хапать и др., всего более 70 единиц).

Проведенный анализ показывает, что ядро поля составляют следующие подгруппы:

“Наименование лиц по их отношению к способу зарабатывания денег”. Всего в группе 31 единица, из них 6 входят в состав ядра поля: подрядчик, продавец, торговец, пенсионер, спекулянт, торгующий;

“Наименования лиц по навыкам обращения с деньгами”. Всего в группе 18 единиц, 5 единиц входят в ядро поля: практичный, расчетливый, алчный, скупой, расточительный;

“Наименование видов деятельности по определению цены”. Всего 19 единиц, 7 единиц входят в ядро поля: оценивать, оценка, повысить, торговаться, торг, дешево, дорого.

Анализ ассоциативной словарной статьи “деньги” в Русском ассоциативном словаре (М., 1994) показывает национальную специфику

восприятия русскими концепта “деньги”: наиболее сильные ассоциаты отражают такие признаки концепта “деньги”, которые связаны прежде всего с большим количеством денег (большие, много, бешеные, крупные, огромные, золото), наличием или отсутствием денег (нужны, есть, мало, нет, кончились, истрачены, кошелек, в кармане, мои), важностью денег для человека (счастье, жизнь, необходимость) при одновременном ярко выраженном пренебрежительном отношении к деньгам (зло, грязные, грязь, бабки, дрянь, мусор, вода, шальные, левые, не нужны). Обращает на себя внимание сравнительно незначительный удельный вес актуализируемых признаков, связанных с операциями с деньгами (получить, тратить, делать).

Таким образом, структура поля в обоих языках сходна, включает одни и те же тематические подгруппы, к ядру поля относятся одноименные подгруппы в обоих языках, в русском и английском языках количество названий незаконных способов получения доходов преобладает над обозначениями законных способов. При этом наполнение тематических подгрупп в исследуемых языках существенно различается. В английском языке концепт *деньги* в целом представлен лексически гораздо более разнообразно и дифференцированно - 700 единиц против 500 в русском. Особенно многочисленны и лексически дифференцированы в английском языке наименования способов использования денег (206 единиц), наименования способов приобретения денег (190), наименования видов денежных доходов (102) - против 100, 70 и 47 единиц в русском языке, соответственно. Данное явление, как и ассоциативная специфика русского слова “деньги” обусловлены различными традициями в развитии денежных отношений в России и англоязычных странах Запада, что отразилось в концептосферах народов и как следствие - в их языковой, коммуникативной практике.

Гиперо-гипонимическая связь как знак общих закономерностей и национально-специфических особенностей познания

Современные лингвистические исследования показывают, что языковые знаки сигнализируют о состоявшихся когнитивных процессах (Попова, с. 69). Исследуя семантические связи, которые выявляются между лексическими единицами в результате компонентного анализа, мы приходим к выводу, что семантические связи есть знаки концептуальных отношений, организующих концептосферу языка как систему концептов. Концептуальные отношения позволяют понять закономерности познания.

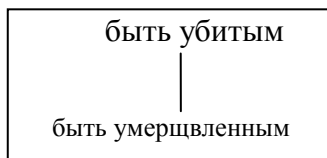
Рассмотрим гиперо-гипонимическую связь и ее разновидности как знаки концептуальных отношений на материале русского и английского лексико-фразеологического поля “Биологическое существование человека”.

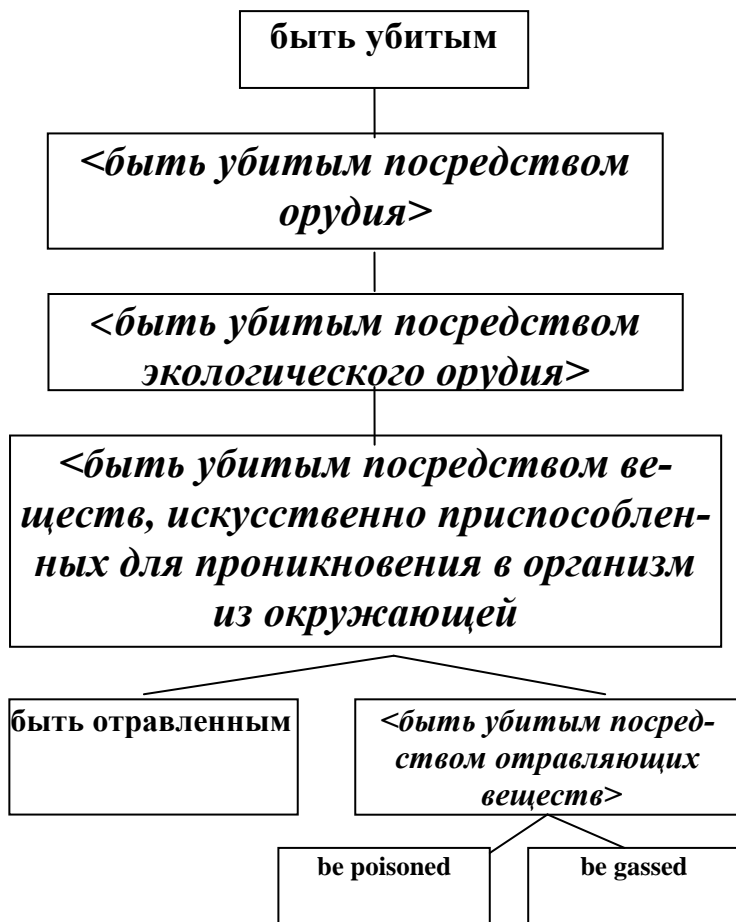
1. Гиперо-гипонимическая связь формируется между элементами, один из которых – включающий – имеет более конкретное и более богатое содержание и тем самым конкретизирует более общий – включенный элемент. Гиперо-гипонимическая связь охватывает все элементы поля, т.е. каждый элемент участвует в той или иной материальной реализации гиперо-гипонимической связи.

Отдельно взятая материальная реализация связи представляет микросистему, имеющую структуру. Взаимодействие реализаций создает подсистему, имеющую более сложную структуру. Для того, чтобы понять и показать структуру микросистемы или подсистемы, мы строим ее структурную модель.

Удобным способом представить любую структурную модель является попытка изобразить ее графически в виде конфигурации.

Реализации гиперо-гипонимической связи образуют несколько видов конфигураций. Модель микросистемы, образованной из двух элементов векторной связью, можно представить в виде линейной конфигурации – например, модель микросистемы, состоящей из реализации гиперо-гипонимической связи:

Гиперо-гипонимическая связь между элементами языковой системы является знаком отношений между концептами разного уровня конкретизации. Такой тип концептуального отношения мы обозначаем термином “конкретизирующее отношение”.

Концептуальное конкретизирующее отношение представляет общечеловеческую закономерность познания. Национально-специфической оказывается степень конкретизации общего концепта. Для носителей разных языков релевантна разная степень конкретиза-

ции одного и того же концепта. Уровень, которым ограничивается значимая для носителей языка конкретизация наиболее общего концепта, опознается по системно-вербализованному элементу, занимающему нижний ярус иерархии. Для носителей русского языка значимая конкретизация вершины иерархии ограничивается уровнем системно-вербализованного элемента “быть отравленным”, т.е. быть убитым посредством отравляющего вещества.

Соответствующая иерархия в английской системе является более глубокой. Пределом релевантной конкретизации вершины иерархии является уровень системно-вербализованных элементов *be poisoned* “быть отравленным веществами, поступающими в организм через органы пищеварения или впитываемыми организмом” и *be gassed* “быть отравленным газообразными веществами, поступающими в организм через органы дыхания”.

Таким образом, углубление иерархии свидетельствует о повышении степени конкретизации общего концепта.

2. Гиперо-гипонимическая конъюнктивная связь. На материале подсистемы “отсутствие биологического существования вследствие казни” выявлена разновидность гиперо-гипонимической связи, которая объединяет один гипоним с двумя гиперонимами. Такими гипонимами являются:

в русской подсистеме - “быть посаженным на электрический стул”, “быть сожженным на костре”;

в английской подсистеме – *be electrocuted* Д1 “быть казненным на электрическом стуле”, *be burnt at the stake* “быть сожженным на костре” (букв. “у шеста”), *be gibbeted* “быть повешенным на виселице”.

Для выявления данной разновидности гиперо-гипонимической связи в ходе компонентного анализа мы опирались на разработанное И.А.Стерниным понятие “семантический признак”, под которым понимается “часть семы, общая с несколькими другими семами (Стернин, 1985, с. 45).

В семном составе этих элементов есть два вида сем: 1) семы, объединенные общим семантическим признаком “орудие казни” - ‘электрический ток’, ‘огонь’, ‘свисающая затягивающаяся петля’; 2) семы, объединенные общим семантическим признаком “сооружение”: ‘электрический стул’, ‘сложенные для костра дрова с шестом посредине’, ‘виселица’.

По компонентам значения каждый из элементов связан с двумя гиперонимами, поэтому рассматриваемая связь состоит из двух частей. Для обозначения такой связи мы предлагаем термин “гиперо-гипонимическая конъюнктивная связь”.

Сопоставление подсистемы “отсутствие биологического существования вследствие казни” в русском и английском языках показало, что не все реализации гиперо-гипонимической конъюнктивной связи в одном языке имеют параллели в другом языке. В русской и английской подсистемах сходны две реализации связи: связь каждого из гипонимов – “быть посаженным на электрический стул” / be electrocuted и “быть сожженным на костре” / be burnt at the stake – с двумя гиперонимами – <быть казненным посредством химического орудия> и <быть казненным на сооружении>.

Гиперо-гипонимическая конъюнктивная связь является знаком нескольких параллельно протекающих когнитивных процессов:

установления двух конкретизирующих концептуальных отношений;

установления конъюнктивного концептуального отношения между двумя конкретизируемыми концептами.

Установление этого отношения опосредовано конкретизирующим концептом, который представлен системно-вербализованным элементом.

Параллельное протекание названных когнитивных процессов позволяет рассматривать их как установление одного концептуального отношения, для которого мы предлагаем термин “концептуальное конъюнктивно-конкретизирующее отношение”. Это вид концептуального отношения представляет наше знание о способе казни, для осуществления которого используются сооружение и орудие; в основе применяемого орудия лежит химическая реакция (воздействие электрического тока, огня).

Конъюнктивно-конкретизирующее концептуальное отношение имеет в английском языке еще одну реализацию и, следовательно, представляет формирование знания еще об одном виде казни – повешении с применением орудия и специального сооружения – виселицы.

Таким образом, конъюнктивно-конкретизирующее концептуальное отношение представляет одну из общих закономерностей познания. Национальная специфика проявляется в номенклатуре концептов, охваченных этим отношением.

Попова З.Д. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики // Вестник Воронежского госуниверситета. Сер. 1. Гуманитарные науки. 1996. № 2. С.64-70.

Ñòáðíèí È.Á. Èáêñè÷áñèíá çíà÷íèá ñèíàà á ðá÷è. Áíðííáæ: Èçá-âí
 ÄÄÓ, 1985. – 171 ñ.

Ñòáðíèí È.Á. Íáðèíáèíáíá ñíáðèðèèá ìøèáíèú è òðíáèáíà èáèóíáðííðè //
 Ñáúçè úçúèíáíð ááèíèð á ñèíðáíá è ðááèèçáðèè: íáæáóçíáñèèè ñá.
 íáð÷íúð òðáíá. Õáíáíá: Èçá-âí ÖÄÓ, 1998. Ñ. 22 – 31.

А.Г.Лапотько

Концепт “береза”

в сознании носителей современного русского языка

Известно, что значение слова составляет лишь часть того мыслительного содержания (концепта), которое связано в сознании носителя языка с определенным звуковым комплексом. С течением времени в значении слова происходят изменения, которые осознаются носителями языка и активно изучаются лингвистами.

Что касается динамики концепта и роли в этом процессе носителей языка, особенно творческих личностей, то они не столь наблюдаемы и необходимость изучения концептов в этих аспектах не столь очевидна. Нам кажется, однако, что рассмотрение названных вопросов представляет известный интерес, так как может дать материал для выводов о соотношении общего и индивидуального в значении слова, показать обусловленность процесса языкового творчества историческими и культурными факторами. Продемонстрируем это на примере концепта *береза*.

Содержание этого концепта в русской концептосфере изначально было достаточно богатым, что связано с той ролью, которую это дерево (его ветви, кора, древесина) играло в жизни русского человека.

Береза была привычной для русского человека реалией окружающего мира, она росла у крыльца, под окном дома, встречала его “во поле”, в лесу. Изделия из березы были привычными и необходимыми предметами быта русского человека. Более того, береза являлась символом согласия при ответе свахи (В.Даль), наказания (накормить березовой кашей; сотворил Бог дурака, сотворил и березу; береза ума даст), ссылки в Сибирь (услан березки считать). К березе обращались в пес-

нях, связанных с народным календарем (существовал обычай в Семик завивать березку венком, ходить хороводом вокруг наряженной березки, приносить ее ветки в дом): “Иё, иё, березонька, завивайся...”, о березе пели в любовных песнях (Во поле березонька стояла...). В песнях другой тематики (например, о чужой стороне) береза появляется как нечто свое, родное в противоположность чужому, враждебному. Так, в песне о гибели “с Дону казака” у Шат-горы говорится, что могила его вырыта под березой.

Сродненность русского человека с березой особенно отчетливо проявилась в произведениях Сергея Есенина, воспевшего “березовую Русь”, страну “березовго ситца” и соединившего в неразрывное целое березу и Россию. С.Есенин выразил своим поэтическим словом то, что всегда присутствовало в сознании носителей русского языка. В произведениях поэтов-песенников 50-80-х г.г. двадцатого века Россия, Родина, береза в их единстве встречаются многократно: У нас в каждой песне береза, береза под каждым окном (М.Агишина).

Творчество Сергея Есенина и поэтов-песенников середины двадцатого века оказало влияние на содержание концепта береза, представленного в сознании современных носителей русского языка: береза осмысливается в настоящее время как символ России. Это подтверждают результаты проведенного нами свободного ассоциативного эксперимента. В эксперименте приняло участие 70 человек молодого и среднего возраста. Полученные реакции распределились следующим образом: *береза* - дерево 13, белая 9, Россия 7, лес, роща, парк 6, стройная 5, красота 4, Есенин 3.

Реакции, данные 1-2 испытуемыми, здесь не приводятся, однако отметим, что среди единичных ассоциатов зафиксирован ассоциат *символ*, а также несколько ассоциатов, которые могут быть присоединены к ассоциату *Россия - русская красавица, родное, природа России*. Интересно, что ассоциаты - наименования изделий из березы представлены только одним словом *туесок*, а ассоциаты со смыслами *обычай, согласие, наказание* отсутствуют совершенно, что отражает изменения, произошедшие в быте и обычаях народа.

Таким образом, существующее в сознании носителей языка мыслительное содержание, связанное с определенным звуковым комплексом, может испытывать глубокое воздействие творческих личностей, что в свою очередь дает импульс для эволюции этого содержания в сознании народа. Если эти изменения принимаются, перера-

батываются, усваиваются коллективным сознанием, возникает почва для формирования нового (в данном случае символического) значения слова, а изменения в значении ведут к модификации соответствующего концепта как единицы национальной концептосферы.

К.С.Юшина

Семантические поля с позиции когнитивной лингвистики

По структурным элементам лексико- семантических полей, по интенсивности заполнения отдельных их участков лексико- семантическими единицами можно судить о ментальных процессах, происходящих в сознании народа, о роли, которую играет та или иная сфера словаря в жизни и деятельности национальных коллективов. Сопоставительный анализ одноименных лексико- семантических полей в нескольких языках вскрывает когнитосферу соответствующих народов. Предметом нашего исследования выступают лексико- семантические поля "технология кухонного производства" в английском и русском языках.

С позиции когнитивной лингвистики, концепты этого обширного лексико-семантического поля имеют свои прототипы. Например, концепт "резать" (имеется в виду процесс обработки пищевых продуктов) есть в обоих сопоставляемых языках, однако в английском языке был выявлен ряд видовых дифференциаций этого глагола: cut, quarter- резать на четыре равные части; shread- резать на очень мелкие кусочки; trim off- отрезать ненужные части; cube- резать кубиками; slice- резать что- либо на тонкие, одноразмерные части; dice- резать мелкими кубиками; chop- нарезать что- либо на более мелкие части.

Проанализированный материал позволяет рассмотреть фрагменты "деятельной", "сценарной" картины мира в русском и английском языках, которые содержат как сходства, так и значительные расхождения.

А.А. Кацевал

Иноязычная лексика в сознании жителей г.Борисоглебска

Современный этап развития русского языка характеризуется целым рядом специфических черт, в том числе интенсивным притоком

иноязычной лексики. Несмотря на высокую частотность употребления в средствах массовой информации, значительная часть заимствований остается неосвоенной или не полностью освоенной носителями языка. Степень освоения тех или иных заимствований в разных возрастных группах может существенно отличаться. Это подтверждают данные психолингвистического эксперимента, проведенного на базе двух возрастных групп жителей г.Борисоглебска : молодежной (18- 25 лет) и средневозрастной (30 – 45 лет).

Результаты опроса показали, что в средневозрастной группе гораздо выше, чем в молодежной, процент освоения заимствованной общественно-политической и финансово-экономической лексики. Например, точное толкование лексемы "секвестр" в средневозрастной группе дали 60% респондентов , в молодежной группе не встретилось ни одного точного или приблизительного толкования ; лексема "ратификация" получила точное толкование 70 % информантов средневозрастной группы и ни одного точного толкования при 26% неполных определений в молодежной группе. Точно сформулировать значение лексемы "инфляция" смогли 80% опрошиваемых средневозрастной группы и только 10% - молодежной (при 50% неполных определений); "инвестиция" – соответственно 86,7% и 26% (при 57% неполных определений) ; "брифинг" - соответственно 46,7% (при 20% неполных определений) и 17% ; "прессинг" – соответственно 76,7% и 3% (при 24% неполных определений); "маркетинг" – соответственно 63,3% и 37%. Зато в молодежной группе оказался выше процент освоения таких лексем, как "имидж" – точное толкование дали 93,4 процента опрошиваемых (в средневозрастной группе – 46,7 %); "менталитет" – 80% (соответственно в средневозрастной группе – 46,7%); "эксклюзивный" – 90% (соответственно – 43,3%); "эпатаж" – 23% (соответственно – 10%).

Низкий процент освоения заимствованной общественно-политической и финансово-экономической лексики может быть объяснен как неактуальностью этих терминов для малых городов, так и слабым интересом молодежи к проблемам политики и экономики. Но даже будучи освоенными на уровне понимания, многие заимствования остаются в сознании носителей языка чуждыми элементами. Это находит отражение в их бессознательном отторжении (при необходимости выразить обозначаемое ими понятие носитель языка чаще использует описательные обороты или русскоязычные синонимы) , а также в по-

явлении оценочных сем в их семантической структуре (например, "шоу" – "идиотское слово, применяемое везде...").

Г.Я.Селезнева

Русская фразеология как отражение национального характера

Несомненно, что представителей разных национальностей отличает общее этническое мировосприятие. Люди чувствуют это и отражают свое понимание этого своеобразия в анекдотах, расхожих представлениях и мыслительных стереотипах, отмечающих, к примеру, пунктуальность и аккуратность немцев, темпераментность итальянцев, сдержанность эстонцев и т.д..

Исследователи определяют национальный характер как национальную психологию (то есть эмоционально-психический склад этноса) и национальный менталитет (то есть логический способ восприятия действительности (Стернин, с.25). В ряду философских, психологических, социологических и иных подходов к изучению национального характера особое место занимает подход лингвистический, так как "речь наиболее адекватное выражение единства нации"(Библер). Врождённые психологические особенности этноса воспроизводятся природой его языка. Цель данной работы - рассмотреть, как национальный характер отражается в русской фразеологии.

ФЕ, называющие черты характера человека и поступки, в которых они проявляются, описывают различные свойства, в той или иной степени присущие человеку любой нации. Как и везде, в России ценят умелых, трудолюбивых (мастер на все руки), добрых (золотое сердце), умных (имеет голову на плечах), хорошо владеющих речью (за словом в карман не лезет), самостоятельных людей (твёрдо стоит на земле). С неодобрением русские говорят о лентяях (баклуши бить), неумехах (всё из рук валится), злых (чёрная душа), глупых (пустая голова), безвольных людях (смотреть из чужих рук).

Отмеченные качества присущи многим народам, но в русских фразеологизмах используются и уникальные образы. Так, лентяй у русских редко совсем ничего не делает. Обычно он создаёт видимость работы (плевать в потолок, переливать из пустого в порожнее, толочь воду в ступе).

При описании глупого человека возникает образ головы как не-

коего вместилища, где отсутствуют важные составляющие, либо эти компоненты (а это зачастую названия русских реалий) находятся в беспорядке (без царя в голове, каша в голове). Ещё одна группа образов связана с необычным материалом, из которого "сделана" голова. У русских это чаще всего дерево (дубовая голова, пень берёзовый, дубина стоеросовая). Глупость для русских равна образу пространственной ограниченности (недалёкого ума, не видеть дальше своего носа). Часто используется аномальный образ (ум за разум заходит, мозги набекрень), наблюдается иронический подход к явлению (от большого ума сделал). Сходные образы встречаем и во ФЕ, называющих умного человека (с царём в голове, семи пядей во лбу). Появляется сравнение ума и таланта со светом (светлая голова, искра божья). Во ФЕ, называющих безвольного человека, возникает образ стихийных сил, под влиянием которых он находится (плыть по течению, куда ветер дует), описание несамостоятельности - самостоятельности связано с противопоставлением "своего" и "чужого" (петь с чужого голоса, плясать под чужую дудку - сам себе хозяин, идти своей дорогой).

Сердце и душа в русской фразеологии - символы психического состояния. Они представлены как реальные предметы, которые имеют объём, вес и другие физические характеристики (до глубины души, от полноты сердца, с лёгким сердцем, душа переворачивается). Хорошее душевное состояние ассоциируется у русских с небом, верхом, теплом, полётом, целостностью, а плохое - с землёй, движением вниз, тяжестью, нарушением целостности (земли под собой не чувствует, кровь стынет в жилах, лететь как на крыльях, камень на душе, сердце разрывается). Кроме того, сердце и душа также символизируют добро и зло. Много их - добрый человек (большое сердце), мало или совсем нет - злой (нет сердца).

Кроме уникальных образов, некоторые русские ФЕ называют и уникальные человеческие качества - уникальные в том плане, что другой народ, возможно, не обратил бы на них внимания вовсе или не уделил бы им так много внимания. Так, во многих русских фразеологизмах с неодобрением показан человек коварный, скрывающий под покровом доброжелательности злой умысел (надеть личину, держать камень за пазухой, волк в овечьей шкуре). Стремление представить себя значительнее, чем на самом деле, также осуждается (ворона в павлиньих перьях). А вот прямота и открытость показаны с симпатией (душа нараспашку, идти в открытую, рубаха-парень). Много ФС опи-

сывает человека без яркой индивидуальности (ни пава ни ворона, ни богу свечка ни чёрту кочерга, ни рыба ни мясо). И хотя в них присутствует отрицательная оценка, они подтверждают мысль о противопоставленности русского и западного человека в плане определённости - неопределённости. "Душа Запада вся закована в пределы. Она вся оформлена и потому ограничена. Русская душа любит бесформенность, неопределённость. Никто не строит жизнь, мало кто нашёл своё лицо, даже свою главную страсть. Всё движется, всё переливается, всё неопределённо и беспредельно"(Вышеславцев, с.113). Кстати, во ФЕ "белая ворона"- то есть необычный человек - нет одобрительной оценки. А вот в оборотах, называющих кроткого человека, который "воды не замутит" "мухи не обидит", она налицо.

Без резкого осуждения говорят русские о легкомысленных людях. "Ветер в голове", "забубённая, шальная головушка" - в этих выражениях слышится жалость к тому, кто и так уже наказан жизнью.

Фразеологизмы отмечают также неприятие угодничества (лизать пятки, ползать на брюхе, чего изволите), стремление русского человека к самостоятельности (жить своим умом, сами с усами, вольная птица), рискованность (была не была, ходить по краю пропасти, ставить всё на карту, идти напропалую) и некоторые другие своеобразные проявления русского характера.

Но, как предупреждал В.Г. Костомаров, вряд ли можно определить русский национальный характер лишь выискивая его уникальные черты. "Истинные отличия культуры нации в особом, только ей свойственном наборе общечеловеческих черт в неповторимом их сочетании"(с.9). Чтобы посмотреть, в каком соотношении находятся русские ФС, описывающие характер человека и его поступки, мы провели их количественный анализ. Он даёт следующую картину. Из 340 проанализированных единиц ФС, говорящих о глупости - 53, об уме - 18; о хитрости - 52, открытости - 17; о лени - 28, трудолюбии - 11; о храбрости - 24, трусости - 18; о жестокости - 14, доброте - 10; о самостоятельности - 12, несамостоятельности - 17; о спокойствии - 10, страстности - 6; об опытности - 9, неопытности - 4; о дружелюбии - 7, о стремлении жить за счёт другого - 5; о скупости -2, щедрости - 2; о легкомыслии - 11; болтливости - 8; упрямстве - 6; зависти - 4; любопытстве - 2.

Числа показывают, что во фразеологическом поле "Характер, поведение человека" ядром являются ФЕ с общим значением "глупость - ум"(71), "хитрость - открытость"(69), "храбрость - трусость

"(42), "лень - трудолюбие" (39), "самостоятельность - несамостоятельность" (29), "жестокость - доброта" (24), "спокойствие - страстность"(16). Остальные ФЕ (скудость, щедрость, любопытство, болтливость, упрямство, зависть) относятся к периферии поля. Значимым кажется нам отсутствие ФЕ, называющих некоторые качества, например, серьёзность, аккуратность, любознательность.

Рассмотрим ядро данного фразеологического поля. Умственные способности характеризуются во фразеологизмах в разных планах: это недостаток или наличие ума, проявляющиеся в поступках (свалить дурака), речах (за словом в карман не лезет) и мыслях (взять в толк). Но основной массив - это адъективные обороты, показывающие разную степень глупости / ума (глупая голова, дурак набитый, крыша поехала - с головой, ума палата, змеинная мудрость). Опытность ценится русским человеком так же, как ум, хотя и отмечается, что прошлое такого человека может быть безупречным (тёртый калач).

Большую группу образуют ФЕ с общим значением "хитрость", куда вошли обороты, называющие хитрого (себе на уме), нечестного (водить за нос), изворотливого (выходить сухим из воды), лицемерного (прикинуться казанской сиротой), коварного (змея подколотная), вероломного (нанести удар из-за угла) человека. Русский человек осуждает скрытность, изворотливость, считая, что от хитрости до вероломства, а значит, зла и жестокости (волк в овечьей шкуре) - один шаг. Добро - это открытость, искренность и прямота, стоящие для русских в ряду самых ценных качеств.

Обороты, показывающие отношение к работе, как правило, подчёркивают её тяжесть, неприятность, подневольность (работать как каторжный, тянуть лямку, работать до кровавого пота). Сложность дела преувеличивается (легко сказать, семь потов сойдёт) либо, что чаще, преуменьшается (пара пустяков, раз плюнуть, проще пареной репы). Осуждается тушеводство, захребетничество (чужими руками жар загребать, сидеть на шее).

ФЕ с общим значением "храбрость - трусость" включают следующие составляющие: осторожный (держат ухо востро), медлительный, нерешительный (ни мычит ни телется, тяжёл на подъём), трусливый (заячья душа), храбрый (не робкого десятка), рискованный (совать голову в петлю), безрассудный (на авось), решительный (брать быка за рога), мужественный (смотреть правде в глаза).

Очень ценит русский человек самостоятельность, связывая её с

волей, свободой и независимостью (никому не под шапку, твёрдо стоять на земле, вольный казак). Осуждаются те, кто слаб и зависим (идти на поводу, быть под каблуком) и те, кто любит проявить власть над людьми (согнуть в бараний рог, вить верёвки, держать в ежовых рукавицах).

Нельзя не заметить, что ФС описывают противоположные черты характера: трудолюбие и лень, доброту и злость, умение промолчать и болтливость. Видимо, у русских есть и те, и другие качества. Именно эту поляризованность русского характера, "в котором странным образом совмещаются доброта с жестокостью, душевная тонкость с грубостью, альтруизм с эгоизмом", отмечал Бердяев. Это качество порождает неопределённость, с которой коррелирует тенденция к крайностям.

Если судить по фразеологии, то русский человек очень часто испытывает тяжёлое душевное состояние. Это может быть просто плохое настроение (голову/нос повесил), тоска (камень на сердце), отчаяние (сердце надрывается, хоть пулю в лоб, хоть ложись и помирай). Многочисленные ФС называют крайнюю степень отчаяния, предел, выходом из которого кажется только смерть. Д.С.Лихачёв отмечал, что стремление во всём доходить до крайности, до предела возможного - национальная черта русского характера, замеченная давно и действительно составляющая несчастье русских (с.9).

Видимо, во ФС запечатлеваются либо наиболее характерные душевные состояния, либо наиболее острые и потому запоминающиеся. Вообще ФЕ возникают, на наш взгляд, тогда, когда явление широко распространено и требует именованья или когда оно уникально, и поэтому привлекает к себе внимание. В обоих случаях психологически оправдан интерес к этому явлению, что выражается в обилии его именованья как с помощью лексем, так и с помощью ФЕ, образующих хорошо структурированный фразеологический ряд. Можно предположить, что лень - качество, которое обыгрывается во множестве фразеологизмов, - действительно широко распространена на Руси. Вспомним пушкинское: "Мы ленивы и нелюбопытны". А вот глупость, особенно её крайнее психическое проявление - сумасшествие, привлекало к себе внимание как нечто редкое, необычное. Многочисленность ФЕ этой группы говорит о резкости оценок, грубости повседневного общенародного речевого общения. Сами же яркие, меткие и остроумные фразеологизмы, подвергавшиеся исследованию в данной работе, - свиде-

тельство твёрдых нравственных правил, присущих русскому народу, а также, по меткому замечанию Пушкина, -"весёлого лукавства ума, насмешливости и живописного способа выразаться".

Библер В.С. Национальная русская идея? - Русская речь!// Октябрь, 1993, №2.

Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995, № 6.

Костомаров В. Г. Роль русского языка в диалоге культур // РЯЗР. 1994, №5.

Лихачёв Д.С. Родная земля. М., 1953.

Стернин И.А. О понятии "менталитет"// Язык и национальное сознание. Воронеж, 1998.

И. В.Хорошунова

Специфика оценки в русских эпических произведениях

Познавательная деятельность человека включает два момента: отражательный и оценочный. Оценочный взгляд на мир присутствует у всех людей, формируя их мировосприятие. Большой интерес представляет вопрос о том, как складывалась система оценок в сознании носителей русского языка, какие виды оценок преобладали в те или иные периоды жизни народа. Особое значение для понимания этого процесса имеет изучение оценки в русском эпосе. Анализ былин, исторических и духовных песен показал, что существует различие в видах оценок и их значимости в каждом из названных эпических жанров.

В былинах преобладающими являются оценки параметрического характера (высокий терем, яма глубокая, ворота широкие), оценки утилитарного характера, говорящие о хорошем или плохом качестве оцениваемого объекта, а следовательно, о пользе или вреде его для человека (ножи булатные, камень самоцветный, подруги шелковые, столы дубовые), а также оценки общего характера (славный богатырь, слова хорошие).

В исторических песнях доминируют оценки параметрические (высокая стена, старый солдат), утилитарные (железная решетка, сходи дубовые) и этические (слуга верный, неправедные люди).

В духовных песнях этическая оценка уже занимает первое место по частотности употребления выражающих ее лексем.

Сопоставление оценок в былинах, исторических и духовных песнях показывает, что система оценок в сознании носителей русского языка складывалась постепенно. Например, лексический состав этических оценок в произведениях трех эпических жанров различен. Самые яркие лексемы, выражающие этические оценки в былинах – “верный”, “бесповинный”, “благочестивый”. В исторических песнях появляются уже такие определения, как “добрый”, “смиранный”, “кроткий”, “милостивый”. В духовных песнях круг лексем со значением этической оценки становится шире. Диапазон этических оценок в этом жанре фольклора приближается к современному.

Оценка в сознании людей того времени, когда создавались эпические произведения, была иной, чем в сознании современного человека. То, что с точки зрения современного человека не является оценочным, воспринималось как оценочное в тексте былин (хорошая лавка дубовая, меч булатный, узда шелковая). Эталонный характер данных объектов утилитарной оценки подчеркивается их принадлежностью главным героям, богатырям – персонажам идеализированным.

Отношения внутри системы оценок также были иными: в эпоху создания былин, например, важное место занимали утилитарные оценки, что говорит об архаичности отраженного в них сознания носителей русского языка.

Н.Н.Скрипникова

Текст как коммуникативно-когнитивное единство

Одним из направлений в современном языкознании является когнитивное. Когнитивные процессы не являются сегодня объектом исследования какой-либо одной дисциплины. Именно поэтому когнитивная наука представляет собой в настоящее время целый комплекс наук, включающий психологию, философию, антропологию, теорию искусственного интеллекта, а также лингвистику.

Цель когнитивного подхода к языку состоит в создании такой модели языкового употребления, которая бы имитировала интеллектуальную деятельность человека, воссоздавала систему обработки информации носителем языка. Вопрос о структурах представления различных видов знания является одной из основных проблем когнитивного подхода к языку. Человеческое мышление характеризуется тем, что восприятие информации неодинаково для разных людей. Описывая

некоторую ситуацию, автор предлагает свое личное восприятие и личную интерпретацию некоторого события. Желая донести это личное видение до адресата и определенным образом воздействовать на него, субъект направленно закладывает свое понимание в порождаемый им текст. Согласно существующим концепциям, между действительностью и отражающим эту действительность текстом как языковым произведением стоит работа сознания по выделению элементов действительности с целью выражения этих элементов языковыми средствами. Считается, что данная работа сознания в редуцированном виде составляет когнитивный аспект текста, а само выражение языковыми средствами того или иного предметного содержания представляет собой коммуникативный аспект текста. Таким образом, коммуникативный аспект соотносится с прагматическим компонентом текста, а когнитивный - с семантическим.

План мыслительных операций организует коммуникативно-когнитивную рамку текста. Пропозициональная структура текста строится на основе отражения объективного мира и субъективного мыслительного его представления. Для понимания семантики структуры текста необходимо обращение к когнитивным феноменам, таким, например, как модели знаний, модели установок, фоновому знанию автора и адресата, моделирование мыслительных действий личности. Учет всех этих условий и порождают восприятие текста как функционального и структурного единства. В когнитивной лингвистике такой подход позволяет проследить путь формирования речевого произведения от замысла говорящего до конечного результата – языковой формы, выбранной автором для его реализации.

Е.Б.Артеменко

Фольклорное текстообразование с позиций антропоцентрической лингвистики

Для современного языкознания характерен переход к антропоцентрической парадигме, т.е. к изучению языка в тесной связи с человеком - его сознанием, мышлением, культурой, предметно-практической и духовной деятельностью. Одной из ведущих в рамках указанной парадигмы является проблема "Язык и этнический менталитет": каким образом в языковой картине мира отражается народное миропонимание, своеобразие восприятия и познания народом мира.

Современные научные воззрения ставят этнический менталитет в зависимость от условий жизни народа. Выстраивается линия: условия жизни этноса - его менталитет - языковая картина мира.

Данное положение чрезвычайно актуально в плане изучения принципов и форм художественно-языковой организации фольклора. В отношении последнего его четко сформулировал Г.И.Мальцев, указавший, что при анализе явлений устнопоэтического канона "необходим подход, устанавливающий связь стилистических, эстетических закономерностей с общемировоззренческими, а шире - и с историческими условиями, породившими данное мировоззрение" (Мальцев, с.18).

В плане нашего исследования большой интерес представляет предпринятый Г.И.Мальцевым с обозначенных позиций анализ формул народнопесенной лирики. Ученый показал, что генетически феномен формульности был обусловлен влиянием на фольклор патриархального мировоззрения, которое явилось следствием специфических условий жизни этноса в далеком прошлом. В замкнутом патриархальном кругу вся жизнь была подчинена различным циклам, повторявшиеся события, отождествляясь, превращались в обобщенный "тип", приобретающий в сознании народа статус ценностно весомой и непреходящей сущности. Все это порождало особое консервативное мироощущение, для которого было характерно "постоянство, относительная замкнутость, стремление к гомеостазису - тождеству различных состояний... и традиционность как мера", основной принцип жизнеустройства народа в различных сферах. (Там же). Эстетически значимой для такого мироощущения становилась художественная форма, которая снимала "различие между единичностью свершившегося и его постоянным сущностным смыслом" [Там же: с.19]. Такой формой стала устнопоэтическая формула, суть которой состоит "прежде всего в том, что она фиксирует, отображает традиционные смыслы, а не изображает непосредственно существующее" [Там же]. Закрепленность за формулами традиционных типизированных смыслов, воплощавших в себе мировоззренческие установки народа, и необходимость постоянной реактуализации этих смыслов обусловили непреходящую художественную ценность формул и их воспроизводимость в различных фольклорных текстах.

В рассуждениях Г.И.Мальцева обращает на себя внимание мысль об обусловленности охарактеризованного им состояния этниче-

ского сознания и производного от него феномена формульности такой чертой древней истории народа, как подчиненность жизни различным циклам, циклическая повторяемость событий. С данной чертой, как можно думать, находится в генетической связи одно из специфических явлений фольклорно-языкового строя. Речь идет о циклическом характере выявленных нами моделей фольклорного текстообразования.

Анализ материала народной лирической песни и былины показал, что построение устнопоэтических текстов осуществляется с опорой на особые текстообразующие модели. Такая модель служит семантическим каркасом художественной микроситуации определенного типа.

Модель включает в себя ряд звеньев, каждое из которых представляет в обобщенном виде определенную сторону, деталь канонической микроситуации. Тем самым свойственный модели набор звеньев репрезентирует цикл свойственных соответствующей ситуации типизированных признаков, выражает цикл типовых смыслов.

Модели, о которых идет речь, служат матрицей для построения текстообразующих блоков. Исполняя песню, былину, народный мастер обращается к модели, представляющей актуальный для него в данный момент тип художественной ситуации, и путем отбора из нее звеньев, соответствующих задаче воссоздания конкретной микроситуации и их комбинирования продуцирует текстообразующий блок необходимого содержания. В процессе воссоздания устнопоэтического текста модель реализуется обычно несколько раз в текстообразующих блоках, различающихся количеством и семантикой использованных в них звеньев модели и характером их комбинаций.

В лирической песне текстообразование осуществляется на основе одной модели, названной нами моделью лирической ситуации. Она включает в себя семь звеньев со следующей типовой семантикой: 1. Репрезентируется лирический персонаж и его положение в пространстве или относительно другого персонажа: где-то кто-то идет, ходит, гуляет, находится, живет, на чем-то сидит, лежит; у кого-то кто-то имеется; 2. этот кто-то каузирует перемещение другого персонажа или предмета: кого-то ведет, что-то несет, везет, берет, держит, ставит, кладет...; 3. он что-то воспринимает: на что-то смотрит, что-то видит, слышит; 4. совершает какое-то, обычно физическое, действие, на кого-то, на что-то воздействует; 5. испытывает или каузирует определенные чувства; 6. о чем-то думает; 7. что-то говорит. Для построения тексто-

образующего блока используются от одного до четырех, редко пяти звеньев модели:

Красна девушка бережечком шла (1)

[Собрание..., № 190].

Во садику во зеленинькам, во зеленом гуляла, (1) хорошава, я приго-
жива ждала (6)

[Там же, № 247].

- Уж вы сестры мои, вы родимья!

Вы подите-ка на сине море, (1)

Вы возьмите-ка песку желтого, (2)

Вы посеите-ко в саду батюшки (4)

[Там же, № 303].

Пойду, пойду молода,

Пойду во зеленый сад гулять, (1)

Поймаю молодого соловья, (4)

Посажу его на ручушку, (2)

Стану, стану его спрашивати (7)

[Там же, № 41].

Организация былинных текстов осуществляется с участием двух текстообразующих моделей. Первая из них, акциональная, программирует ситуацию совершения персонажем какого-либо действия. Русский былинный эпос - это серия повествований о деяниях его героев, и данная модель позволяет сказителю воссоздать любую актуальную для былинного сюжета ситуацию.

Акциональная модель также образуется набором звеньев обобщенной семантики - типовых смыслов, репрезентирующих в своем единстве цикл типизированных действий и состояний былинного персонажа, из которых складывается его акция. Центральное место здесь занимают звенья, обозначающие действие, которое составляет содержательную основу изображаемой ситуации и, часто, его результат. В последовательности текстообразующих блоков, формируемых на основе данной модели, такие акциональные доминанты служат вехами развертывания былинного сюжета, развития художественной мысли. Остальные звенья выполняют по отношению к доминантам вспомогательную роль: они характеризуют в широком смысле способ осуществления основного действия и обуславливающие его факторы и соответственно обозначают: а) средство, орудие осуществления действия; б) способ использования орудия; в) способ подготовки действия,

пути и методы его реализации; г) положение субъекта или объекта действия в пространстве; д) физический контакт с объектом действия; е) эмоциональное или, реже, интеллектуальное состояние персонажа; ж) восприятие им какого-либо предмета, явления; з) свойство лица (персонажа), предмета. Число используемых сказителем звеньев модели при построении акционального блока не превышает четырех-пяти:

Ай тут старья казак да Илья Муромец
 Да берет-то он свой тугой лук, разрывчатый, орудие
 Во свои берет во белы он во ручушки,
 Ён тетивочку шелковенку натягивал, способ использования
 А он стрелочку каленую накладывал, орудия
 То он стрелил в того Соловья разбойника, основное действие
 Ёму выбил право око со косичею результат
 [Онежские былины, II: с.12].

Тут молодой Добрынюшка Микитинец
 Он скорешенько встает да й на резвы ножи, положение субъекта в
 пространстве
 Да й берет-то он Олешу за желты кудри, физический контакт
 Бросил он Олешу о кирпичный мост, положение объекта в
 пространстве
 Да он выдернул шалыгу подорожную, орудие
 Стал шалыгою Олешку охаживать основное действие
 [Там же, II : с.95].

Стоснулось им, братьям крестовым, эмоциональное состояние
 Старому казаку Илью Муромцу,
 Во вторых-то Добрынюшке Микитичу,
 Сокругились они в платье ведь нищецкое, подготовка
 Надевали себи трои они подсумки,
 Шли они путем дорогою основное действие
 [Там же, I : с.357-358].

Вторая модель, регламентирующая былинное текстообразование, - модель дороги. Отличительная черта былинного героя - движение, пребывание в пути. Свои акции он осуществляет, находясь в дороге, в местах остановок и прибытия: "Действие совершается по движению героя... Путь героя как бы представляет ось повествования" [Пропп, с.310]. Звенья названной модели программируют и представляют ситуацию перемещения персонажа из одного пункта в другой в виде цикла последовательных этапов: начального - отправление в путь,

среднего - пребывание в пути и заключительного - прибытие в промежуточный или конечный пункт:

- I. Так тут старья казак да Илья Муромец
 Выходил он со палаты белокаменной,
 II. Шол по городу он да по Киеву,
 III. Заходил в свою полату белокаменну
 [Онежские былины, II : с. 22].

- I. Он поехал Добрыня во ты оны
 А во ты славны да во Туги-горы,
 Во ты пещеры да во змеинны.
 II. Ехал Добрынюшка двенадцать дён,...
 III. На тринадцатый день доезжает он
 А во ты во славны во Туги-горы,
 В ты пещеры змеинны
 [Там же, I : с.583].

Циклический характер в пределах модели дороги свойствен также субмодели, регламентирующей организацию II этапа, и типизированным рядам пространственных ориентиров, последовательно замещаемых персонажем в пункте прибытия.

Приведенный материал наводит на мысль о том, что модели-циклы, лежащие в основе фольклорного текстообразования, как и устнопоэтические формулы в их общераспространенном понимании, сложились под влиянием "циклического" жизнеустройства этноса эпохи активного бытования фольклора и обусловленных им стереотипных форм этнического мироощущения.

Восприятие народом своего бытия в мире как систематически воспроизводимого цикла однотипных явлений и событий могло способствовать становлению традиции представлять событийно-фактуальную сторону устнопоэтических произведений в форме следующих друг за другом повторяющихся типизированных циклов стабильных действий и состояний персонажей. Генетически обусловленные действием тех же факторов и обладающие теми же признаками, что и "классические" формулы, рассмотренные модели также представляют собой сущности формульного типа. Их своеобразие видится, во-первых, в том, что их формульная природа проявляется на текстообразующем уровне, и, во-вторых, в их иконичности - соответствии принципа их организации принципу жизнеустройства и мировосприятия народа в древности.

-
- Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской необрядовой лирики //Русский фольклор. Л.,1981. Вып.ХХI. Поэтика русского фольклора.
- Онежские былины, записанные А.Ф.Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л., 1949. Т.1; М.; Л.,1950. Т.П.
- Пропп В.Я. Поэтика фольклора. М.,1998.
- Собрание народных песен П.В.Киреевского. Записи П.И.Якушкина. Л., 1983. Т.1.

С.И.Доброва

Разновидности образного параллелизма в их обусловленности эволюцией народного менталитета

Поэтический мир (в том числе и фольклорный) - это модель реального мира, но соотносящаяся с ним чрезвычайно сложным образом. Поэтический фольклорный мир считается мощным механизмом поиска народного мировоззрения, истолкования окружающего мира и ориентировки в нем.

Концептуальную основу образного параллелизма (ОП) составляет стремление человека осмыслить и выразить себя в образах внешнего мира природы с целью создания определенной модели мира и модели самосознания. "...анализ концептов, находящихся в семантическом пространстве языка, проливает свет на мироощущение, морально-нравственные устои, особенности поведения современных народов" (З.Д.Попова). Композиционная фигура ОП отражает особый вариант концептуализации (восприятия, интерпретации, организации) мира этносом.

ОП является тем минимальным текстом, который дает возможность увидеть разнообразие способов соотнесения человека и мира в народных эстетически обработанных текстах, поскольку в фольклоре в синхронном срезе запечатлены хронологически разные этапы эволюции народного менталитета и системы художественно-языковых средств народного творчества. Такой подход позволяет исследовать явление ОП одновременно и на уровне микроанализа с его повышенным вниманием не только к каждому слову, но и к каждому нюансу его употребления, и на уровне макроанализа, когда языковая структура

рассматривается в контексте мировой мифологии, этнической ментальности и художественного творчества.

Проведенный многоаспектный анализ ОП, извлеченных из двенадцати авторитетных собраний народной лирики от П.В.Киреевского и А.И.Соболевского до современных записей (всего более 11 тысяч песенных текстов обрядовой и необрядовой лирики), позволяет утверждать, что эволюция семантического комплекса структурно- семантических модификаций (ССМ) ОП отражает два основных этапа взаимоотношения человека с внешним миром природы (макрокосмом) - мифологическое восприятие человеком природы и восприятие, соотносимое с современным.

В целом эволюция ОП идет от сопоставления двух картин, которые содержательно соотносятся, но являются автономными, к сближению двух миров и фактическому внедрению человеческого фактора в природную картину.

В соответствии со спецификой концептуализации мира, отраженной в ОП, выделяются три ведущие линии развития исследуемого композиционного приема.

В основу разграничения ССМ ОП положен определенный тип репрезентации мира природы и мира человека, который отражает соответствующий этап народного мироведения и тесно связан с мифологической семантикой и вариантами ее трансформации в ОП.

Исходная ССМ ОП - это "классический" тип, для которого характерны автономность и самодостаточность изображения мира природы и мира человека; картина природы, изображающая сами природные объекты в изначально данном, неизменном виде, композиционно сопоставляется с картиной из человеческой жизни.

Играло солнце красное, Веселилась душа девица,

Играло да затмилось; Веселилась, да приуныла... (К., 924).¹

"Классический" тип ОП отражает, сохраняет в себе в трансформированном виде наиболее чистые ранние формы мифопоэтического сознания.

Итогом первой линии развития ОП является формирование абстрактного образа-символа эмоций. При этом своеобразным итогом семантической трансформации мифологических основ символики ОП является осмысленное самим человеком выдвижение на первый план в символике ОП эмоциональной основы мифологических образов и представлений ("миф - есть способ символической объективации чув-

ственных данных, эмоций" (Кассирер). Сами же мифологические представления, порожденные эмоциями человека, как показывает материал наших исследований, функционируют при этом в структуре ОП в качестве символической "ауры" его образов.

В целом процесс зарождения абстрактной символики в фольклоре (в частности, в лирической песне) объективно следует рассматривать и квалифицировать как зарождающуюся тенденцию. Народное творчество, как правило, "не говорит" о чувствах человека в таких формах, когда само чувство, эмоция мыслится как саморазвивающаяся, самодостаточная и самоценная субстанция. В этом смысле допустима гипотеза о том, что в народном творчестве в русле доминантных для фольклора (в частности, его песенных жанров) процессов типизации и обобщения процесс рождения личности, личностного начала проходит свое "внутриутробное развитие" ("Подлинный процесс становления протекает до рождения" - О.М.Фрейденберг), а ведущую позицию занимает уже в индивидуально-авторском творчестве.

Вторая линия развития ОП связана с трансформацией "классического" типа ОП на уровне содержания; для нее характерно наличие человека (семантического субъекта) в обеих частях ОП: в символической части человек изображается во взаимодействии с природой, а в реальной - во взаимодействии с другими людьми.

Не можно березыньку подрубити под корень...

Не можно мне старому присвататься.
(К.,2399).

Вторая линия развития ОП отражает эволюцию взаимоотношений человека и природы от мифологического ее восприятия до реального взаимодействия с миром природы и воздействия на него. В рамках второй линии развития ОП образ природы "освобождается" от своего мифологического содержания и становится образом, воспринимаемым на основе принципов современного восприятия природы. Качества природных объектов (вкус, размер, цвет, форма и др.) человек переосмысляет в оценочно-психологическом плане и сопоставляет их со своими собственными чувствами и эмоциями.

Вторая линия развития ОП отражает формирование в структуре ОП свободно-поэтической символики, которая получает свое развитие в более позднем фольклорном жанре частушки.

Таким образом, эволюция семантического комплекса ССМ ОП отражает два основных этапа взаимоотношения человека с внешним

миром природы (этапа эволюции народного менталитета), а также репрезентирует динамику отношения человека к самому себе, к особому миру своей души.

Кроме того, обнаруживается третья, особая, ветвь развития ОП, отражающая тенденцию к формализации исследуемого композиционного приема,

В формализованных модификациях ОП запечатлен особый этап народного мировосприятия: в них уже на формальном уровне закреплены своеобразные результаты познания человеком внешнего мира в процессе его восприятия и взаимодействия с его объектами. Ярким показателем формализации ОП является нарушение содержательной и структурной автономии его частей.

Ты сорви, мой друг, покушай
Горьку ягоду калину:

Какова горька калина
Таково житье со старцем. (К,
2553)

Сколько на печи печины,
Столько на сердце кручины. (К., 1186).

Аспект иконичности частей формализованных ОП состоит, в частности, в том, что подчинение мира природы миру человека выражается, во-первых, в размещении концептов мира природы в синтаксически зависимых частях сложной конструкции (человек - в главной части, а природа - в придаточной части сложной конструкции) и, во-вторых, в том, что содержательно сложноподчиненная часть конструкции обозначает предмет интеллектуальной мыслительной деятельности (ирреальный план) - явление природы, а вторая часть сложной конструкции - предикативная единица - представляет истинное положение вещей (реальный план) - человеческий персонаж.

Таким образом, все три ветви развития образного параллелизма концептуально сходны в том, что в процессе эволюции ОП в ментальном отношении акцент смещается на мир человека, однако каждая линия отличается спецификой ее результатов: формированием абстрактного символа, получающего свое развитие в индивидуально-авторском творчестве, формированием свободно-поэтической символики, достигающей своего расцвета в более позднем фольклорном жанре частушки, или формализацией исследуемого композиционного приема.

Песни, собранные П.В.Киреевским. Новая серия. М.,1911. Вып.1, М.,1917. Вып.2, ч.1; ч.2. М., 1929 (Сокращенное обозначение собрания в тексте статьи - К., № текста).

Песни Печоры. М; Л., 1963. (П., №).

Воронежские народные песни в современной записи. Воронеж, Изд-во Воронежского ун-та, 1978. (В.-78, №).

Е.И.Гришук

Абстрактные концепты в восприятии школьников

Усвоение абстрактной лексики представляет для учащихся большую трудность. Важно знать механизм формирования абстрактных концептов в сознании учащихся и реальный уровень понимания ими этих концептов. Содержание абстрактного концепта в сознании школьников можно выявить экспериментально через анализ лексических толкований, определений ими значений слов, репрезентирующих этот концепт в языке.

По Частотному словарю русского языка под редакцией Л.Н.Засориной нами были отобраны 39 лексем, обладающих высокой частотностью и демонстрирующих высокую коммуникативную релевантность: авторитет, анархия, благодарность, болтовня, взаимопонимание, грубость, добро, долг, достоинство, жалость, зависть, коллектив, культура, любовь, молва, насилие, невежество, нежность, неловкость, ненависть, несправедливость, несчастье, обида, общение, ответственность, популярность, порабощение, равенство, ревность, репутация, симпатия, сочувствие, такт, традиция, уважение, угнетение, удовольствие, хамство, человечность.

Знание о том, как понимают учащиеся именно эти единицы, позволяет получить представление о концептах, формирование которых оказывается значимым с национальной и воспитательной точек зрения.

Эксперимент проводился следующим образом. Испытуемым (102 человека) предлагалось: выбрать из списка предъявленных единиц часто употребляемые ими в общении друг с другом слова; определить их значение своими словами; подобрать синонимы; подобрать антонимы; употребить данное слово в предложении.

Интерпретация полученных результатов позволяет построить модель соответствующего концепта, выделить его компоненты и уров-

ни. В результате исследования установлено, что наибольшее число интерпретаций абстрактных концептов связано с сугубо личным опытом респондентов: чувственным, поведенческим, моральным. Доминирует в интерпретации этих концептов бытовые, предметные образы, отражающие эмпирически наблюдаемые проявления соответствующих явлений в действительности.

Экспериментально была определена относительная частотность анализируемых слов и сопоставлена с относительной частотностью этих слов, зафиксированной в Частотном словаре. Установлено, что частотность “детского” употребления соответствующих лексем существенно отличается от словарного. Это может служить свидетельством того, что репрезентируемые этими словами концепты отражают некую возрастную норму. Результаты эксперимента свидетельствуют также о наличии гендерной специфики в понимании значений абстрактных концептов.

Таким образом, можно оценить адекватность понимания абстрактных концептов школьниками и сформировать национальную концептосферу в сознании отдельного ребенка в правильном направлении. Эту работу можно проводить, работая над правильным употреблением, пониманием лексем, контролируя понимание ребенком всего комплекса значений слов, репрезентирующих в языке абстрактные концепты.

Обучение родному языку, таким образом, выступает как способ формирования национальной концептосферы в сознании личности.

Проиллюстрируем вышесказанное на конкретном примере. Старшеклассникам предлагалось дать толкование концепта “совесть”. Вот какие результаты были получены.

Количество информантов - 102 человека, 4 из них от дефиниций уклонились. Непонимание - 0, адекватное понимание - 0, частичное достаточное понимание - 46. Респондентами были предложены дефиниции: :

хорошая черта характера человека, обязательная для каждого, не позволяющая подвести, обмануть, предать - 22, мучительное чувство стыда, вины, раскаяния за свои поступки - 17, честность, правдивость - 12; чувство ответственности за плохие поступки - 12, порядочность - 3; верность данному слову - 3; сдержанность - 1, культурная речь - 1; уважение к себе - 1

Частичное недостаточное понимание - 17.

чувство человека - 8; барьер от лжи, душа, контролер и критик наших действий, подсознательная крупица разума, голос разума, источник жизни души, часть души человека, отвечающая за его плохие поступки; вторая сторона человека, причем хорошая, осуждает человека внутри, делает его лучше, порядочнее - 1.

Ложное понимание - 5.

ответная реакция организма на раздражение -1; чувство досады из-за того, что сказал что-то не то, вызвав насмешки - 1; проявляется в детстве -1; когда человек убил, а признаться не хочет-1; когда кого-то ругают, произносят это слово -1.

Формирование концепта в сознании школьника происходит под влиянием школьного курса литературы. Например, в следующих интерпретациях значения слова “совесть” чувствуется влияние изучаемой в школе проблематики романа Достоевского “Преступление и наказание”:

у меня ее нет (в смысле: я не делал ничего плохого) -1; это для плохих людей, это плохое - 1; то, за что стыдно - 1; раскаяние, прошлое, ложь, скрытность, признание -1.

Очевидно, что уровень частичного недостаточного понимания лексемы требует работы по расширению значения в сознании учащегося, уровень ложного понимания требует кропотливой работы по его коррекции и формированию правильного понимания.

С.В.Лебедева

Экспериментальное исследование близости значений синонимов-прилагательных

Интуиция носителей языка является важным фактором изучения такого специфического явления как синонимия. Синонимы традиционно анализируются на основе употребления их в том или ином контексте. Подобный подход исключает из рассмотрения некоторые важные сферы связи значения слова с реальной действительностью.

В предыдущих публикациях (1990; 1993) нами обсуждались экспериментальные данные, которые были получены на материале синонимов-существительных и синонимов-глаголов. Исходя из предположения А.А.Леонтьева (1968) о том, что существительные, глаголы и прилагательные различаются с точки зрения природы их психологической структуры, представляется интересным продолжить работу на материале прилагательных-синонимов.

Исходным материалом послужили 24 прилагательных, которые по данным пособия А.Т.Арсирый "Занимательные материалы по русскому языку" составляют синонимические ряды (далее - СР):

АКТИВНЫЙ - ДЕЯТЕЛЬНЫЙ - ЭНЕРГИЧНЫЙ - ИНИЦИАТИВНЫЙ;

ВАЖНЫЙ - СУЩЕСТВЕННЫЙ - ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ - ВЕСОМЫЙ;

ВЕРНЫЙ - НАДЕЖНЫЙ - ИСПЫТАННЫЙ - ПРОВЕРЕННЫЙ;

ГРУБЫЙ - НЕВЕЖЛИВЫЙ - НЕУЧТИВЫЙ - РЕЗКИЙ;

ЛЕГКИЙ - НЕСЛОЖНЫЙ - НЕТРУДНЫЙ - ПРОСТОЙ;

ПРАВИЛЬНЫЙ - ВЕРНЫЙ - ТОЧНЫЙ - БЕЗОШИБОЧНЫЙ.

В эксперименте в качестве испытуемых участвовали 50 студентов III курса дефектологического факультета Курского госпедуниверситета. Получено 600 ассоциативных реакций.

Качественный анализ полученных реакций позволил распределить их последующим группам.

Для всех прилагательных характерен большой процент реакций, образующих со стимулом предикативные словосочетания:

АКТИВНЫЙ - *человек*; ИНИЦИАТИВНЫЙ - *группа*; ВАЖНЫЙ - *дело*; ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ - *сдвиг*; ВЕСОМЫЙ - *вклад*; ВЕРНЫЙ - *друг*; ГРУБЫЙ - *гомос*; ПРОСТОЙ - *пример* и т.д. Это можно объяснить тем, что прилагательные соотносятся с понятием о признаке, качестве или свойстве предмета или явления. Предикативная синтаксическая функция прилагательных также предопределила большое количество синтагматических реакций, сопоставление которых позволяет выделить связи между стимулом и реакцией, общие для всех анализируемых ассоциативных полей:

1) подведение исходного прилагательного под общее понятие, например, для первого СР 70% составила реакция *человек*; для третьего СР - реакция *друг*; для четвертого СР - реакция *человек*; для пятого СР 60% - реакция *вопрос*;

2) достаточно четко обозначились реакции-эталонны: НАДЕЖНЫЙ - *скала*; ГРУБЫЙ - *шерсть*; РЕЗКИЙ - *звук*; ЛЕГКИЙ - *пух*; ТОЧНЫЙ - *выстрел*. У некоторых прилагательных можно наблюдать тенденцию вызывать реакции-сравнения типа ДЕЯТЕЛЬНЫЙ - *как пчела, как муравей*; ЛЕГКИЙ - *как ветер*; НАДЕЖНЫЙ - *как скала*. Можно предположить, что для индивида существует определенный сходный для всего СР психологический

эталон - носитель того или иного общего для исходных слов качества или признака;

3) следующую группу составляют реакции, для которых названный стимулом признак или качество являются желательными: **ДЕЯТЕЛЬНЫЙ** - *правительство, президент, староста, управдом*; **ЭНЕРГИЧНЫЙ** - *друг, группа, девушка*; **ВЕРНЫЙ** - *муж, жена, парень*; **НАДЕЖНЫЙ** - *семья, страна, дом*; **ПРАВИЛЬНЫЙ** - *ответ, контрольная*. Очевидно в разной экстралингвистической среде эти реакции будут отличаться.

Довольно рельефно в экспериментальном материале проявились ассоциации-дефиниции, т.е. попытки испытуемых дать своё толкование стимула: **АКТИВНЫЙ** - *человек, который все дела делает очень быстро*; **ИНИЦИАТИВНЫЙ** - *тот, у которого всегда есть решение*; **ВАЖНЫЙ** - *тот, который чего-то достиг; тот, который ходит и говорит медленно*; **НЕУЧТИВЫЙ** - *тот, кто показывает хамство; человек, который не умеет разговаривать* и т.д. Среди развернутых ассоциаций можно наблюдать описание определенных экстралингвистических ситуаций, которое было вызвано прилагательным - стимулом: **ВАЖНЫЙ** - *начальник ведет совещание; зам.декана проводит собрание*; **СУЩЕСТВЕННЫЙ** - *помогли кому-то сильно*; **НАДЕЖНЫЙ** - *солдат идет в караул и проверяет оружие*; **ЛЕГКИЙ** - *паутинки кружатся в воздухе*. Следует отметить довольно интересную тенденцию символического переосмысления исходного слова: **ПРОВЕРЕННЫЙ** - *замок*; **НАДЕЖНЫЙ** - *страховой полис*; **ПРОСТОЙ** - *розовый*; **ПРАВИЛЬНЫЙ** - *пирамида, дом, мебель*.

Синонимы - члены исследуемых СР проявились незначительно, примерно 5-6% для каждого СР. Вероятно, принадлежность стимула к определенному лексико-грамматическому классу не является для носителя языка психологически значимой при определении близости значения слов. Наиболее актуальны синонимы-реакции для прилагательных, синонимы которых более частотны, чем они сами: **НЕТРУДНЫЙ** - *легкий*; **НЕСЛОЖНЫЙ** - *простой*; **БЕЗОШИБОЧНЫЙ** - *правильный* и т.д.

Следует отметить большой удельный вес реакций-противопоставлений типа: **АКТИВНЫЙ** - *медленный*; **ПРОВЕРЕННЫЙ** - *ошибочный*; **НАДЕЖНЫЙ** - *ненадежный*; **ГРУБЫЙ** - *вежливый*; **ЛЕГКИЙ** - *тяжелый*; **ПРОСТОЙ** - *сложный* и т.д. Подобные ассоциации свидетельствуют о том, что для носителя языка важно

комплексное существование предмета или явления с учетом всех его качеств и признаков.

В ассоциативных полях каждого прилагательного встречаются реакции - обозначения цвета, например: АКТИВНЫЙ - *красный, пурпурный*; ГРУБЫЙ - *черный, серый*; ЛЕГКИЙ - *голубой*; ПРАВИЛЬНЫЙ - *белый*. В данном случае стратегию ассоциирования определить трудно; возможно, она зависит от индивидуальных свойств носителя языка. Вероятно, дальнейшие выводы относительно близости значения слов в сознании носителя языка можно будет сделать после сравнения данных экспериментов с синонимами-прилагательными, существительными и глаголами, что требует дальнейшего исследования и станет предметом отдельной публикации.

Лебедева С.В. Новый подход к исследованию особенностей значения лексических синонимов // Проблемы изучения слова: семантика, структура, форма. Тверь, 1990. С. 14-20.

Лебедева С.В. Опыт экспериментального исследования близости значения слов. На материале синонимического ряда русских глаголов // Проблемы психолингвистики: слово и текст. Тверь, 1993. С. 78-81.

Леонтьев А.А. Объект и предмет психолингвистики и ее отношение к другим наукам о речевой деятельности // Теория речевой деятельности., 1968. С. 14-36.

Е.Ю.Мягкова

К вопросу об этнокультурной специфике эмоциональной нагрузки слова

На основании проведенного экспериментального исследования и анализа имеющихся публикаций представляется возможным сделать вывод о том, что феномен, обсуждаемый в психолингвистических исследованиях как эмоциональный компонент значения слова как единицы лексикона (названный в нашем исследовании *эмоциональной нагрузкой слова - ЭНС*), представляет собой комплекс связанных со словом переживаний. Основными характеристиками этого комплекса будут его *нерасчлененность* (т.е. невозможность выделить в “чистом виде” его составляющие и отделить их друг от друга – это можно сделать лишь гипотетически), разный уровень *осознаваемости* состав-

ляющих его элементов, разный уровень *социальной и этнокультурной опосредованности*, а также индивидуальная специфика процессов репрезентирования информации. В этом комплексе соединяются как сиюминутные субъективные впечатления, так и опосредованные культурой отношения и эмоции.

Использованное в экспериментальном исследовании рабочее определение *ЭНС* дало возможность обсудить проблемы эмоциональности слова как единицы индивидуального лексикона в самом общем виде. В основу дальнейшего исследования ставится гипотеза о *принципиальной возможности* описания этого феномена. Следующим шагом, однако, должно стать обсуждение гипотезы о том, что, если для всех единиц индивидуального лексикона *ЭНС* является неотъемлемым компонентом значения, то для основных культурных концептов этот компонент значения будет основным. Это значит, что в сознании носителя языка основные культурные концепты существуют прежде всего на чувственном, а не на понятийном уровне. Проверка этих гипотез потребует, однако, уточнения основных понятий и разработки соответствующего терминологического аппарата.

Лингвистика фиксирует в слове то, что выводится на уровень *сознания* через полюс культуры и получило свое название в языке. В связи с этим лингвистический анализ описывает исследуемый феномен лишь частично, отражая лишь его статику, в то время как с помощью психолингвистического анализа можно обнаружить динамические характеристики *ЭНС*. Межъязыковое сопоставление позволит выявить этнокультурную специфику этой динамики.

В.Б. Базилевская

Формирование синтаксических отношений в концептосфере ребенка

Известно, что, овладевая лексическим богатством родного языка, ребенок сразу включает слова в речь. Как он их соединяет? Каков механизм формирования синтаксического строя речи ребенка?

Для ответа на эти вопросы нами был использован дневник научных наблюдений А.Н. Гвоздева "От первых слов до первого класса". Развитие науки позволяет по-новому взглянуть на уникальный материал этого труда, в частности на синтаксические конструкции Жени Гвоздева, содержащиеся в дневнике.

По мнению З.Д. Поповой, концептосфера человека состоит не только из лексических концептов, но и с необходимостью включает синтаксические концепты - наиболее устойчивые конструкции, отражающие в обобщенном виде частотные ситуации в познаваемом человеком мире. Основных синтаксических концептов семь : бытия объекта, бытия признака объекта, самопроявления, воздействия агенса на объект, претерпевания состояния, самостоятельного перемещения агенса в пространстве и небытия.

Лексическое заполнение структурной схемы концепта создает вариативность его значений и даже может породить со временем новый концепт.

В конце второго года жизни Женя Гвоздев, как и положено, употреблял чаще всего побудительные предложения. Среди конструкций, фиксирующих восприятие окружающего мира, в числе первых появляются высказывания со значением бытия объекта, самопроявления агенса, претерпевания состояния, самостоятельного перемещения агенса.

Однако значения высказываний можно вывести лишь из комментария (перевода) взрослого. Дело не только в своеобразных, "детских", словах, но, прежде всего, в отсутствии особых синтаксических структур для выражения разных смыслов. Обычно для выражения любого содержания соединяются два наименования: Аськи тютю. - Очки спрятались (спрятали). Дядя тют-тют. - Дядя стучит. Мама пруа. - Мама пошла гулять. Кисень печька. - Кисель на печке. Майцьк блина. - Мальчику дали блин. Дядя бадя. - А.Н. Гвоздев так комментирует эту фразу: "Клеватский оставил лужу от своих сапог, и Женя указывал на нее и кричал: дядя бадя! (дядя вода!)".

Ситуативная связанность речи малыша определяется именно отсутствием у него в сознании синтаксических моделей (конструкций) для выражения различного содержания. Поэтому, например, первые признаковые предложения ничем, кроме жеста, не отличаются от бытийных: Тётя - и указательный жест на корзину. - Корзина тётина.

По записям А.Н. Гвоздева отчетливо видно, какую огромную роль в развитии речи ребенка играет взрослая речь, а также фольклорные произведения, насыщенные однотипными конструкциями.

Появление падежных форм, предлогов и других грамматических явлений в речи ребенка, безусловно, связано с дифференциацией синтаксических конструкций - т. е. с неосознаваемым формированием

синтаксических концептов, свойственных родному языку.

Последовательность появления грамматических форм у детей индивидуальна, поскольку зависит от речевого потенциала окружающей среды.

По-видимому, формированием синтаксического строя речи ребенка можно заниматься более эффективно, если учитывать существование синтаксических концептов.

Национальное сознание и национальное коммуникативное поведение

Л.Н. Синельникова

Национально-психологический аспект языковой политики

Содержание понятия "языковая политика" в постсоветский период определяется с большим трудом. Едва ли не любой параметр этого понятия оказывается двуметрическим, а то и многометрическим: изменилась государственная идеология, социум, характер международных отношений и многое другое.

Сложность русско-украинских отношений тем или иным образом отражается на языковой политике на Украине и, соответственно, на взаимоотношениях языка и культуры. В докладах участников Международной научно-практической конференции "Диалог украинской и русской культур в Украине" /Киев, 1999/ подчёркивалась необходимость развития диалога культур двух братских народов с учетом как общей исторической традиции и государственности, так и этнополитической самоидентификации суверенных государств. Назывались проблемы, мешающие благоприятному течению этого процесса: искусственная политизация, отождествление всего русского с великодержавным, нормативно-правовая неразбериха, расхождение между

взглядами лидеров разных партий, нередко меняющимися в зависимости от предвыборной ситуации и, наконец, большая дистанция между директивными действиями, массовым общественным сознанием и личностными мотивациями.

Язык и культура - концептуально осознанное сочетание, которое общество должно рассматривать целостно в силу очевидных внутренних связей между этими явлениями. Эти связи заложены генетически - человеческим общением, творчеством, жизненным и социальным опытом людей. Эти связи исторически изменчивы; наиболее стабильно в них то, что связано с человеческой психикой. Ограничительные и принудительные меры, не согласованные с ее природой, не могут обеспечить эффективность языковой политики. Только разумный баланс между миром внешних реалий и внутренними установками личности может снять социальное напряжение, связанное с проблемами языка в обществе. Как общество, так и законодатели должны иметь четкое представление о внешних и внутренних факторах, синтез которых необходим для адекватной языковой политики.

В Украине диада "язык и культура" расширена и усложнена за счет дополнительных множителей: русский и украинский языки /а также "суржик" как результат бытовой контаминации двух языков/, русская и украинская культура /правда, при весомом знаменателе - славянские языки, славянская культура/. Языковая ситуация усложняется и характерной для постсоветского времени чертой - резко означенной социальной неоднородностью общества /сравним с понятием "советский народ", определявшим монолитность языковой политики, и наоборот/: языковые привязанности старшего поколения, с одной стороны, и молодежный сленг, с другой. Американизированный сленг способен, кажется, сформировать несанкционированную новую межгосударственную общность.

Вопрос о том, какой культуры в стране больше - русской или украинской, не представляется корректным. Нет и не может быть стандартизованных единиц измерения культуры. Есть человек, сознание и поведение которого могут структурироваться в категориях культуры. Вопрос "за" или "против" - не вопрос культуры, так как он предполагает однозначный, приемлемый для чиновников ответ. Психологическое я куда сложнее. Личность сохраняет себя, свою языковую память в условиях естественного, спонтанного пребывания в языке. И только при условии такого пребывания культура и язык оказываются гармоничными.

зирующими личность "партнёрами", глубинно согласующими восприятие, чувство, мысль и слово.

Можно ли управлять процессом языкового сознания? И да, и нет. Да, если языковая политика согласована с особенностями человеческой психики. Нет, если предполагается самодостаточность языковой политики, учитывающей только актуальные для определенного времени идеологические ценности и ориентирующейся на мнимую гомогенность носителей языка. Это "и да, и нет" особенно значимо для Донбасса, для Луганской области. Разговор о специфике региона ведется постоянно, но проблема не только не решается, но, скорее, обостряется, так как языковая политика нередко моделирует виртуальный мир отношений между языком и культурой /вплоть до предписаний выражать эмоции на государственном языке/. Луганская область - специфический по своим социокультурным особенностям регион, по отношению к которому этнополитический термин *меньшинство* выглядит как риторический прием литота. Своеобразие национального самосознания жителей города и области определяется многовековым русско-украинским двуязычием, без помех обеспечивающим понимание. И когда естественное равновесие во взаимодействии двух родственных языков и двух родственных культур подрывается нарастающим отходом от идеи двуязычия, потери /в том числе и экономические/ превышают суверенные приобретения.

Устранение из языковой политики реального положения вещей гарантирует только полуграмотность населения. Язык, на котором думают и говорят, - необходимый посредник в изучении других языков, и если родному языку не учат или учат плохо, то это обязательно скажется на качестве постижения другого языка. В местах с преимущественно русским населением оба языка - русский и украинский - должны изучаться в одинаковом объеме.

Смены языка без смены ощущений не бывает. Смена ощущений - факт индивидуальной психологии. Поле социокультурной консолидации прочно тогда, когда предписание согласовывается с переживанием. Степень отчуждения от чего-либо включается в структуру сознания индивида в варианте "нет", "непонятно", "чуждо", "нелегально" и под. Закон сам по себе не может изменить человеческую природу - понимается (принимается) только то, что внутренне переживается.

Культурно-языковые реальности, государственная политика, личностное сознание могут обрести конструктивно объединяющие признаки в диалоге как культурологическом факторе, регуляторе и способе формирования разумных компромиссов. Понятие "диалог культур" как взаимодействие между членами различных субкультур, представителями различных этнических и культурных групп включает понятия интернационализма и гуманизма и оказывается единственным путем к согласию. Другого пути человеческая цивилизация не придумала.

Культура включает право личности на языковую свободу и осуществляемую через нее концептуальную и эмоциональную свободу. Культура вбирает национальный менталитет и национальную психологию. Ср.: "...менталитет связан преимущественно с логической, концептуальной, конгитивной деятельностью сознания, а национальная психология - с эмоционально-психическим складом этноса" (Стернин И.А. О понятии "менталитет" // Язык и национальное сознание.- Воронеж. 1998. С.25). Культура - это реализованное право расширения выбора, это разнообразие и умножение. "Рост мира и есть культура", - считал Блок. Эта максима важна и для стратегии языковой политики. Культура выигрывает только в режиме диалога. И только диалог утверждает право выбора. Диалогические отношения формируют энергию духовности как возможность толерантного вхождения в мир другого сознания. Интеллигентность во взаимоотношениях - это также всегда связь культур. Нравственность науки создается интеллигентностью ее исполнителей. Мы не знаем случаев конфронтации между учеными русистами и украинистами. И это естественно: у нас неделимый, суверенный по высшим меркам объект исследования - язык и консолидируемая через толерантный диалог культура.

Институт международных отношений Киевского университета совместно с Фондом гуманитарного развития "Collegium" ежегодно проводит конференцию "Язык и культура", в которой принимают участие ученые всех стран СНГ, создан Фонд поддержки русской культуры на Украине, Национальный институт украинско-российских отношений. Люди думают, работают, ищут пути выхода из кризисного положения. И, возможно, придет осознание того, что сочетание двух славянских языков в одной стране можно рассматривать как дар, как благо, а не как наказание и препятствие к консолидации. Заклучим статью цитатой, в которой означен путь к толерантной (культурно диалогичной) языковой политике: "Свободное самораскрытие лично-

сти - мотивированное, искреннее выражение индивидом своего взгляда на мир на "языке чувств" и "языке мысли". Реальный субъект общения - живая личность с характерными для нее особенностями вербального и невербального поведения - противопоставляется понятию "средний носитель языка", то есть некий усредненный типизированный абстрактный конструкт. Любовь - неотъемлемая составляющая диалога культур, без установки на которую он теряет смысл" (Дешериева Ю.Ю. Научно-художественная концепция диалога культур // Язык и культура. Первая международная конференция. Материалы. - Киев, 1992. С.625).

С.В Меликян

Функции молчания в коммуникативном поведении человека

Наблюдения показывают, что вербальная коммуникация не представляет собой сплошной, непрерывной речевой деятельности. Вербальная часть речи всегда содержит коммуникативно значимые отрезки молчания.

Прежде всего необходимо разграничить коммуникативно значимое и коммуникативно незначимое молчание. Исследователи единодушно указывают на три обязательных условия значимости молчания:

1. Осознанное и намеренное использование молчания со стороны отправителя.
2. Осведомленность получателя о намеренном характере молчания.
3. Обладание отправителем и получателем общим знанием относительно смысла возникшего молчания (Крестинский, Почепцов).

Таким образом, коммуникативно значимым будет молчание, посредством которого может быть передана определенная информация от отправителя к получателю и адекватно расшифрованная последним.

Коммуникативно значимое молчание по своей структуре и семантике представляет собой речевой акт. Используя терминологию классической теории речевых актов, можно говорить об иллокутивном и перлокутивном эффектах акта молчания, то есть о намерении, интенции использующего акт молчания человека и об определенном воздействии этого акта молчания на собеседника, на его дальнейшее поведение. Специфика акта молчания заключается в том, что локутивный акт

имеет в данном случае нулевую форму.

В связи с этим представляется целесообразным использовать термины “интрасилленциальное содержание” и “постсилленциальный эффект” /если использовать термин “силленциальный акт” – от англ. “silence” – молчание – термины С.В.Крестинского (1983) /.

Как и вербальный акт, акт молчания может иметь пропозициональное, прессупозициональное и имплицативное содержание.

Таким образом, акт молчания и вербальный акт имеют много общего, но между ними есть и принципиальное различие: речевой акт имеет прагматические функции вне контекста– он может быть в языковом плане, советом, обещанием, угрозой и т.п. Акт молчания может выполнять аналогичные функции только контекстуально.

В молчании, как и в любом речевом акте, участвуют говорящий и адресат. Их молчание выполняет различные функции. Можно говорить, по крайней мере, о следующих функциях молчания говорящего:

1. Медитативная функция. Пауза берется говорящим для того, чтобы собраться с мыслями, обдумать следующую реплику, найти аргументы для убеждения собеседника. Акт молчания необходим говорящему для совершения определенных умственных действий.

2. Риторическая функция. Пауза берется говорящим для того, чтобы придать вес своим словам. Риторическая пауза может быть анафорической: таким молчанием говорящий подчеркивает значение уже сказанного; катафорической – это нагнетание ожидания, привлечение внимания к следующим словам.

3. Терминационная функция (от лат. *terminari* – завершать, прекращать). Говорящий использует паузу для того, чтобы показать, что разговор на эту тему окончен. Пауза знаменует собой завершение темы или намерение перейти к другой теме.

4. Выжидательная функция. Часто говорящий замолкает в ожидании ответа собеседника или вообще в ожидании реакции, поступка собеседника.

5. Эмотивная функция. Пауза используется для переживания эмоции. Говорящий замолкает, находясь во власти эмоций. Это неспособность или нежелание говорить в силу эмоционального напряжения.

6. Аттрактивная функция. Эта функция молчания наиболее распространена в педагогической и ораторской сфере – привлечение или активизация внимания собеседника или аудитории.

7. Функция эмоциональной замены вербального общения. Та-

кое молчание является маркером близости людей, когда слова оказываются лишними.

Функции молчания в речи адресата частично схожи с вышперечисленными, а частично отличаются от них. Молчание адресата может выполнять следующие функции.

1. Дисконтактная функция. Такое молчание – это попытка уклониться от общения с конкретным собеседником, незаинтересованность в поддержании контакта.

2. Эмотивно-оценочная функция. Это молчание, которое демонстрирует негативную оценку сказанного.

3. Медитативная функция. Пауза берется собеседником для размышления, нахождения аргументов и т.п.

4. Терминационная функция. Пауза свидетельствует о том, что тема исчерпана и знаменует собой переход к другой теме. Наблюдения показывают, что смена темы с помощью паузы наиболее естественна для бесконфликтной коммуникации.

5. Функция выражения недоверия. Молчанием собеседник говорит о том, что он не доверяет вашим словам, сомневается в их искренности и т.п. Часто такое молчание сопровождается негативными эмоциями.

Таким образом, молчание является полифункциональным речевым актом.

С целью оценки восприятия молчания носителями языка нами был проведен психолингвистический эксперимент. Реципиентам были предложены письменные тексты, представляющие собой отрывки из художественных произведений, в которых молчание выполняет разные функции, и список возможных значений речевого акта молчания. Результаты исследования таковы.

В письменном тексте подтверждается наличие чистых типов молчания (как говорящего, так и адресата), функции которых реципиенты легко определяют. Например:

Планк: Покайтесь, Анна Степановна.

Дама: Послушайте, вам что ? Доставляет удовольствие ковыряться в ранах ?

Планк: Вы путаете меня с Фомой. Итак, я весь во внимании.

Дама: Я боюсь.

Планк: Трусость унижает человека. Смелее...

Дама: Вам хорошо говорить.

Долгая пауза.

Планк: Ну зачем вы молчите, Анна Степановна ?

Дама: Я не молчу ! Не молчу ! Не знаю, с чего начать.

Планк: Начните с хорошего.

Дама: Хорошее было очень давно, Зигмунд Адольфович...

В данном случае медитативная функция определяется легко. Также как в следующем примере - функция выражения недоверия.

Угаров: А что вы, собственно, хотите ?

Хомутов: Хотел вам помочь. Но я вижу, что вы пошутили...Что ж. Возможно, это смешно... Извините. (Идет к двери.)

Анчугин: Подожди. А зачем ты приходил ?

Хомутов: (остановился) Я же говорю: собрался вас выручить.

Анчугин: (усмехнулся) Хотел нам дать денег ?

Хомутов: Да.

Маленькая пауза.

Угаров: Вы что, шутите ? А может, издеваетесь ?

Хомутов: Да нет, выходит, вы надо мной подшутили.

Что касается молчания говорящего, было установлено следующее:

Медитативную функцию однозначно определяют как таковую 54% опрошенных, риторическую – 30% терминационную – 48% , выжидательную – 55%, эмотивную – 64%, аттрактивную – 69% опрошенных.

“Нестопроцентные” результаты объясняются, по-видимому, отсутствием в тексте формальных показателей для определения смысла, что ведет к нечеткому пониманию функций молчания. Большое значение имеет при этом интонация (как и в случае с молчанием слушателя) . Информанты часто не разграничивают выжидательную и риторическую функцию; медитативную и эмотивную; выжидательную и терминационную. Видимо, это не чистые функции, либо в письменном тексте они недостаточно четко разграничиваются .

Результаты, касающиеся молчания слушателя, таковы.

Дисконтактную функцию определили как таковую 49% опрошенных, терминационную – 53% , эмотивно-оценочную – 55%, функцию выражения недоверия – 59%, медитативную – 32,5% опрошенных.

Здесь наиболее часто не разграничиваются дисконтактная и терминационная функции. Видимо, это происходит потому, что и в том и в другом случае общение прерывается, поэтому информанты воспринимают эти функции как близкие.

В целом, функции молчания слушателя в письменном тексте воспринимаются гораздо точнее, чем функции молчания говорящего.

Крестинский С.В. Коммуникативная нагрузка молчания в диалоге. \\
Личностные аспекты языкового общения. - Калинин, 1989 г.

Почепцов Г.Г. Молчание как знак. \\
Анализ знаковых систем. - Киев, 1986.

Крестинский С.В. Коммуникативно-прагматическая структура акта молчания. \\
Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц. - Тверь, 1993 г. - с. 59-67.

Р. В.Серебрякова

Особенности восприятия комплиментов в русском общении

Восприятие комплиментов в той или иной коммуникативной культуре предполагает, во-первых, понимание комплимента и, во-вторых, ответ на комплимент. В русском общении стандартными формами ответа на комплимент считаются:

а) ответ, содержащий благодарность: "Спасибо". "Спасибо, очень приятно это слышать", "Я рад, что вам понравилось", а также несколько старомодное "Спасибо, вы так добры ко мне".

б) ответный комплимент: "Я то же могу сказать и о вас", "Вы тоже хорошо выглядите", "То же можно сказать и о вас", "И у тебя красивый костюм".

Несмотря на существование стандартных форм ответа на комплимент, принятие комплимента является проблемой для русского общения. Многие люди, отвечая на комплимент, начинают спорить: "Да ладно вам!", "Это вам только кажется!", "Это преувеличение!", "Вы преувеличиваете!", "Да бросьте вы!", "Ну что вы!", "Вы мне льстите!". Подобная реакция, впрочем, может являться результатом личных особенностей адресата, например, скромности, застенчивости, неуверенности в себе.

Часто в русском общении встречается и такая форма ответа на комплимент как ответный комплимент с антикомплиментом самому себе: "Вон ты какой стал". – "Какой?" – "Умный". – "Я-то умный? Ты – умный. Я – дурак дураком".

"Вы такой смелый, сильный". – "Я – сильный? Вот вы – сильная...".

Своего рода противоположной реакцией на комплимент является ответ, не содержащий благодарности. Адресат, соглашаясь с комплиментом, сам превозносит свои достоинства: "Вы отважный!" – "А вы думали!", "А ведь вам больше двадцати двух ни за что не дашь!" – "Да, я отлично сохранился!". Часто такой ответ носит шуточно-иронический характер.

В русском общении распространена и такая форма ответа на комплимент, как вопрос: "Вы хорошо танцуете?" – "Вам нравится?" "Ну, ты гений!" – "Вы думаете?"

Описание адекватных ответных реакций на комплименты в рамках русского речевого этикета является важным компонентом обучения культуре речи.

А.О.Стеблецова

Деловой текст и национальный деловой менталитет

В статье делается попытка сопоставления и анализа некоторых видов деловых текстов, выполняющих одинаковую функцию в русском и английском деловом общении с целью выявления их национальной и культурной специфики и обусловленности особенностями национального делового менталитета.

Уже при первом приближении к проблеме обнаруживается, что ряд деловых документов существует в обоих языках, выполняя идентичные функции. Это контракты, договоры, докладные записки и т.д. Однако некоторые типы деловых текстов существуют только в одной деловой культуре. Так например, среди англоязычных деловых текстов, связанных с приемом на работу, существует рекомендательное письмо (reference), которое отсутствует в русскоязычной деловой корреспонденции.

Деловые тексты, выполняющие одну и ту же функцию, могут содержать значительные структурно-семантические различия, напри-

мер, автобиография с одной стороны и curriculum vitae (CV) è resume ñ äðóâîé. Èííááà òàéñòù, ééáññèðéðéðéðóáíùá èàé ìòííñùèéáññù к разным деловым жанрам, на практике служат для реализации одной и той же функции, например, приказ об увольнении в русскоязычной деловой документации и извещение об увольнении в англоязычной деловой культуре.

Функциональные типы делового текста, присутствующие в обеих культурах, могут совпадать по многим параметрам. Явным подтверждением тому может служить контракт, или соглашение об установлении и регулировании каких-либо отношений между двумя сторонами. Англо- и русскоязычные варианты открываются параграфом, в котором декларируется цель документа - заключение договора, указывается его участники, например, заказчик и исполнитель, а также приводятся законные основания, которые делают заключение контракта возможным и легальным. Сравним:

CONTRACT 3
REFURNISHING-CONSTRUCTING WORKS
ON THE PREMISES OF.....

XXXX Bankhereby named as THE CUSTOMER
..... acting with accordance with the Rules and Regulations and AOZT
XXXXhereby named as THE CONTRACTOR..... acting with
accordance with the Rules and Regulations, from other side, signed the
present Contract concerning the following :

ДОГОВОР №

г.Воронеж
1996г

20 декабря

....., именуемый в дальнейшем " Исполнитель"
и действующий на основании свидетельства №....., выданного местной администрацией X района г. Воронежа , с одной стороны, и
....., в лице, действующего на основании Устава, именуемый в дальнейшем "Заказчик", с другой стороны, заключили настоящий договор о нижеследующем:.....

Далее контракты содержат практически идентичные пункты, а именно: "Предмет $\alpha\iota\iota\alpha\iota\delta\alpha$ " $\epsilon\epsilon\epsilon$ "Subject of Contract", "Стоимость, срок и порядок выполнения работ", " Terms of Work Delivery", "Terms of Finance", " Права и обязанности сторон", "Rights and Liabilities of the Sides", "Особые условия", " Special Conditions" и т.д. Существующие различия $\iota\delta\iota\kappa\upsilon\sigma\eta\ \eta\epsilon\iota\delta\alpha\alpha\ \epsilon\ \eta\delta\alpha\delta\alpha\ \alpha\epsilon\zeta\omicron\alpha\epsilon\upsilon\iota\acute{\iota}\epsilon\iota\iota\iota\tau\epsilon\sigma\epsilon\iota\iota\iota\epsilon$ ($\delta\alpha\eta\eta\epsilon\iota\alpha\epsilon\iota\epsilon\alpha\ \iota\alpha\delta\alpha\alpha\delta\alpha\omicron\iota\alpha$, $\acute{\alpha}\upsilon\alpha\alpha\epsilon\alpha\epsilon\alpha\ \zeta\alpha\alpha\iota\epsilon\iota\alpha\epsilon\iota\alpha\ \epsilon\ \eta\alpha\zeta\alpha\alpha\iota\epsilon\iota\alpha\epsilon\iota\alpha$, $\delta\alpha\zeta\iota\alpha\delta\ \sigma\delta\epsilon\omicron\delta\alpha$), $\rightarrow\alpha\iota\ \epsilon\ \eta\eta\alpha\alpha\delta\alpha\omicron\alpha\epsilon\upsilon\iota\iota\epsilon\ \eta\delta\alpha\delta\alpha$, $\alpha\alpha\alpha$, $\epsilon\alpha\epsilon$ $\omicron\alpha\alpha$ $\acute{\alpha}\upsilon\epsilon\iota\ \eta\epsilon\alpha\zeta\alpha\iota\iota\ \acute{\alpha}\upsilon\sigma\alpha$, $\iota\alpha\iota\alpha\delta\omicron\alpha\epsilon\alpha\alpha\omicron\eta\upsilon\ \eta\epsilon\iota\eta\alpha\ \eta\eta\alpha\eta\alpha\alpha\epsilon\alpha\ \epsilon\iota\iota\iota\omicron\iota\epsilon\alpha\delta\epsilon\alpha\iota\iota\epsilon\ \omicron\alpha\epsilon\epsilon\ \epsilon\ \eta\eta\eta\eta\alpha\iota\alpha\ \alpha\alpha\ \alpha\eta\eta\omicron\epsilon\alpha\epsilon\iota\epsilon\upsilon$. $\text{A}\alpha\iota\iota\upsilon\epsilon\ \delta\alpha\epsilon\omicron\ \eta\alpha\epsilon\alpha\delta\alpha\omicron\alpha\epsilon\upsilon\eta\delta\alpha\omicron\alpha\delta$, $\rightarrow\omicron\iota\ \iota\alpha\upsilon\epsilon\alpha\ \upsilon\epsilon\eta\delta\omicron\alpha\epsilon\epsilon\iota\alpha\alpha\epsilon\eta\delta\epsilon\rightarrow\alpha\eta\eta\epsilon\alpha\ \epsilon\ \iota\delta\alpha\alpha\iota\alpha\delta\epsilon\rightarrow\alpha\eta\eta\epsilon\alpha\ \delta\alpha\epsilon\omicron\iota\delta\upsilon\ \alpha\epsilon\epsilon\delta\omicron\beta\omicron\ \acute{\alpha}\upsilon\alpha\iota\delta\ \eta\sigma\iota\alpha\iota\upsilon\delta\ \upsilon\zeta\upsilon\epsilon\iota\alpha\upsilon\delta\ \eta\delta\alpha\alpha\eta\delta\alpha\ \epsilon\ \alpha\alpha\alpha\omicron\delta\ \epsilon\ \delta\alpha\eta\eta\delta\iota\eta\delta\alpha\iota\alpha\iota\epsilon\eta\ \iota\alpha\upsilon\alpha\iota\delta\epsilon\iota\upsilon\delta\omicron\delta\ \epsilon\ \zeta\alpha\epsilon\delta\alpha\tau\epsilon\alpha\iota\iota\upsilon\delta\ \acute{\alpha}\ \iota\epsilon\delta\iota\alpha\tau\epsilon\ \upsilon\epsilon\iota\eta\eta\epsilon\rightarrow\alpha\eta\eta\epsilon\ \iota\delta\alpha\epsilon\delta\epsilon\epsilon\alpha\ \alpha\iota\epsilon\omicron\iota\alpha\iota\alpha$.

$\text{A}\ \omicron\iota\alpha\alpha\ \iota\alpha\alpha\iota\delta\alpha\ \epsilon\ \eta\eta\eta\delta\alpha\alpha\epsilon\alpha\epsilon\iota\epsilon\upsilon\ \delta\alpha\zeta\epsilon\epsilon\rightarrow\iota\upsilon\delta\ \alpha\alpha\epsilon\iota\alpha\upsilon\delta\ \delta\alpha\epsilon\eta\delta\iota\alpha\ \iota\alpha\ \delta\omicron\eta\eta\epsilon\iota\ \epsilon\ \alpha\iota\alpha\epsilon\epsilon\eta\epsilon\iota\ \upsilon\zeta\upsilon\epsilon\alpha\delta\ \iota\alpha\zeta\alpha\alpha\alpha\eta\iota\ \acute{\alpha}\upsilon\upsilon\alpha\epsilon\upsilon\beta\omicron\eta\upsilon\ \delta\alpha\epsilon\eta\delta\upsilon$, $\iota\delta\epsilon\eta\delta\upsilon\epsilon\alpha\ \omicron\epsilon\upsilon\epsilon\iota\ \iota\alpha\iota\epsilon\ \epsilon\zeta\ \epsilon\iota\iota\iota\omicron\iota\epsilon\alpha\delta\epsilon\alpha\iota\iota\upsilon\delta\ \epsilon\omicron\epsilon\upsilon\delta\omicron\delta$. $\text{O}\alpha\epsilon$, $\rightarrow\delta\alpha\zeta\alpha\upsilon\rightarrow\alpha\epsilon\iota\iota\ \sigma\epsilon\delta\iota\epsilon\iota\ \delta\alpha\eta\eta\delta\iota\eta\delta\alpha\iota\alpha\iota\ \acute{\alpha}\ \alpha\iota\alpha\epsilon\epsilon\eta\epsilon\iota\ \epsilon\iota\iota\iota\omicron\iota\epsilon\alpha\delta\epsilon\alpha\iota\iota\epsilon\ \epsilon\omicron\epsilon\upsilon\delta\omicron\delta\alpha\ \iota\delta\alpha\epsilon\delta\epsilon\rightarrow\alpha\eta\eta\epsilon\ \iota\delta\eta\delta\omicron\eta\delta\alpha\omicron\beta\upsilon\alpha\alpha\ \acute{\alpha}\ \delta\omicron\eta\eta\epsilon\iota\ \delta\delta\alpha\alpha\epsilon\delta\epsilon\ \tau\epsilon\eta\upsilon\iota\ \acute{\alpha}\epsilon\alpha\eta\eta\alpha\delta\iota\eta\delta\upsilon\ \text{/1/}$. $\text{I}\alpha\iota\delta\upsilon\alpha\iota\epsilon\alpha\iota\epsilon\ \rightarrow\alpha\eta\delta\upsilon\beta\ \alpha\iota\epsilon\omicron\iota\alpha\iota\alpha\delta\epsilon\epsilon\ \iota\delta\epsilon\ \omicron\eta\delta\omicron\iota\epsilon\eta\delta\alpha\ \iota\alpha\ \delta\alpha\alpha\iota\omicron\delta\ \acute{\alpha}\ \alpha\iota\alpha\epsilon\epsilon\eta\epsilon\iota\ \upsilon\zeta\upsilon\epsilon\iota\alpha\iota\epsilon\ \epsilon\omicron\epsilon\upsilon\delta\omicron\delta\alpha\ \upsilon\alpha\epsilon\upsilon\alpha\delta\eta\upsilon\ \text{reference}$ (рекомендательное письмо), которое тоже отсутствует в русской деловой корреспонденции. Из истории и литературы известно, что жанр рекомендательного письма существовал в России до 20 века, но был утрачен вследствие социально-экономических изменений. Отсутствие конкуренции, государственное трудоустройство еще 10-15 лет назад обеспечивали всеобщую занятость и, следовательно, исключали необходимость заручаться письменным мнением о профессиональных достоинствах кандидата (стандартные официальные характеристики не в счет), в то время как в английской культуре под влиянием достаточно жесткой конкуренции на рынке труда традиционной является тщательность и скрупулезность отбора кандидата на ту или иную должность путем сбора как объективной информации (обучение, квалификация, навыки, научная степень), так и субъективное мнение бывших работодателей, например, выраженное в форме рекомендательного письма. $\text{I}\alpha\ \epsilon\eta\epsilon\eta\rightarrow\alpha\iota\iota$, $\iota\alpha\iota\alpha\epsilon\iota$, $\rightarrow\omicron\iota\ \iota\alpha\iota\upsilon\beta\epsilon\alpha\eta\upsilon\ \eta\alpha\epsilon\rightarrow\alpha\eta\ \acute{\alpha}\ \text{D}\eta\eta\eta\epsilon\epsilon\ \upsilon\epsilon\iota\eta\eta\epsilon\rightarrow\alpha\eta\eta\epsilon\alpha\ \iota\delta\iota\eta\delta\alpha\iota\epsilon\ \eta\eta\alpha\epsilon\omicron\delta\ \zeta\alpha\ \eta\eta\alpha\iota\epsilon\ \epsilon\ \eta\eta\delta\alpha\alpha\delta\eta\delta\alpha\omicron\beta\upsilon\epsilon\alpha\ \iota\alpha\delta\epsilon\eta\alpha\epsilon\upsilon\iota\ \eta\eta\epsilon\delta\iota\epsilon\eta\epsilon\rightarrow\alpha\eta\eta\epsilon\alpha\ \epsilon\zeta\iota\alpha\iota\alpha\iota\epsilon\upsilon$, $\rightarrow\omicron\iota$, $\acute{\alpha}\ \eta\alpha\eta\ \hat{\iota}\rightarrow\delta\alpha\alpha\upsilon$, $\iota\delta\epsilon\alpha\alpha\alpha\delta\ \epsilon\ \eta\upsilon\alpha\epsilon\alpha\iota\epsilon\eta$, $\epsilon\epsilon\epsilon\ \omicron\iota\rightarrow\iota\alpha\alpha$, $\epsilon\ \alpha\iota\zeta\alpha\iota\alpha\epsilon\alpha\iota\epsilon\eta\ \alpha\alpha\iota\delta\alpha\ \delta\alpha\epsilon\eta\eta\alpha\alpha\delta\alpha\epsilon\upsilon\iota\eta\alpha\ \tau\epsilon\eta\upsilon\iota\alpha\ \acute{\alpha}\ \delta\omicron\eta\eta\epsilon\iota\ \alpha\alpha\epsilon\iota\alpha\epsilon\ \epsilon\omicron\epsilon\upsilon\delta\omicron\delta\alpha$.

À èà÷àñòàà àùà ìáííàí ìðèíàðà ìáñóùáñòàáòùàááí á ðóññèíí àáèíáí ìèñùíà áèàà òáèñòà òíðáèíñòù áù ìðèááñòè Appraisal или письменный документ, коммуникативной целью которого является оценка деятельности служащего/работника. Ááííúé òèí àáèíáíáí àíèóíáíòà ìæáò áùòù ìðááñòàáèáí èàè á áèàà òèèñèðíááííé òíðíù, òàè è á ìðìèçáíèùííí áèáá. Íáíáèí á íáí ìáçàðòáèùíí ñíááðæàðñý ááá ìñííáíúò èíóíðíàèèííúò áèíèà: òðíááíù èíííàòáíòèè ìòáíèáááííáí ñíðòòáíèè, èèèññòðèèðòáíúé èííèðáòíúíè ìðèíáðáíè, è ááí ñèááúá ñòíðííù èàè ìðááíáò àáèùíáèèááí ñíááðæáíñòáíááíèý (ñ èííèðáòíúíè ðáèííáíáàòèýì). Íáíðèíáð:

PERFORMANCE APPRAISAL FORM

Date.....
Employee..... Position.....
Evaluator..... Position.....

Competencies / Areas of Strength:

..... your skills as a training specialists and consultant are excellent. You are a very strong teacher and group facilitator. Your recent workshop for agoraphobics is a fine example of your abilities in this area, especially you ability to be sensitive to both individual and group needs.

.....

Concerns /Areas for Improvement:

As we have discussed before, your tendency to produce results at the eleventh hour has been problematic.

Although you always dress neatly, your preference for casual dress in the office has become inappropriate.....

Ìáðááíà:

Áàðà

Íòáíèáááíúé ñíðòòáíèè..... Áíèæíñòù

Íòáíèááòùè ñíðòòáíèè..... Áíèæíñòù

Èíííàòáíòíñòù / Ñèèùíá ñòíðííù:

....., Áàøè ìááúèè ñíáòèàèèòà ñí ìáó÷áíèè è èííòèùòáíòà ìðááíñòíáíù. Áù ì÷áíù ñíðòíúé ìðáíáááàðáèù. Áàø ìááááíèè ñáíèíáð ýáèýáðñý ýðèè ìðèíáðíí Áàøèð òíáíèè ìðááíèçíáàòù è ìááñíá÷èòù ðááíòò á áðòííá, à òáèæá ÷òèèíáí ìòííòáíèý è ñíðòááíñòù ìèè áðòííù á òáèí, òàè è ìðááèùíúò áá ÷èáííá.

.....

Íááíñòàòèè / Ñòíðíú áey ñíááðøáíñòáíááíèy:

Èàè ìú óæá íáñòæáàèè ðáíáá, Áàøà ðáíááíòèy ñèó-áíèy ðáçóèóòàðíá áúðíáy çà ðáíèè ìòááááííáí áðáíáíè áúçúááàò òðááíáò .

Íáííòðy íá òí, ÷òí Áú áñáááà íááòú ñðyòíí, Áàøá ìðááíí-òáíèá íáðíðíáèyííáí ñòèèy íááæáú á ìðèñá ñòáííáèòñy íáóíáñòíúí.

Òðáàèðáðáí áíáðíæáèðáèyíúè òíí áíèóíáíòá, óááæðóáèyííá ìòíðáíèá è ìòáíèááííò, íáíñðááñòááííá è íáíó íáðáíáíèá, ñòðáíèáíèá íèçàòú ñíááèñòáèá, ðàí ááá yòí íáíáðíáèí. Ìñúðèá ìòááòèòú íá áíðíñ – ñóúáñòáóáò èè á ðóññèíè yçúèíáíè ððáèèèè òèí áíèóíáíòá, ñíñòááèíúè ñ áúøáíðèáááííúí – ñòáèèèááòñy ñ ñðáááèáííúè òðóáííòyíè. Ñ íáííè ñòíðíú, áíáèíyçú=íúè Appraisal несомненно отвечает коммуникативной цели оценки, хотя наряду с ней содержит дополнительную цель предложения помощи. Например:

Your expectation that the support staff can and will set aside their work at the last minute is unreasonable.... Can we work together to solve this problem?

Áàøá íáááæáá íá òí, ÷òí áñíííááòáèyíúè ìðñííáè ñæáò è áóááò ìèèèáúááòú ñáñð áááíòð á ññèááíðð ìèíóðó, ááñíí-ááííá. Íá ñíáèè áú ìú áíáñòá ðáèèèòú yòð ìðíáèáíò?

В русской традиции делового общения оценочную функцию реализуют приказ об объявлении благодарности и приказ об объявлении выговора. Как видно уже из названий, позитивная и негативная оценки деятельности не объединены в одном документе - в отличие от англоязычного текста. К тому же, благодарность и выговор содержат не столько оценочное описание деятельности сотрудника, сколько положительную (благодарность) или отрицательную (выговор) реакцию начальства на эту деятельность. Например:

За систематические опоздания и срыв занятий 10.12.97

ПРИКАЗЫВАЮ:

Объявить выговор Х.Х.

За активное участие в работе подразделения
ПРИКАЗЫВАЮ:
 Объявить благодарность Х.Х.

В русской деловой культуре широко распространен *приказ* как один из основных документов в оперативной деятельности предприятия/организации, охватывающий все сферы - от назначения на должность до увольнения. Русскоязычному приказу присущи краткость, четкость, шаблонность формы выражения и безоговорочная категоричность волеизъявления. При безусловном существовании функции приказа в англоязычной деловой документации, сами тексты, реализующие данную функцию, значительно отличаются от русских образцов.

Во-первых, они практически никогда не используют самого директивного глагола *приказываю*.

Во-вторых, личность автора, как привило, не выходит на первый план, а напротив, как бы сознательно скрыта за формами модальности вынужденности или структурами пассивного залога.

В-третьих, сам текст англоязычного документа может быть значительно больше, полнее, с включением поясняющих сам приказ деталей. Сравним два документа о назначении на должность:

POWER OF ATTORNEY of the Head of the Representation

The Company XXXXXXXX (hereinafter called 'the Company')

.....

hereby declares Mr. M.H. as the Head of Representation of the Company in Voronezh, Russia.

The Head of Representation will be executive authority within the Representation, managing day-to-day activities. He will be entitled to make decisions on any daily operational Representation matters.

His authority will include, but not limited to, the following matters:

.....

Êîîñàíèÿ " ÕÕÕÕÕÕÕÕ " (ääëää èìáíóáìàÿ "Êîîñàíèÿ") íáúÿäëÿàò àîîññàëíà Ì.Í. Æëââíé Ìðääñòàäèòäëüñòàà Êîîñàíèè à Áîðííàæâ, Ðíññèÿ.

Ἄεάάα Ἰῶάαηῶάάεῶάεῦηῶάά γάεγᾶδῶηῦ ᾱεάáíε εἠῆῆεῖῶάεῦηῆε ᾱεᾶηῶε Ἰῶάαηῶάάεῶάεῦηῶά, ὀέῖᾶῖᾶγῦέε ᾶᾶ ᾶγῶάεῦηῆῶῦῖ. Ἦ ὀῆῆῆῆῆῆ-ᾶῖ ἰῶεῖᾶῖᾶῶῶ ὀᾶᾶῖεῦ, εᾶηᾶῖεᾶῆῦ ῆᾶῶῶεᾶῖῆε ᾶγῶάεῦηῆῶε Ἰῶάαηῶάάεῶάεῦηῶάά.

Ἰεῖῆῆῆῆ-εῦ Ἄεάáῦ Ἰῶάαηῶάάεῶάεῦηῶάά ᾱεεῖῖ-ᾶῖῶ, ῆεᾶᾶῖῶεᾶ ᾶῆῶῆῆῆῆ (но не ограничиваются ими):

.....

ПРИКАЗ №
ООО "XXX"

г. Воронеж "..."
----- 199-г.

В связи с кадровыми изменениями на предприятии
Приказываю:

Назначить ответственным за соблюдение правил техники безопасности и правил охраны труда в ООО "XXX" заместителя директора Л.Т.Т. с "..." ----- 199- г.

Очевидно, что оба документа, совершая функцию назначения на должность, одновременно реализуют функцию сообщения об этом. Но если англоязычный документ выражает это имплицитно – используется глагол declares *ἰάγῦᾶεῦᾶῶ*, εἰῶῖῶῦε ᾶ ᾶᾶῆῆ ἕῖῖῶᾶῆῆῶᾶ ὀᾶῖῖῖᾶ-ᾶῖ ἰᾶῖᾶ-ᾶᾶῶ, ὀῖ ὀῖῆῆεε ᾶᾶεᾶῖῶ как раз эксплицирует *приказываю*, совершая этим акт назначения на должность и сообщения о нем. Это различие представляется значимым с точки зрения национального делового менталитета. Ведь для английской языковой традиции категоричность и авторитарность не характерны - это невежливо, а следовательно, в случае необходимости выбираются такие языковые средства, которые призваны эту категоричность смягчить. Ἔ ἰᾶῖᾶῖῶῖῶ, ᾶᾶῖῶεῶᾶῖῆῆῶῶ ἰῖῶεᾶῖεῦ ε εᾶῶᾶῖῶε-ῖῆῶῶ ᾶῖεᾶεῖῦᾶεᾶῖεῦ ὀᾶῶᾶεῶᾶῖῶ ᾶεῦ ὀῖῆῆεῖᾶῖ ὀέῖᾶῖᾶεῶᾶεῦ, ε ῦῶῖ ῖᾶεῶᾶῖεῦᾶῶῦ ᾶ ῦῖῦεᾶ ε ᾶῖῶᾶᾶᾶῶῦ ἰᾶῆῆῶᾶηῶᾶῖῖ ᾶεῶᾶεῶεᾶῆῖ ἰῶεεᾶῖῦᾶῖ.

ᾶεεῖῖ ἰᾶῶᾶῆῖ, ῆῆῆῆῶᾶεεᾶῖεᾶ ὀᾶεῆῆῶᾶ-ᾶῖεῶῖᾶῖῶᾶ, εἠῆεῦῶᾶῖῶῖ ᾶ ὀῖῆῆῆῆῆῆ ε ᾶῖᾶεεῆῆῆῆ ᾶᾶῖᾶῆῆ ἰᾶῦᾶῖεε, ᾶῆῆῶᾶῖῆ-ῖῖ ῦῶεῖ ᾶῦγᾶεῦᾶῶ ἰᾶῶεῖᾶεῦῖῖ-εῶεῦῶὀῖῖῖ ῆῆᾶῶεῶεῶ εῆῆεᾶᾶᾶᾶῖῶῖ ὀᾶεῆῆῶᾶ, εἰῶῖῶῦ ᾶ ῖᾶ-εῶὀᾶεῦῖῆῆ ῆῶᾶῖᾶῖε ἰῶῶᾶᾶᾶᾶ ἰᾶῶεῖᾶεῦῖῖ ᾶᾶῖᾶῖε ἰᾶῖῶᾶεῶῶᾶ.

1. Об этом подробнее см. в: Стеблцова А.О. Об одной национальной особенности русского делового общения // Изучение и преподавание русского языка в зарубежных вузах.

давание русского языка как национально-культурной ценности.- Воронеж: ИПЦ, 1997. С.40.

М.А. Стрельникова

Коммуникативное поведение интервьюера и интервьюируемого в русской и американской коммуникативных культурах

В данной работе предпринята попытка описать национальную специфику поведения коммуникантов в речевом жанре *интервью* на материале русской и американской коммуникативных культур. Настоящее исследование отражает результаты описания фактора внешнего вида в разработанной нами модели описания коммуникативного поведения участников интервью.

Материалом исследования послужили 30 русских и американских телеинтервью, записанных на видеоманитофон. Использовались записи ОРТ, РТР, НТВ (русский материал) и американской спутниковой телекоммуникационной сети (американский материал).

Начнем с описания того, что в американской коммуникативной традиции называется *dress language* (“язык одежды”). Российские мужчины - журналисты и гости студии – в большинстве случаев (80%) одеты в строгие классические костюмы, в основном темных тонов. Мужчины – американцы нередко одеты в пиджак и брюки, которые не составляют костюм (например, пиджак клетчатый, а брюки черные). Возможен вариант “ без пиджака”. Американские журналисты-мужчины более свободны в выборе цвета одежды. Исключение составляет одежда для политического интервью, когда возможен только строгий деловой костюм.

Одежда американских журналисток варьирует в зависимости от фактора “праздник-будни” соответственно. Кроме того, их макияж в праздничные дни ярче, чем в остальные. Российские журналистки всегда подчеркнута аккуратны, нарядны. В их одежде превалирует классический стиль. Золотые украшения (цепочки, кулоны, перстни) характерны для любой возрастной категории россиянок (журналисток и гостей студии), в то время как американки надевают их в возрасте от 30 лет.

Можно сделать вывод, что американцы более демократичны, более свободны и раскованы в манере одеваться. Они проще относятся к телекамере, к съемкам, не “комплексуют”. Российские участники телепрограмм расценивают выход в эфир как серьезное, ответственное событие в своей жизни и относятся к этому событию как к официальному мероприятию.

Использование жестикуляции в ходе интервью также обнаруживает заметную национальную специфику. В книге А.Пиза “Язык жестов” описано интересное явление – “*процедура открытия*” (Пиз): в условиях коммуникации по мере знакомства (общения друг с другом) собеседники могут достичь положения “открытости”, “размыкания” жестов. В американских интервью это явление пронаблюдать сложно по причине непродолжительности (до 5 минут) интервью как таковых. В российских интервью, которые длятся 30-40 минут, такое развитие коммуникативной ситуации вполне закономерно.

Золотое правило улыбки всегда на вооружении у американцев. Правда, иногда это правило нарушается - но это происходит только в политических интервью с собеседником очень высокого ранга (например, интервью с Г.Киссинджером; беседа о результатах выборов президента США). Россияне в большинстве случаев действуют согласно знаменитой русской поговорке “Смех без причины...”. Зафиксированы интервью, в которых российские журналисты на протяжении 30-40-минутного интервью не улыбаются совсем, а гости студии улыбаются 2-3 раза в ответ на ироничные замечания.

Визуальный контакт помогает регулировать разговор. Если говорящий переводит взгляд с собеседника на что-нибудь другое и обратно, это значит, что он еще не закончил говорить. По завершении своей мысли говорящий, как правило, смотрит прямо в глаза собеседнику, как бы сообщая: “Я все сказал, теперь Ваша очередь”.

“Визуальное” поведение американцев и россиян различно. Американцы почти не прерывают зрительных контактов (а если учесть, что интервьюируемых в американской студии как правило двое, то интервьюер просто переводит взгляд с одного на другого).

Представляется интересным проанализировать динамику визуального контакта в российском интервью. В момент формирования мысли и в начале речевого высказывания визуальный контакт с собеседником и у журналиста, и у гостя, как правило, отсутствует и возникает лишь ближе к окончанию реплики, когда мысль (вопрос или

ответ) сформирован и высказывается. По-видимому, сам процесс формирования вопроса или ответа сложны и для российского журналиста, и для его гостя, и они серьезно относятся к выполнению своей коммуникативно-мыслительной задачи, особенно, если обсуждаемая тема не является привычной для журналиста или ответ на поставленный вопрос дается гостю нелегко. Зрительный контакт в ходе постановки вопроса увеличивается от 3 до 10 секунд в случае, если этот вопрос касается лично гостя, его личного отношения к теме беседы. Значимость интервью для программы, для имиджа интервьюера и интервьюируемого, возможно, “сковывает” поведение коммуникантов.

Некоторые виды невербальных средств общения связаны с голосом, характеристики которого создают образ человека, способствуют распознаванию его состояний. Это высота, громкость голосового тона, его тембр.

Описанные особенности коммуникативного поведения участников интервью в русской и американской коммуникативной культурах отражают национальные особенности национального коммуникативного поведения американцев. Исследование показывает, что, несмотря на разнообразие тематики интервью и разнородность участников диалогов, представители русской и американской коммуникативных культур ведут себя в достаточной степени единообразно, что позволяет осуществить определенную типизацию коммуникативного поведения русских и американцев в ходе интервью.

Пиз Аллан. Язык жестов. Воронеж, НПО “МОДЭК”, 1992.

Л. В. Куранда

Национальная обусловленность делового общения

Деловое общение – это общение, направленное на организацию успешной совместной деятельности людей в интересах достижения определенной цели. Отсутствие опыта делового общения у наших предпринимателей сказывается на продуктивности их деятельности, особенно остро эта проблема стоит в сфере взаимодействия с иностранными партнерами. При данных контактах важно учитывать национальную специфику общения.

Выделим наиболее общие черты, присущие русскому деловому обще-

нию.

В России нет опыта делового общения в условиях рынка. Старые традиции забыты, новые - находятся в стадии формирования. С точки зрения иностранных партнеров для этих отношений характерны следующие черты:

предпочтительная опора на неформальные отношения (“чтобы решать вопросы, компаньон должен стать “своим человеком”);

необязательность в отношении выполнения договора (допустимо невыполнение отдельных пунктов);

неуважительное отношение к подписанному контракту (“контракт пишется для проверяющих”, “Плох тот закон, который нельзя обойти”);

возможность изменять условия контракта на этапах его выполнения (“не сложилось”, “не срослось”);

“легкое отношение” к письменным контрактам, преобладает уровень личной договоренности;

при выполнении обязательств исходят из сложившейся ситуации, зачастую не разрабатывают детального планирования;

предпочитают решать возникшие проблемы не официальным путем, а через “своих” людей;

не любят конкурировать, вступать в борьбу, т.к. отсутствуют навыки рыночной конкуренции;

неэффективно используют деловую переписку.

Таким образом, возникает необходимость изучения национальных особенностей делового общения и разработки на этой базе практического руководства по бизнес-общению с учетом национальной специфики партнера.

Ñ.Í.Êó-âðáíéí

Îðáàò íá íà áñíðñ ã áíáëëëñéëé êññíóíëëàðëëáñé òðáäëëëë

×áëííá-âñéíá íáúáíëá - ýáëáíëá ñëíáííá , íííáíððáííá è òððáííððáñëáçóáííá. È íáðááëí íðíóáññ íáúáíëý, çáíëáíëðíááííúé íáíëí

ñíááñááíéèñ á ñíðáááéáííñ íáñðááéáíéè, ñéó-ááò ñíááðøáíí íáñæéáííñá ðáçáèòèá áéááíááðý ðá-áòáíð-áñòáó áðóáíñí ñíááñááíéèá. Ðáññííðòèí, éáè ýòí ñíèññíáèò íá ñðèíáðá áñíðñíí-íòááòíóð æèáéíæè-áñéèò ááèíñá.

Çáááááý áñðñ è çáñðáøèááý ñíðáááéáííóð èíðíðíáòèð, ááðáñáíò ñíèááááò, -òí ááí ñíááñááíéè íáéááááò ýòíè èíðíðíáòèáé, ðí-áò, ñíæáò è áíèæáí áá ñðááýáèò. Áðóáéè ñéíááíè, ááðáñáíò ñíèáááò ñíèó-èòó ñòááò, á èíðíðñí ñðááýáèýáòñý èíðíðíáòèý, ñíñòááòñòáóðøáý ðáðáèòáðò çáñðáøèáááíé èíðíðíáòèè. Íáíáèí á ñðíóáññá ðááèóííñí íáñáíéý ááðáñáíò á ñòááò ñíæáò óñèóáòó ñá ñíáñáí òí è ááæá ñíáñáí íá òí, -òí ñí ñæéááè. Íðááááðèòáèóííá ðáçóèóòáòó áíáèèçá íá ññííáá -áñòè-ñé áñáíðèè èç ááñýòè áíáèýçó-íóð èèòáðáòòðíóð èñòí-íèèíá ñçáñèýðò ñòíáòèòó çáññú ñèááòðóèá áíçíñáíúá ááðèáíòú.

1. Á ðýáá ñéó-ááá ááðáñáò ááááò ñááý òáè, ñéíáíí íá ñèóøèò áñðñ, è ñðááýáèýáò èíðíðíáòèð, íá ñíñòááòñòáóðøáðò ðáðáèòáðò çáñðñá èíðíðíáòèè.

-Where is it?

- The Blade is not the smartest thing I ever met, you know, thinks he is a genius, but he is really quite stupid.

2. Á íáèíðíðúð ñéó-áýò ááðáñáò óèèñýáòñý ñò ñòááò:

à) ðáááèðóý íá áñðñ áñòðá-íúí áñðññí:

- What's her name?

- What makes you think it is another woman?

á) ññúèáññú íá ñáñá íáçáíáèá, íáèíñáðáíðíñòú èèè áðóáèá òèçè-áñèèá, ñðáèóííúá è ýòè-áñèèá ñè-èí:

- Did he watch the suicide?

- I can't tell you what he did or saw because he has confided in me as his lawyer. Our talks are privileged.

â) èíððáèèðèðóý íáñðááèóííóð, ñí ááí íáíèð, òíðíóèèðíáèò áñðññá .

-What makes you think this'll bring him up?

- I didn't say "up". I said out.

Òèñú ñòááòíá íá íá áñðññí áóáòò ðáçèè-áðóñý á ðáçíúð èñííóíéèáðèáíúð èòèóúòðáò è íáíáðíáèñ èçó-áíéá íáòèñíáèóííé ññáðèòèèè ýòíáí ýáèáíéý.

Е. Ю.Лазуренко

Национальные особенности коммуникативного поведения чеченцев

Существуют многочисленные различия в коммуникативном поведении русского народа и народов Кавказа. Остановимся на неко-

торых особенностях чеченского коммуникативного поведения, отличающих чеченцев от русских.

Приветствие. Для чеченского приветствия характерно коммуникативное равенство, отсутствует обращение на “вы”, ко всем обращаются на “ты”: к ребенку, старику, женщине, мужчине. Однако по-разному звучат формулы речевого этикета для мужчин и для женщин.

Невербальные жесты, сопровождающие приветствие: мужчины протягивают руку, обнимают друг друга, прикасаясь щеками; приветствие, обращенное к старшим (особенно мужчинам) сопровождается неглубоким поклоном; головные уборы при приветствии никогда не снимают, папахи не снимают ни при каких обстоятельствах.

При встрече со знакомыми, друзьями после приветствия непременно прозвучат вопросы о здоровье семьи, родителей, детей. Даже деловая беседа начинается с таких вопросов.

Уважительное отношение к старшим.

Старейшины рода (тейпа) - самые уважаемые люди. Решение, принятое старшими, не обсуждается и не критикуется. Особые знаки уважения и почтения - пожилым мужчинам. В семье - деду, отцу, дяде, старшим братьям. Если пожилой мужчина входит в общественный транспорт, как правило, встают все молодые люди и женщины, уступая ему место. В присутствии старших нельзя громко говорить, курить, употреблять спиртные напитки, сквернословить.

Сквернословие .

Чеченцами практически не употребляется ненормативная лексика, при вспыльчивости и эмоциональности чеченцев они практически всегда этикетны и сдержаны в общении.

Общение между мужчинами и женщинами

Дружба между молодыми людьми только однополая, нет смешанных молодежных компаний. В соответствии с обычаями девушка не может прогуливаться в окружении молодых людей, исключение составляют родственники. Женщины не ходят на дискотеки, в рестораны.

Если молодые люди противоположного пола беседуют, то расстояние между ними 2-3 метра, подойти ближе считается неприличным.

Гостеприимство.

“Гость в дом - радость в дом” - гласит восточная мудрость. Гостям на Кавказе - особый почет и уважение. Даже незнакомому челове-

ку, вошедшему в дом, оказываются необходимые в этом случае почести. Олень, вошедший во двор, считается гостем - его не убивают. В старину в знак уважения гостям омывали ноги, сейчас гостям обязательно вымоют обувь. В домах обустроены специальные кунацкие комнаты, специально предназначенные для приема гостей.

Мужчины и женщины не садятся за общий стол, для мужчин его накрывают в одной комнате, для женщин - в другой. Во время пышных и продолжительных застолий не увидишь пьяных. Быть в нетрезвом виде стыдно, значит не умеешь пить. Сравнение с свиньей, которая по мусульманским законам является скверным животным, обидное оскорбление.

Всем известны традиционно длинные кавказские тосты, они произносятся только мужчинами. Каждый мужчина должен уметь проносить тосты, которые считаются проявлением благодарности и уважения к хозяевам дома и гостям.

В. А.Тарабрина

Паралингвистические средства в русской разговорной речи

Необходимость включения в сферу лингвистического исследования факторов, непосредственно сопровождающих речь, отчетливо была выражена в “Тезисах Пражского лингвистического кружка” - концепция функционального подхода к языку естественно требовала расширения понятия “средства языкового общения”. “Следует систематически изучать жесты, сопровождающие и дополняющие устные проявления говорящего при его непосредственном общении со слушателем, жесты, имеющие значения для проблем лингвистических региональных союзов...” (с.25) – настоятельно подчеркивается в тезисах.

Широкое понимание диалога позволяет обратить внимание не только на лингвистические средства его создания (слово, реплику, диалогическое единство и т.п.), но и на паралингвистические – жесты, мимику, интонацию и т.д.

Мимикой обычно называют движение глаз и мышц лица, а жеста́ми – все другие телодвижения, причем имеется в виду коммуникативное, значимое поведение – оно или непроизвольно выводит вовне внутреннее душевное состояние человека, или с его помощью коммуниканты сознательно передают информацию друг другу.

Паралингвистические факторы затрагивают каждый раз лишь

конкретное высказывание, участвуя в формировании однозначного содержания речевого акта. К паралингвистике относятся как факторы субъекта, так и ситуативные явления: предметное окружение в момент говорения, выделение, подчеркивание с помощью отдельных движений и указаний говорящего ситуационных маркеров.

Набор любых паралингвистических средств носит системный характер, что дает возможность декодировать каждый раз конкретное сообщение.

По роли в коммуникации можно выделить две группы жестов: *жесты знаковые* (обладающие как планом выражения, так и планом содержания) и *жесты незнаковые*. Рассмотрим вначале использование в речи жестов незнаковых: 1) ритмических и 2) эмоциональных.

Подчеркивание ритмического рисунка высказывания – важнейшее амплуа жеста в разговорной речи. Ритм высказывания в разговорной речи – равномерное чередование ускорения и замедления – создается и подчеркивается повторением однотипной интонации и – одновременно – повторением одного и того же жеста в одних случаях и переключением на новый тип интонации и соответственно новый тип жеста – в других. Все это и создает картину подвижной игры ускорений и замедлений, напряжений и ослаблений в разговорной речи. Ритмическое подчеркивание также коммуникативно значимое членение речи.

Монотонность ритма прекрасно передает однообразное покачивание головой или покачивание ребром ладони. Определенные интонационно-синтаксические структуры естественнее производятся и легче воспринимаются при участии в акте речи жеста. Такова конструкция перечисления. Сама структура фразы при перечислении – повторение однородных в интонационном отношении отрезков – вызывает потребность поддерживать динамическую структуру фразы динамикой жеста. При перечислении как бы включается внутренний метроном, и говорящий выявляет ход этого своего внутреннего времени жестом.

Эмоциональные жесты весьма индивидуальны, пользование ими во многом зависит от привычек и темперамента говорящего. Полные, энергичные, “нередуцированные” жесты говорят об аффективности человека и обычно не рекомендуются этикетом.

Можно перечислить несколько наиболее устоявшихся русских жестов, которые названы во фразеологизмах: “всплеснуть руками” (радость, восторг); “развести руками” (досада, недоумение). “покачать

головой” (неодобрение); “схватиться за голову” (отчаяние); “отмахнуться (рукой)” (несогласие); “бить себя в грудь” (каяться, проявлять недовольство (собой)); “бить себя по лбу” (недовольство своей неадекватностью) и др.

Некоторые жесты эмоционального плана становятся знаками. Так, движение отмаха рукой может выступать как самостоятельная реплика в диалоге и иметь означаемое; в этом случае в одном жесте совмещается два разных плана – информационный и эмоциональный.

Среди жестов-знаков, т.е. жестов, непосредственно связанных с передачей информации и обладающих планом содержания, выделяются следующие типы жестов: указательные (дейктические), изобразительные (иконографические) и символические (жесты-символы). Функция указательных жестов состоит в том, чтобы выделить, отметить какую-то часть пространства вокруг говорящего. Указать можно просто взглядом, кивком головы, но указание рукой бывает наиболее точным и конкретным и поэтому обычно предпочитается во многих ситуациях.

Этикет запрещает “показывать пальцем” (указательным), особенно на человека. Но указание на малый предмет, например, на слово в строке с помощью указательного пальца не является отступлением от “правил хорошего тона”.

Указательные жесты в речи сопровождаются обычно указательными местоимениями: Мы ТУДА (жест) идем? ; Она уже выросла мне ДО СИХ ПОР (жест)//; Тебе какой клей? ТАКОЙ (жест) хочешь?

Указательный жест полностью понимается лишь в языковом контексте. Некоторые указания вообще можно понять лишь в связи с определенной системой представлений с “картиной мира”, отраженной в языке. Например, если человек указывает на грудь слева, где сердце, говорят: “У него тут (жест) ничего нет, это равнозначно выражению “у него нет сердца” (в переносном смысле). Аналогично указание на голову, если хотят сказать, что человек не слишком умен.

У изобразительного жеста всегда есть реальный прототип, особенности которого стремится передать жестикулирующий.

Приведем несколько примеров, изображающих различные действия человека: И вот шея как-то вот так вот набок (изображает)/ я не знаю почему // ; По песку бегают/ резвятся // двое в бадминтон (рука вверху, имитирует удар ракеткой)//.

Высокочастотны жесты, изображающие форму, положение в пространстве и движение различных предметов: Понимаешь, я купила ей эту штуку/ для этого (жест) ... миксера (круговое движение кистью)//; Он так нависает (жест) (левая рука поднята вверх, ладонь нависает).

Жест- символ обычно имеет абстрактное содержание. Среди условных жестов-символов назовем прежде всего жесты приветствий при встрече и прощании.

Выражение отрицания и утверждения в русскоязычном коллективе связывается с движениями головы: кивнуть головой – “да”; покачать головой – “нет” . Как “не знаю, сомневаюсь” читается пожимание плечами. Указательный палец к губам – призыв к молчанию. Ударить себя по лбу – “эврика”! Завести руку за голову к противоположному уху – “идти к чему-нибудь окольным, “кривым путем”. “Отталкивание” двумя руками – “отказ”.

Некоторые жесты-символы не допускаются к употреблению этикетом и поэтому сопровождают речь грубоватую, двусмысленную. Но вместе с тем они ярко экспрессивны и широко известны говорящим по-русски. Это, например, поднятый большой палец “на ять, во!” – высшая оценка чего-либо; Щелканье пальцами по горлу – “выпить вина”; постучать по лбу и чему-то твердому – “глупость, дубиноголовость”; покрутить пальцем около виска – “умственная неполноценность”; почесать за ухом – “сомнение”; потирать руки – “предвкушение приятного” и т.п.

Изучение национальных особенностей паралингвистических средств, участвующих в языковом общении, является такой же необходимостью, как и изучение самого языка.

Пражский лингвистический кружок. – М., 1967. С.25

С. Г. Онишко

Синтаксические средства корректировки представления о ситуации

В процессе восприятия окружающей действительности человеческое сознание вырабатывает образы, представления о ситуациях. В полном объеме мыслительный конструкт ситуации включает в себя

такие компоненты как субъект, действие, объект действия, признаки субъекта и объекта, обстоятельства, сопровождающие действие. Далеко не каждый из этих компонентов одинаково важен для коммуникантов, и потому, чтобы передать имеющееся представление посредством языка, говорящий или пишущий осуществляет отбор означаемых применительно к условиям речевого акта. Иными словами, речевое воплощение получает не вся мысленная модель, а только те ее составляющие, которые кажутся автору наиболее существенными.

Подобное положение дел оставляет возможность для попутного расширения представления адресата о ситуации, что приводит к корректировке этого представления. Уже в момент проговаривания готовой речевой единицы автор может включить в свое высказывание не планируемый изначально к вербализации фрагмент, который будет выглядеть как некое наслоение на сказанное ранее. Вводимое дополнительно сообщение демонстрирует в этом случае ступенчатый характер эшелонирования информации: вначале дается планируемая, коммуникативно релевантная, информация, за которой может следовать то, что находилось как бы “за кулисами”.

В письменной речи такого рода включение реализуется либо с помощью обособленных членов предложения, либо с помощью синтаксических вставок. Пунктуационное оформление этих средств обусловлено различной манерой включения попутной информации в устное высказывание: в одном случае говорящий сохраняет интонационную целостность фразы, в другом – ломает ее самоперебивом. Замечено, что результатом самоперебива оказывается появление в речи автономной фразы, до и после которой делаются значительные паузы и которая произносится пониженным тоном и чуть быстрее, чем все высказывание в целом.¹

Функциональные полномочия обособленных членов и вставных единиц, играющих роль средства информативного обогащения высказывания, могут пересекаться.

Функцию информативного обогащения высказывания способны выполнять те элементы лексико-грамматического состава предложения, обособление которых связано со специальными коммуникативными целями², под которыми следует понимать стремление расширить по ходу коммуникации представление адресата о ситуации. Этим же самым целям могут служить и вставки.

Представление о ситуации адресат получает через предложе-

ние, специфика номинативной модели которого состоит в том, что она “именует некую констатируемую ситуацию, которая носит интерпретационно-языковой характер и которая сводится к указанию на то, что нечто существует”.³

Обратимся к рассмотрению средств, помогающих адресату получить информацию о субъекте ситуации, который в предложении обозначен определяемой частью субстанциального компонента.⁴ В роли информативных распространителей могут выступить обособленные определения и вставные единицы с определительной семантикой. Их функции состоят, например, в указании на а) качества субъекта (внутренние, внешние):

Но вдруг одна из них, завладев лакомством, отлетает в сторону, где сидит другая ворона – поджарая, нервная, по-вороньи красивая, и отдает ей кусок (Г. Троепольский); - Сделай так, чтобы и мессер Леонардо принял меня в свою мастерскую, и чтобы фра Бенедетто – он такой добрый – простил меня... (Д. Мережковский);

б) количество субъектов:

Приходит компания студентов, человек пять, и общими силами покупают одну книгу или издание лекций совсем задешево... (В. Гиляровский); Константиновцы, – их было человек двадцать, – выскочив с перекрестка без оружия, рассыпались в поперечном же Фонарном переулке... (М. Булгаков);

в) коррелятивные особенности:

- Петр Александрович Миусов, родственник мой, любит, чтобы в речи было *plus de noblesse que de sincerite*... (Ф. Достоевский); Вслед за этим работник милиции (он тоже охотник) обратил внимание на старую заброшенную копну сена... (ж. ”Вокруг света”).

Определяющая часть субстанциального компонента предложения получает информативное распространение значительно реже, в основном посредством вставных единиц, которые либо расширяют объем субстанциального компонента за счет ввода дополнительного определяющего:

Я этой тяги в себе не ношу (Не чувствую и не слышу.) (В. Манин); Так считал (и так действовал) первый тренер Зайцева Вячеслав Алексеевич Платонов... (А. Самойлов);

либо констатируют “отношения репрезентантов субстанциального компонента к предмету”⁵:

Сперва он привык таить от отца любовь к матери (и ко всему

“материнскому”), а от матери любовь к отцу (и ко всему “отцовскому”)... (В. Ходасевич); Очень подробно рассказывал он мне об этом журнале, о редакции, с Анной Михайловной Евреиновой во главе (и ее муже) (З. Гиппиус).

Расширение представления о бытии потенциального феномена, привлеченного в зону внимания коммуникантов, может происходить за счет информативного распространения экзистенциального компонента номинативной модели предложения. Этой цели могут служить обособленные обстоятельства и вставные единицы с обстоятельной семантикой. В частности, с их помощью осуществляется указание на время события:

Григорий видел, как прошла его жена, и дома у себя в избе, через час, поучил ее, потаскав маленько за волосы (Ф. Достоевский); Может быть, как никакая страна в мире, наша родина после столетий ложного направления своего могущества (и в петербургский, и в советский периоды)... нуждается во всестороннем внутреннем развитии... (А. Солженицын);

и место: Там вдруг, среди густо стоявших лип и старых кустов смородины и бузины, калины и сирени, открылось что-то вроде развалин стариннейшей зеленой беседки... (Ф. Достоевский); Дома ему тоже не посчастливилось: вышел он, как привык, раз на свою прогулку и попал в манифестацию (он жил на Невском), толпа затеснила, затолкала его, притиснула к киоску... (З. Гиппиус).

Обособленные и вставные единицы могут также называть “всякого рода положения дел, которые обуславливают констатируемую ситуацию или, наоборот, являются производными от нее”⁶, т.е. они способны указывать на а) причину:

Следовало бы, – и он даже обдумывал это еще вчера вечером, – несмотря ни на какие идеи, единственно из простой вежливости (так как уж здесь такие обычаи), подойти и благословиться у старца, по крайней мере хоть благословиться, если уж не целовать руку (Ф. Достоевский);

б) условие: ...Сидел там, в избе, меж четырех стен (коли переночевать пустили тебя), между лавок, баб, ребят, кур, прусаков и клопов... (А. Белый);

в) уступку: Они любили друг друга, несмотря на различие характеров и вкусов, как любят друг друга приятели, сошедшиеся в первой молодости (Л. Толстой);

г) цель: Таким образом снарядившись, дожидались они благовеста и, заперев замком светлицу свою (чтобы в отсутствие их не закрался в нее какой-нибудь недобрый человек), отправлялись к обедне (Н. Карамзин).

Попутные замечания в виде обособленных или вставных единиц могут содержать “отсылку к различным предметным элементам фона, с которыми так или иначе связана констатируемая ситуация в целом или предметы в ее составе”⁷:

Путешествие до Царь-Града было (для меня) не из приятных... (З. Гиппиус);

или нести информацию о различных формах существования констатируемой ситуации в рамках фона:

С привычным тактом светского человека, по одному взгляду на внешность этой дамы, Вронский определил ее принадлежность к высшему свету (Л. Толстой).

Можно предположить, что такое использование обособленных и вставных единиц обусловлено действием в сознании автора механизма контроля за собственной речью, призванного следить за адекватностью продуцируемого отрезка речи представлению о ситуации.

-
1. Златопольский Ю. М. Динамические характеристики вставных конструкций в сопоставлении с обособленными второстепенными членами, асиндетоном, гипотаксисом и паратаксисом (на материале русского языка) // Уч. зап. Тартуск. ун-та. Вып. 481, 1979. - С. 47-53.
 2. Распопов И. П., Ломов А. М. Основы русской грамматики, Воронеж, 1984. - С. 257.
 3. Ломов А. М. Типология русского предложения, Воронеж, 1994. - С. 32.
 4. там же, с. 33.
 5. там же, с. 47.
 6. там же, с. 48.
 7. там же, с. 49.

М.А Егорова, И.И.Иванова

Формулы-реакции в английском общении

В английском языке большой интерес представляет изучение

дискурсного функционирования "готовых" единиц типа "You're welcome", "Be my guest", " Good idea!", "Not a clue", "Absolutly.", "Flattery will get you powhere". При явном разнообразии внутренней формы указанных выражений их объединяет то, что все они используются в общении в качестве непосредственной стандартной реакции на определенный вербальный стимул собеседника. На этом основании их можно выделить в особый подкласс, для обозначения которого наиболее удачным представляется термин *разговорные формулы-реакции*.

В докладе рассматриваются английские реактивные формулы, используемые в качестве ответной реплики на:

- 1) различные интенциональные варианты просьбы (Go ahead / Right you are / Not at all / No problem / If you must / No chance / No dice и др.);
- 2) речевой акт приглашения (I'd love to / With pleasure / That'd be very nice и др.);
- 3) инициативный и реактивный совет (You're right / That's a thought / I'm your man / It's worth trying / That's easier said than done / Fat chance! и др.);
- 4) предложение совместного действия (That'd be lovely /Why not?/ You said it / Be serious! / You must be joking / That's not good enough / I can't be bothered / No way и др.);
- 5) двусмысленный и многозначный вопрос (Definitely / I think so / You bet! / Not really / Search me! / I pass / It's a long story и др.);
- 6) комиссивный речевой акт предложения услуг (That's very kind of you / Could you? / I'm not fussy / Beggars can't be choosers и др.).

Анализ прагматической сочетаемости данных реакций с предшествующими речевыми актами позволяет выявить универсальную формулу "Of course ", формулы с широким диапазоном употребления (Sure / All righ / OK / Thank you), формулы с относительно узким диапазоном употребления (Now you're talking / With pleasure), а также монофункциональные формулы (Help yourself /Search me!).

Среди прагматических факторов, регулирующих употребление формул-реакций в диалогическом дискурсе, определяющим, безусловно, является иллокутивная *цель* предшествующего речевого акта (побуждение к действию, запрос информации или принятие на себя обязательства). Помимо этого, важную роль играют такие параметры как *бенефактивность* планируемого действия (в случае директивов и

комиссивов) и *тема* (в случае вопросов).

И.И. Лежнева

Этикет просьбы в русском и английском коммуникативном поведении

Владение речевым этикетом – один из определяющих факторов эффективности любого акта коммуникации. Речевой этикет эксплицирует представления собеседников о ситуации общения и распределении в ней ролей, демонстрирует эмоциональное отношение говорящего, подлежащее передаче в процессе общения, формирует позитивный настрой коммуникантов в отношении друг друга и проводимой беседы. Отступления от норм речевого этикета влекут за собой нарушение контакта и могут даже привести к его прерыванию. И напротив, налаживание контакта наиболее успешно и быстро может быть реализовано именно за счет использования этикетных формул, которые являются привычными и общепонятными для представителей той или иной нации формами выражения эмоций и интенций в большинстве жизненных ситуаций. Важную роль в речевом этикете играет выражение просьбы. Рассмотрим специфику английского и русского этикетного выражения просьбы.

Как русские, так и английские варианты выражения просьбы отражают, с одной стороны, степень вежливости, а с другой стороны, степень важности просьбы. При этом в русском языке важную роль в реализации компонента вежливости играет ориентация на личные местоимения "ты" или "Вы", а также их непосредственное использование в некоторых из формул: например, "Закрой/те пожалуйста дверь!" или "Не мог/ли бы ты/Вы закрыть дверь?" Общая ориентированность результата речевого действия на первое или второе лицо дифференцирует речевые акты просьбы от речевых актов совета: например, "Сходи в магазин!" = мне нужно, чтобы ты сходил в магазин. Или "Нечем заняться? Скучаешь? – Сходи к кино!" = тебе следует сходить в кино.

Иная специфика речевого поведения отражена в формулах просьбы английского языка. Ввиду идентичности обращения "на ты" и "на Вы" (с использованием универсальной формы "you") и при отсутствии соответствующих флексий у глагольных форм, компонент вежливости здесь передается иными средствами - как правило, представ-

ленными дополнительными словами. В английском языке, как и в русском, частотной является формула, содержащая глагол в повелительном наклонении и слово "пожалуйста": "Give me please" / Please give me" / "Please let me have" etc Более же вежливая, стилистически повышенная просьба заключается в выражениях, подобных русским косвенным вопросам, в том числе и содержащих модальные глаголы can / could, may или would. Помимо преимуществ в количестве и разнообразии модальных глаголов, в английском речевом этикетке эти глаголы еще и модифицируются наречиями "kindly", "possibly" и подобными, которые неуместны в подобных контекстах на русском языке. Например, выражение "Kindly pass the salt, please" может быть переведено на русский как "Вас не затруднит передать мне соль?" или "Передайте мне, пожалуйста, соль", при этом какой-то компонент выражения оригинала непременно теряется. А столь пространное выражение просьбы, как "Do you think you could possibly do some shopping for me", имеет, согласно справочнику Н.И. Формановской и С.В. Шевцовой, русский эквивалент "Сходишь в магазин?" (1990, с. 55).

Подобное несоответствие в степени выражения вежливости объясняется различиями в восприятии этикетных ситуаций, которые данными высказываниями обслуживаются: в русском языке, например, последняя из рассмотренных просьб – сходить в магазин - относится, за редкими исключениями, к близкому или, по меньшей мере, к хорошо знакомому человеку. Отсюда – неформальность оформления этой просьбы. А в английском языке подобная просьба может относиться и к людям из круга знакомых, приятелей, чтобы те попутно "прикупили" что-либо для адресанта (что обусловлено наличием у выражения "to do shopping" значения "сделать покупки", помимо значения "сходить в магазин"), а также к представителям соответствующих служб (сеть которых значительно шире и более развита в Англии, нежели в России). Такие различия, присутствующие в сознании носителей языка на протяжении столетий, отражаются в речевом этикете данного языка.

Рассматривая несоответствия между русскими и английскими формулами выражения просьбы, следует упомянуть и так называемые "псевдо-утверждения" (термин З.А. Плюхиной, с. 48). Они используются при высказывании просьб адресатам, с которыми адресант состоит в близких отношениях. Например, в английском речевом этикете к ним относятся такие единицы как: "Hey, I need some change for the phone" / Oh, dear, I haven't got any change for the tram" / "I don't seem to

have any change on me" etc. В русском языке подобные утверждения сами по себе не выражают просьбы, а как правило, сопровождаются эксплицитными формулами просьбы. Например, эквивалентная последней из приведенных английских формул русская "Кажется, у меня нет при себе мелочи" будет, очевидно, сопровождаться вопросом "Ты не займешь?" Такого рода отличия в оформлении просьб выявляют разное представление о вежливости. И если у англичан подобные ремарки характеризуются недосказанностью, формальной не выраженностью интенции, то в русском языке невысказанной прямо бывает лишь просьба "высокого уровня", то есть просьба большой важности и требующая особо вежливого оформления.

В то же время, и в русском языке существуют специальные механизмы избегания категоричности в выражении просьбы. В частности, как отмечает Н.И. Формановская в пособии по русскому речевому этикету, именно во избежание излишней официальности и "холодности" самая типичная формула выражения просьбы "я прошу вас + инфинитив" в процессе речевой практики модифицировалось в форму императивного высказывания с ядром – повелительным наклонением глагола, и словом "пожалуйста": "Сделайте это + пожалуйста". (1990, с. 36). А при необходимости усиления компонента вежливости в значении формул просьбы в дополнение к слову "пожалуйста" привлекаются сопровождающие изъятия любезности и признания принимаемого адресату затруднения:

Если Вам не трудно, ...

Если Вас не затруднит, ... + пожалуйста

Не откажите в любезности, ... и т. п.

В английском коммуникативном поведении, со свойственной ему с давних времен церемонностью, аналогичные формулы также присутствуют (Ср.: *If it's no trouble...* / *Would you be so kind as to...* и подобные). Но если в русских формулах таким образом выражается "повышенная вежливость", "манифестирующая социальный статус говорящего" (1987, с. 38), то в английском языке выражения типа, "*If it's no bother...*" несут и некоторую логически содержательную ценность (например, в значении "если это не отвлечёт Вас от дела, которым Вы занимаетесь"). И вследствие этого, фамильярно-дружеские формулы, как русская: "Будь другом, сделай это" в английском речевом этикете не представлены.

Некоторые различия можно наблюдать и на примере выраже-

ния просьбы в форме вопросов: прямых, косвенных вопросов (или псевдо-вопросов, по терминологии З.А. Плюхиной (с. 49) и разделительных вопросов. Последний тип не присутствует в русской грамматике в том виде, в каком он представлен в английском языке. И вопросы типа: "You haven't got this book, have you?" или "You can help him, can't you?" переводятся на русский путём адекватной передачи основной части и приданием ей вопросительности присоединением окончаний: "не так ли?" / "не правда ли?" / "правда. Например, просьба о помощи (см. пример выше) может быть изложена таким образом: "Ты ведь сможешь ему помочь, правда?". В таком варианте просьба более категорична, нежели вышеприведённая на английском и, подобно большинству подобных русских высказываний, психологически менее "комфортна" для негативной на неё реакции.

К данному типу различий относятся и расхождения между русскими и английскими выражениями просьбы в форме "псевдо-вопросов". В английском речевом этикете к таким относятся формулы, подобные: "Do / Would you mind being here at nine o'clock / coming earlier / etc., please?" Положительный ответ в подобном случае обозначает отказ выполнить просьбу, а по известному утверждению психологов, сказать "да", даже в значении "нет" проще, нежели "нет", обозначающее "да".

Таким образом, в результате анализа русских и английских формул речевого этикета, относящихся к выражению просьбы, можно сделать следующие выводы.

Основной отличительной чертой английского речевого этикета является превалирование косвенных, завуалированных выражений просьбы, в то время, как в русском этикете преобладают прямые, открытые, иногда несколько напористые выражения. Причины национально-культурных различий следует искать в традициях, обычаях и историческом развитии наций. Так, Англия – страна трепетного отношения к своим традициям, что нередко выражается в консерватизме. Это страна, где церемонность и некоторая чопорность, проникнув во все сферы жизни, остаются довольно "живучими. В России же на протяжении более полувековой истории велась активная борьба за очищение языка от "буржуазных предрассудков", представленных, в частности, в церемонности выражения интенций. Вследствие этого, речевой этикет, в силу своей социальной природы являющийся одним из наиболее чувствительных к социальным изменениям компонентов

языка, в русском варианте представляет более упрощенные, укороченные и прямолинейные формулы для выражения просьбы, нежели те, которые представлены в английском речевом этикете.

Плюхина З.А. Англичане говорят так. – М., "Высшая школа", 1991.

Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. – М., "Русский язык", 1987.

Формановская Н.И., Шевцова С.В. Речевой этикет. Русско-английские соответствия. Справочник. – М., "Высшая школа", 1990.

Е.Б.Чернышова

Особенности использования мимических сигналов шестилетними детьми

Наблюдения над мимическими сигналами шестилетних детей (метод включенного наблюдения) позволяют говорить о следующих основных функциях мимики ребенка в этом возрасте:

- усиление экспрессии выражаемого содержания,
- выражение эмоционального состояния ребенка, переживаемого им в момент речи,
- реактивно-оценочная функция (оценка речи и поведения собеседника в момент общения),
- установление контакта,
- скрывание истинных намерений или чувств.

Обращает на себя внимание также возрастная специфика мимики ребенка в этом возрасте: в общении с взрослыми ребенок использует мимику гораздо интенсивнее и чаще, чем в общении со сверстниками. При этом мимика ребенка, обращенная к взрослому, оказывает со сверстниками. В общении со сверстниками и младшими шестилетками используют мимику реже, но зато она более разнообразна. Данные различия объясняются следующим: взрослые лучше понимают мимические сигналы, поэтому дети и используют эти сигналы в общении с ними чаще, интенсивнее; однако в общении с взрослыми дети больше сдерживаются и преимущественно используют "разрешенную", сдержанную мимику, следят за собой. В общении со сверстниками и малышами они демонстрируют меньшую сдержанность, но используют

меньше мимических сигналов из-за того, что сверстники и особенно младшие плохо интерпретируют эти сигналы.